Н.Б. Виноградов

ЮЖНЫЙ УРАЛ И ЗАУРАЛЬЕ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Учебное пособие

Челябинск 2015

УДК 9(с17)
ББК 63.3(2Р36)
В 49

В 49 **Виноградов, Н.Б. Южный Урал и Зауралье в древности и средневековье** [Электронное издание]: учебное пособие / науч. ред. А.В. Епимахов. — Челябинск: АБРИС, 2015. — 240 с.: 209 илл.

ISBN 978-5-91744-089-7

Издание будет полезным для студентов исторических вузов Южного Урала, поскольку содержит как очерк истории изучения древней и средневековой истории Южного Урала и Зауралья, так и краткое популярное изложение содержания отдельных периодов древней и средневековой истории этих территорий. Безусловными достоинствами учебного пособия также являются: степень насыщения его иллюстрациями и наличие словаря персоналий исследователей древней и средневековой истории региона.

УДК 9(с17)
ББК 63.3(2Р36)

ISBN 978-5-91744-089-7

Научный редактор — д.и.н. **А.В. Епимахов**

Рецензент — к.и.н. **С.В. Кузьминых**

© Издательство «Абрис», 2015.
© Виноградов Н.Б., текст, фото, 2015.
© Шмелёв Ю.В., живопись, 2015.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора 5

ГЛАВА 1. Современная археология. Какая она? 9
Методы археологии (9)
Связи археологии с другими науками (11)
Трасология (11)
Экспериментальная археология (13)
Археозоология (21)
Палеоботаника (21)
Аэрофотография и космические снимки (23)
Палеоантропология (23)
Палеоклиматология (25)
Сотрудничество с учеными лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН (25)
Геофизика (26)
Ядерная физика и датирование событий в археологии (28)
Вывод (28)
Литература (28)
Вопросы для обсуждения (28)

ГЛАВА 2. Природа и климат в древней и средневековой истории Южного Урала 29
Использование южноуральских минералов людьми в древности и в средневековье (35)
Тайны каменных орудий (36)
Тысячелетия познания минералов
Яшмы (39)
Кварц (горный хрусталь) (40)
Серпентиниты и похожие минералы (40)
Древнее металлопроизводство и минералы-руды (43)
Тальк (44)
Граниты в древности и в Средневековье (48)
Нефрит (48)
Выводы по разделу (51)
Литература (51)
Вопросы (51)

ГЛАВА 3. Письменные источники о древней истории Южного Урала 52
В качестве вывода (53)
Литература к разделу (53)
Вопросы (54)

ГЛАВА 4. Археологические источники изучения древней и средневековой истории Южного Урала 55
Война людей со своей историей (55)
Выводы (60)
Литература к разделу (60)
Вопросы (60)

ГЛАВА 5. История изучения древней и средневековой истории Южного Урала 61
Исследователи XVIII в. и археология региона (61)
XIX в. в истории археологического изучения Южного Урала (64)
Уральское общество любителей естествознания и археология региона (66)
Археология Южного Урала в XX в. (71)
Археология в Челябинске (80)
Археология в стенах ЧГПИ/ЧГПУ (85)
Выводы по разделу (100)
Литература к разделу (102)
Вопросы (102)

ГЛАВА 6. Люди обживают Южный Урал. Палеолит 103
Следы палеолита в крае (104)
Хозяйственная жизнь древнейших южноуральцев (108)
Палеолитические святилища (112)
Выводы по периоду (117)
Литература (117)
Вопросы (118)

ГЛАВА 7. Мезолит Южного Урала 119
Природа в мезолите (119)
Мезолитические памятники (119)
Изменения в хозяйственной жизни (119)
Сокровища из торфяников (122)
Мезолитические святилища (122)
Выводы по периоду (122)
Литература (123)
Вопросы (123)

ГЛАВА 8. Неолитический период истории Южного Урала 124
Начало истории гончарства (126)

Изменения в традициях изготовления каменных орудий (128)
Наскальные рисунки Южного Урала неолитического периода (130)
Святилище на озере Большие Аллаки (135)
Выводы по периоду (136)
Литература (137)
Вопросы (137)

ГЛАВА 9. Южный Урал в эпоху энеолита 138
Выводы по периоду (140)
Литература (140)
Вопросы (140)

ГЛАВА 10. Урал в бронзовом веке 141
Природа и климат региона в бронзовом веке (141)
Начало металлопроизводства на Южном Урале (142)
Древнеямная культура в Оренбуржье и на западе Южного Зауралья (149)
Новые пришельцы обживают степи Южного Зауралья (149)
Укрепленное поселение Аркаим (149)
Укрепленное поселение на р. Синташта (151)
Укрепленное поселение у с. Черноречье (152)
Синташтинский могильник (152)
Могильник Кривое Озеро у с.Черноречье Троицкого района (162)
Загадочные строители укрепленных поселений
Металлопроизводство в жизни обитателей укрепленных поселений (163)
Кланы металлургов-кузнецов (166)
Абашевская культура бронзового века на Южном Урале (168)
Алакульская культура бронзового века Древние Кулевчи (169)
Как хоронили умерших сородичей носители алакульской культуры? (175)
Срубная культура бронзового века на Южном Урале (177)
Федоровская культура бронзового века на Южном Урале (179)
Алексеевская культура бронзового века степей Южного Зауралья (179)
Черкаскульская культура бронзового века (182)
Межовская культура бронзового века (183)
Бархатовская культура конца бронзового века (185)
У начала истории караванных путей (185)
Выводы по разделу (185)
Литература (186)
Вопросы (187)

ГЛАВА 11. Ранний железный век на Южном Урале 188
Ранние кочевники степей Южного Урала (188)
Загадка курганов «с усами» (192)
Древние караванные пути (193)
Гамаюнская культура (195)
Иткульская культура (195)
Гороховская культура (201)
Выводы по разделу (203)
Литература (204)
Вопросы (204)

ГЛАВА 12. Средневековый период в истории Южного Урала 205
Эпоха великого переселения народов и ее результаты для района Южного Урала (205)
Улус Шибана (208)
Распространение ислама (208)
Выводы по разделу (214)
Литература (216)
Вопросы (216)

Заключение 217

Краткий словарь персоналий археологов — исследователей древней и средне-вековой истории Южного Зауралья 218

«Чудесный край, благословенный,
Хранилище земных богатств,
Не вечно будешь ты забвенный,
Служить для пастырей и паств.
И люди прибегут толпами,
Твое приволье полюбя,
И не узнаешь ты себя...»

С.Т. Аксаков

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Книга, которую вы открыли, была создана в первую очередь для студентов исторического факультета Челябинского государственного педагогического университета – будущих учителей истории, которым мне выпало читать небольшой по объему учебный курс «Древняя и средневековая история Южного Урала».

Была ли необходимость в написании этого очерка? Библиотеки и Интернет насыщены различными научными археологическими трудами по различным аспектам древней истории Южного Урала и Зауралья. Массовым тиражом изданы региональные школьные учебники по краеведению с обширным обращением к этой же теме. И тем не менее общий очерк древней и средневековой истории края в свободной доступности для студентов-историков и школьных учителей истории до сих пор не был создан. Предлагаемое вашему вниманию издание призвано в какой-то степени восполнить даже не это упущение. Его задача – подтолкнуть студентов к саморазвитию в познании тайн древней и средневековой истории края.

Приступая к работе над очерком, я столкнулся с дилеммой: создать его в строгом академическом изложении либо представить в виде размышлений о проблемах местной древней и средневековой истории, с элементами беседы с читателями. Мне трудно объяснить почему, но я избрал более сложный в исполнении второй вариант. Удалось это или нет – решать не мне.

Внутренняя структура очерка продиктована несколькими соображениями. Основные читатели – студенты исторического факультета ЧГПУ. Благодаря этому в очерке появился большой объем информации по истории археологической науки на Южном Урале, в Челябинске и особенно в стенах ЧГПИ/ЧГПУ.

Раздел о современных методах археологии на Южном Урале должен убедить читателей в том, что современная археологическая наука в России не делится на столичную и провинциальную. Как доказательства этого тезиса в разделе описываются многочисленные примеры личного сотрудничества автора с разнообразными профильными специалистами.

Не случаен и раздел, посвященный сложным взаимоотношениям наших древних и средневековых предшественников с природой. Картина природы Южного Урала «подправлена» многими поколениями южноуральцев не в лучшую сторону. Сказочные богатства гор и предгорий (минералы, лес, вода, животный мир), кормившие наших предшественников на протяжении многих тысячелетий, стали одной из главных причин страшных ран, причиненных людьми природе. Она же достойно мстит потомкам за обиды, причиненные предками. Воздух городов, которым трудно дышать, реки, воду которых даже для стирки брать опасно, – приметы сегодняшнего дня (рис. 1; 2). Рельеф большей части поймы долины в верховьях реки Миасс, где еще относительно недавно разворачивались акты драмы «золотой лихорадки», вторичен и создан за несколько веков старателями-золотоискателями (рис. 3; 4). Гигантская

Рис. 1. Воздух индустриального Челябинска

Рис. 2. Долина реки Миасс в районе пос. Солнечный

Рис. 3. Следы работы золотодобытчиков в верховьях реки Миасс

Рис. 4. Рукотворные карьеры в верховьях реки Миасс

Рис. 5 Горы в районе г. Карабаша

чаша Коркинского угольного разреза вызывает смешанные чувства. Уголь добыт, но что делать с выемкой, циклопическими отвалами на ее бортах, с самовозгоранием угля? Как скоро дойдут руки и найдутся деньги для рекультивации? Желтые безжизненные горы вокруг Карабаша (рис. 5), отравленная река Сак-Елга, стекающая в Аргазинское водохранилище – резервуар питьевой воды для Челябинска. Тысячелетиями южноуральские леса вырубались ради получения древесного угля для работы металлургических печей. Взглянув на названия горных сел и урочищ (например, Северные Печи в Миассе), вы должны понимать, что здесь когда-то выжигался древесный уголь. Глядя на леса в горных долинах между Миассом и Златоустом, часто хочется сравнить их картину с одеялом, сшитым из разноцветных, правильных очертаний, кусочков. Это следы огромных вырубок последних веков, после которых на этих местах скорее вырастали деревья менее ценных для людей пород. Устроенный нашими современниками пожар погубил большую часть уникального памятника природы – Санарского бора. Некоторые виды животных, например, диких лошадей – тарпанов в наши дни можно видеть разве что на картинках, а отдельные минералы, например малахит – только в музеях.

Так что, когда задается вопрос: зачем она нужна, история родного края?» – хочется ответить вот что. Историю, как в целом, так и Южного Урала в частности, можно сравнить с зеркалом, в которое люди должны непременно чаще всматриваться, чтобы не повторять ошибок своих предков и предшественников.

Автор считает своим долгом выразить искреннюю признательность коллегам, взявшим на себя нелегкий труд редактирования, правки и внесения корректив в содержание очерка: доктору исторических наук, профессору ЮУрГУ А.В. Епимахову, а также известному южноуральскому геологу С.В. Колисниченко. Отдельная благодарность моей жене – Н.Н. Пашковой за долготерпение, постоянную поддержку и разностороннюю помощь в реализации этого проекта.

ГЛАВА 1. СОВРЕМЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ. КАКАЯ ОНА?

История древних и средневековых народов Южного Урала известна преимущественно по данным раскопок, произведенных археологами. То есть история восстановлена в ходе размышлений ученых над развалинами древних поселений, кладбищ, святилищ и находками, добытыми из них.

Методы археологии. Свои раскопки археологи ведут по строгим и сложным правилам. Слой почвы, в котором отложились остатки жизни и деятельности древних людей археологи не без основания называют культурным. Предполагается, что он образовался в значительной мере как результат жизни какого-то древнего народа. Площадь, которая раскапывается, разбивается на квадраты (рис. 6). Слой, содержащий остатки древней жизни, вынимается осторожно, горизонтальными слоями порой по несколько сантиметров. Все обнаруженные в раскопе предметы ни в коем случае не должны сдвигаться из первоначального положения. Иначе не удастся понять, что случилось здесь много веков назад. Все, что наблю-

Рис. 6. Методика раскопок древних поселений. Укреплённое поселение Устье I

дает археолог, он детально описывает, зарисовывает и фотографирует. В этом смысле работа археологов сходна с работой криминалистов, расследующих преступления.

Безгласные предметы, если над ними хорошенько подумать, могут о многом поведать пытливому уму. Тем более что современные археологи привлекают на помощь самых разнообразных специалистов. Но очень важно иметь в виду то, что «за кадром» внимания ученых все-таки остается та часть древней жизни, которая не оставила вещественных следов. Скажите, например, как по раскопкам древнего погребения восстановить путь погребальной процессии, состав ее участников или погребальные песнопения? Сказанное нельзя рассматривать как признак беспомощности ученых. Но и они, зачастую, не могут сказать, как, допустим, себя называл тот или иной древний южноуральский народ. Поэтому археологи называют их «археологическими культурами» — условными именами, которые дают по месту первой или самой значительной находки, с ними связанной. Но не все ученые согласны с тем, что за археологическими культурами нужно видеть обязательно какой-то древний народ. Противники этой гипотезы считают, что у разных народов, обитавших в сходных природно-климатических условиях в одно и то же время, со сходной структурой хозяйства и общества в результате тесных связей друг с другом могли образоваться схожие признаки (планировка и архитектура поселений, погребальные обряды, керамика, типы металлических орудий и т.д.). В то же время происхождение этих народов могло быть различным.

Археологию долгое время считали «наукой, изучающей вещи», т.е. материальные остатки. Да и сейчас не все археологи убеждены в том, что современной археологии по силам не только вещеведение, но и сложные историко-культурные реконструкции, создание связных «картин исчезнувших миров» и их смены друг другом. Но все-таки специалистов, считающих, что археологическая наука способна создавать историческое знание, большинство.

Археологи как основу для разделения древнейшей истории людей на периоды рассматривают материалы, из которых в основном в тот или иной период изготавливались орудия труда. Так в древнейшей истории людей появились «каменный век», «бронзовый век», «железный век». В свою очередь, каждый из них подразделен на более мелкие этапы. Начало истории людей на Южном Урале в древнем каменном веке (палеолите), по современным данным, отстоит на 300 000 лет от наших дней. Палеолит был самым протяженным периодом древнейшей истории и закончился около 10000 лет назад. Древний каменный век сменился мезолитом (средним каменным веком) — VIII—VII тыс. лет до н.э. За ним следовал неолит — новый каменный век (VI—IV тыс. до н.э.). Медно-каменный век (энеолит) обитатели Южного Урала пережили в IV—III тыс. до н.э. Период с III по начало I тыс. до н.э. — бронзовый век. А с VII в. до н.э. по II—IV в. н.э. ранний железный век. И, наконец, со II—IV в. н.э. начинается последний период археологической части истории Южного Урала — Средние века. Надо сказать, что эти «века» (особенно это относится к бронзовому и железному векам) даже в разных районах Южного Урала начинались и заканчивались не всегда в одно и то же время. Почему? Причины могли быть самые различные (природные особенности, особенности хозяйственной жизни и т.д.).

Исчезнувшие когда-то миры представляются археологам как созвездия существовавших на одной территории и в одно и то же время вещей, объектов, материальных остатков технологий и т.п. В силу разных причин эти созвездия археологических остатков или менялись с течением времени постепенно (если история одного и того же населения не прерывалась), или эти «миры вещей» резко сменяли друг друга, если происходила смена населения и культурная преемственность нару-

шалась. Так или иначе, но через несколько столетий истории археологии ученые могут довольно определенно высказываться как о датировке конкретного предмета или объекта, так и о территории его бытования.

Связи археологии с другими науками. В XX в. облик археологической науки существенно изменился. Традиционно ее определяли как науку, «вооруженную лопатой». Современные археологи изучают древнейшие периоды истории человечества в тесном содружестве с профильными специалистами из самых различных областей знания. Ниже приведены несколько примеров подобного сотрудничества автора очерка.

Рис. 7. С.А. Семёнов — основоположник экспериментально-трасологических исследований в России

Трасология. Для чего было предназначено то или иное древнее каменное или костяное орудие, найденное при раскопках? Археолог не может ответить на этот вопрос однозначно. Но определение назначения орудия может быть гарантировано, если следы на их рабочих поверхностях будут исследованы специалистами под микроскопом. Этот метод исследования древних предметов называется трасологическим (от английского слова *trace* — след). Много лет назад этот метод разработал отечественный ученый Сергей Аристархович Семенов (1898–1978) (рис. 7). По древним образцам Сергей Аристархович с учениками изготавливал каменные орудия. Поскольку они были новыми, то никаких следов работы на их рабочих поверхностях еще не было. Сделанными современными копиями древних орудий ученые рубили, пилили, жали, сверлили и т.д. Затем разглядывали следы работы под микроскопом, фотографировали и сравнивали с древними, «узнавая» их.

Так исследование следов работы помогает археологам узнать былое назначение каменных орудий.

Автор этих строк неоднократно и чрезвычайно плодотворно сотрудничал с такими известными трасологами, как Г.Ф. Коробкова, А.Н. Усачук, Н.Ю. Кунгурова. Сотрудничество это помогло, в частности, доказать, что металлургия меди и металлопроизводство занимали важное место в хозяйственной жизни обитателей ряда южноуральских поселений бронзового века: Кулевчи III в современном Варненском районе, укрепленного поселения Устье I (рис. 8; 9). Именно Г.Ф. Коробкова определила, что из 30 привезенных мной в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР обломков каменных «зернотерок», извлеченных из культурного слоя поселения Кулевчи III, 29 являлись в действительности рудотерками и были инструментами для дробления и растирания медной руды. Археологи также иногда помогают трасологам. Припоминаю радость А.Н. Усачука, когда он увидел редчайшие экземпляры металлических пил из раскопок южноуральских поселений бронзового века — одни из самых древних в Евразии (рис. 10). Впервые трасологу представилась возможность наблюдать инструменты, следы работы которых он фиксировал многократно на древних костяных изделиях.

Экспериментальная археология. Насколько эффективными были древние орудия? Это выясняет специальная наука — экспериментальная археология. Чешские ученые, проводившие эксперименты, Р. Малинова и Я. Малина приводят примеры,

Рис. 8. Рабочая поверхность каменного песта для дробления и растирания руды

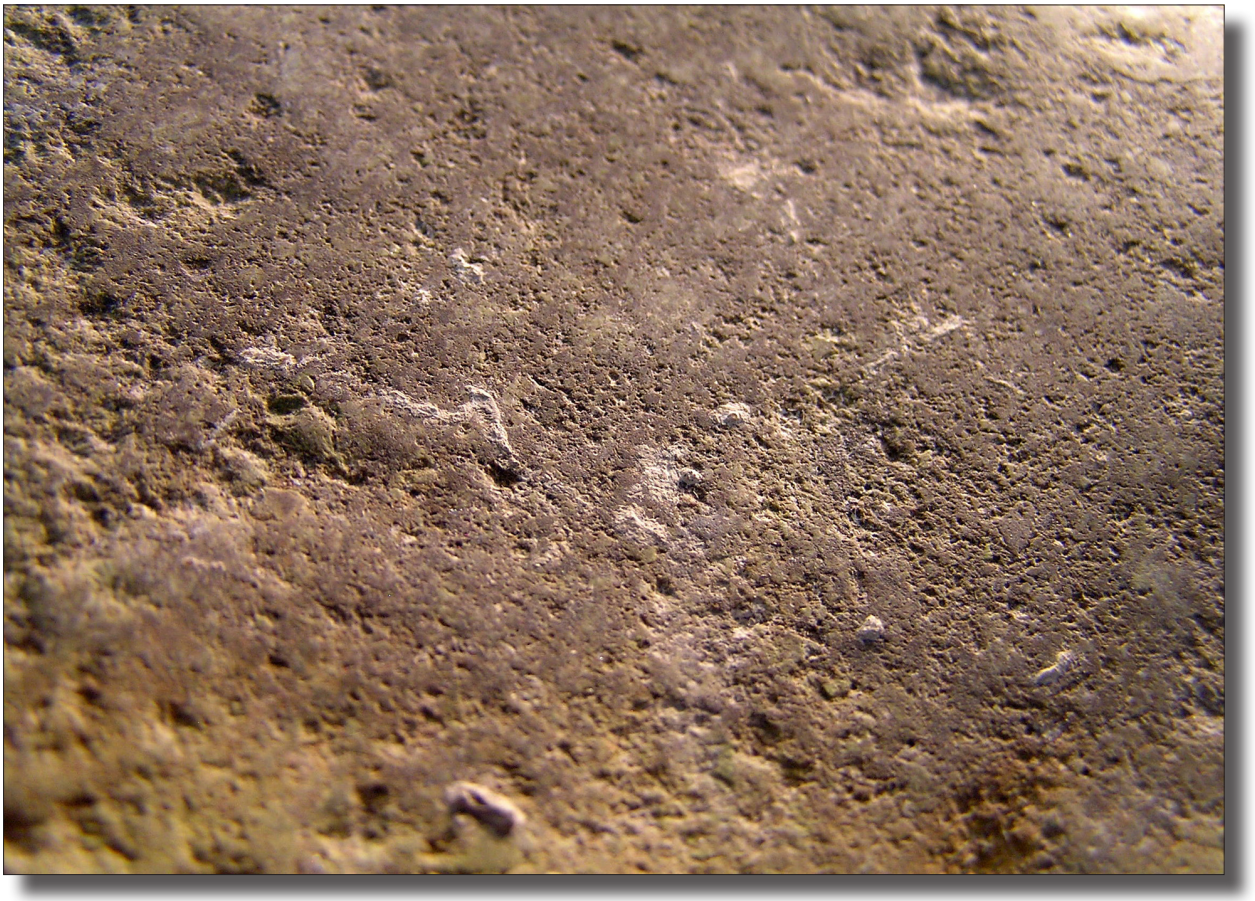

Рис. 9. Рабочая поверхность абразива

Рис. 10. Лезвие бронзовой пилы из раскопок укреплённого поселения Устье I

когда копьем с кремневым наконечником была пробита сантиметровой толщины деревянная доска и три слоя кожи оленя. Стрелы с каменными наконечниками пробивали железные доспехи, кольчуги. Поле площадью в 25 квадратных метров каменными серпами сжали за один час. Кожу барана каменными скребками обработали за пять часов. А почти полуметровой толщины сосну срубили каменным топором за 21 минуту.

В Челябинске до недавнего времени экспериментами, связанными с металлургией бронзового века, весьма результативно занимался И.А. Русанов (ЧелГУ). Именно экспериментальная археология дала ему аргументы для парадоксальных порой новаторских заключений об особенностях металлургического процесса в бронзовом веке Южного Урала (рис. 11; 12).

Археологи ЧГПИ в свое время успешно занимались исследованием технологии формовки керамических сосудов, бытовавшей у населения алакульской культуры бронзового века Южного Зауралья. Удалось восстановить древнюю гончарную технологию и доказать, что новые сосуды формовались на перевернутых вверх дном старых обтянутых влажным текстилем (рис. 13–15). Эта культурно-технологическая традиция наследовалась и позволила говорить о культурно-генетической преемственности степного населения Южного Зауралья в бронзовом веке.

Археологическая лаборатория ЧГПУ на протяжении ряда лет успешно сотрудничает со специалистом по древним технологиям из Самары Игорем Владиславовичем Горащуком. Благодаря его семинарам, мастер-классам, руководству в течение ряда сезонов экспериментальной площадкой по технологиям каменного века в полевой детской школе экспериментальной археологии на озере Акакуль преподаватели, студенты и школьники Челябинской области впервые воочию увидели и составили впечатление об этих отделенных от нас тысячелетиями явлениях (рис. 16–18).

Рис. 11. И.А. Русанов — подвижник экспериментальной археологии в Челябинске

Рис. 12. Расплавленный металл заливается из тигля в форму

Рис. 13. Студентка-археолог Лиза Богер демонстрирует сосуд из могильника Кенес в Северном Казахстане со следами формовки на сосуде-основе

Сотрудник Донецкого областного краеведческого музея (Украина) Анатолий Николаевич Усачук, специалист по археологической трасологии, не только обработал обширные коллекции древних костяных предметов, полученных археологами ЧГПУ в результате раскопок поселений и могильников бронзового века в Южном Зауралье, но и провел мастер-класс для студентов-археологов ЧГПУ (рис. 19). В результате на протяжении ряда лет археологическая трасология – одна из тем студенческих научных исследований.

В 1980-е годы археологи ЧелГУ раскопали древний курган рядом с известной «башней Тамерлана», в окрестностях пос. Варна. После окончания раскопок они ... вновь построили это надмогильное сооружение из дерновых блоков и земли. Построили в виде... ступенчатой пирамиды, поскольку предполагали, что именно так курган выглядел первоначально. Зачем? Чтобы выяснить, за сколько лет дерново-земляная пирамида осыплется и превратится в курган-бугор. Не прошло и десяти лет, как ступени разрушились и курган приобрел привычную для нас полусферическую форму.

Археозоология. Результативно сотрудничают южноуральские археологи с археозоологами, изучающими кости животных из раскопок археологов. Результаты этого изучения: представления о составе стада, о видовых особенностях домашних животных у обитателей как конкретного древнего поселения, так и у всего древнего народа.

В свое время я был удивлен, когда археозоолог Павел Андреевич Косинцев (рис. 20) рассказал мне о характеристиках домашних животных из раскопок поселе-

Рис. 14. Обжиг экспериментально изготовленных керамических сосудов

ния бронзового века Кулевчи III в Южном Зауралье. Оказалось, что коровы бронзового века в холке имели высоту не более 130 см, а лошади — 136—144 см.

Археозоологи, исследовавшие время забоя животных обитателями укрепленного поселения Устье I, помогли доказать сезонность обитания поселения людьми.

Благодаря трудам П.А. Косинцева и его учеников, в частности, удалось восстановить динамику изменения состава стада на протяжении бронзового века у населения степей Южного Зауралья.

Палеоботаника. Ученые из лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН (руководитель — д.и.н., член-корреспондент РАН Е.Н. Черных) много сил отдали поискам следов земледелия в культурном слое памятников бронзового века Южного Зауралья (рис. 24). Используя метод промывки (флотации) культурного слоя ученые ищут обгоревшие зерна злаковых растений и устанавливают по ним наличие или отсутствие земледелия у обитателей конкретного поселения. Автор наблюдал в 1989 г. за безуспешными попытками (всего их было восемь) Е.Ю. Лебедевой из лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР найти в культурном слое укрепленного поселения бронзового века Устье I подобные обгоревшие зерна. Но тщетно. Земледелия не было в структуре хозяйства обитателей этого поселения, как, впрочем, и в хозяйственно-экономической жизни населения прочих укрепленных поселений рубежа III—II тыс. до н.э.

Рис. 15. Оттиски орнамента сосуда-основы на внутренней стороне нового сосуда

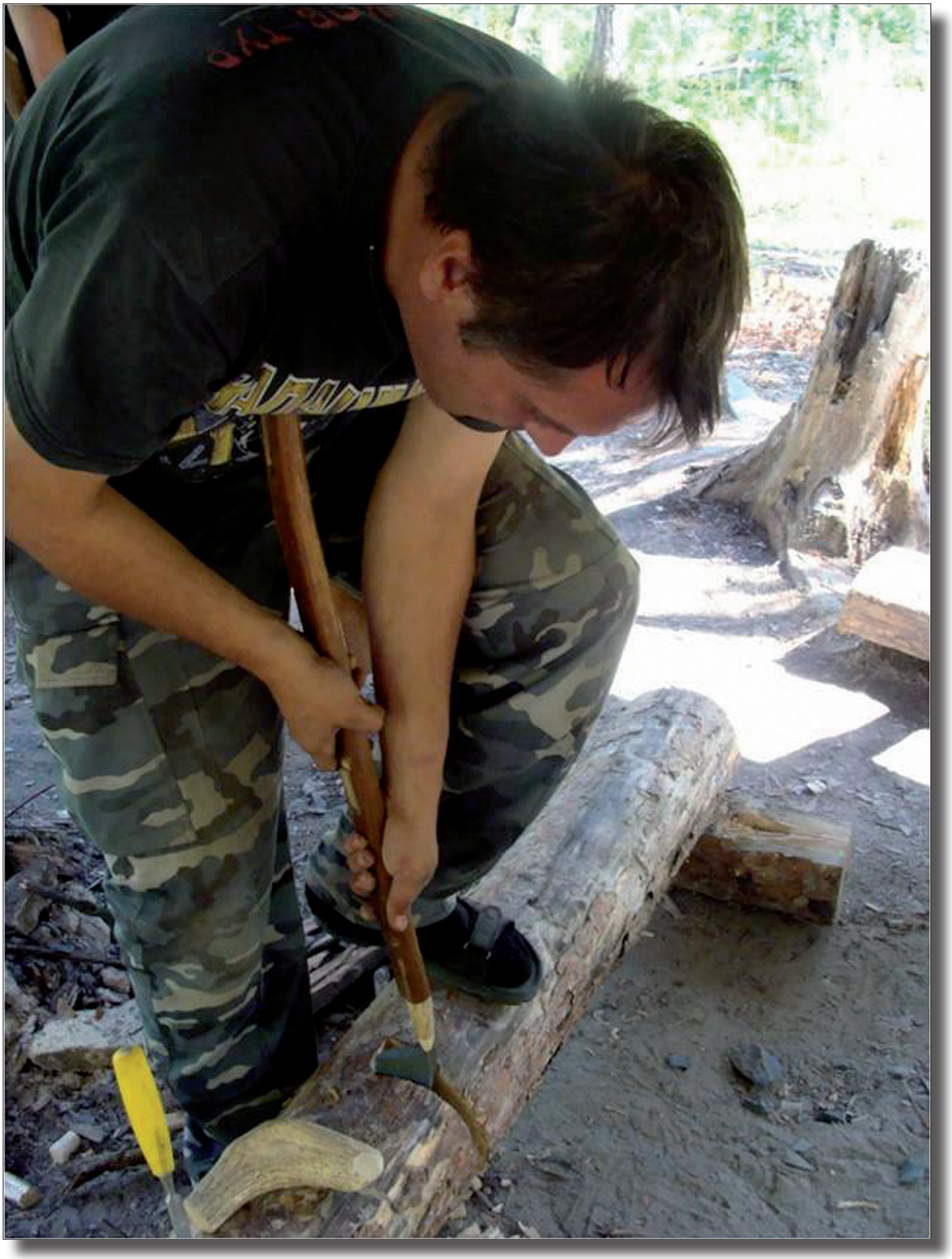

Рис. 16. Археолог И.В. Горащук отделяет пластину от нуклеуса с помощью изобретенных в древности приспособлений

Рис. 17. Экспериментальное изготовление каменных орудий

Рис. 18. Процесс ретуширования экспериментально изготовленного каменного орудия

Рис. 19. Археолог А.Н. Усачук проводит занятие по трасологии со студентами-археологами ЧГПУ

Рис. 20. Археозоолог П.А. Косинцев в экспедиции в Приаралье

Аэрофотография и космические снимки. Не все знают, что открытие целой серии уникальных укрепленных поселений бронзового века в Южном Зауралье (Синташта, Устье и т.д.) было сделано... геологами – специалистами по дешифровке аэрофотоснимков (см. ниже) – И.М. Батаниной и Н.В. Левит (рис. 21). Детальное описание памятников по аэрофотоснимкам помогло археологам до раскопок ориентироваться в планиграфии укрепленных поселений и принимать правильные решения по тактике их полевого изучения (рис. 22).

Именно дешифровщики аэрофотоснимков положили начало созданию сводов археологических памятников по отдельным районам Челябинской области. Основу подобных сводов составляют памятники археологии, первоначально локализованные на территории района на аэрофотоснимках и лишь затем обследованные наземными археологическими разведками. Такой свод памятников по Кизильскому району Челябинской области уже вышел из печати.

Благодаря изучению космического снимка были вновь найдены и развалины одной из первых русских крепостей XVIII в. на оз. Кизыл-таш в черте современного г. Озерска Челябинской области.

Палеоантропология. Палеоантропологи – специалисты по исследованию костей древних людей – могут сказать невероятно много об их внешнем облике, росте, сложении, рационе питания, болезнях. Палеоантрополог Галина Викторовна Рыкушина (рис. 23), изучив кости людей бронзового века, погребенных в могильнике бронзового века Кривое Озеро на р. Черной у с. Черноречье в Троицком районе, сделала вывод о том, что многочисленные следы болезней на костях могут говорить о том,

Рис. 21. И.М. Батанина на раскопках укрепленного поселения Устье I

Рис. 22. Укреплённое поселение бронзового века Каменный Амбар (Ольгино). Аэрофотоснимок

что эти люди пришли в наши края издалека и не сумели приспособиться к местному климату.

Палеоклиматология. Многие и не догадываются о том, как тесно с археологами сотрудничают палеоклиматологи и палеоботаники. Палеоклиматологи восстанавливают особенности природы и климата Урала в тот или иной период его древней или средневековой истории, исследуя пыльцу и споры растений, особенности состава почв, болотные и донные озерные отложения, так называемые береговые валы и древние волноприбойные уровни на озерах Урала. Благодаря комплексному анализу источников ученым удалось создать общую картину истории природы и климата Южного Урала в древности.

Свой вклад в археологическое изучение Урала вносят также физики, химики различного профиля, геологи и многие другие профильные специалисты.

Сотрудничество с учеными лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН.

Изучение сырьевой базы древней цветной металлургии в Южном Зауралье, создание уникальной базы данных химического состава металлических предметов бронзового и раннего железного века связано, прежде всего, с именем выдающегося исследователя древней металлургии, члена-корреспондента РАН Евгения Николаевича Черныха. Он и сотрудники возглавляемой им лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН, прежде всего, Сергей Владимирович Кузьминых, создали уникальную базу данных по химическому составу бронз из раскопок ученых Южного Урала, в том числе и археологов ЧГПУ.

Рис. 23. Могильник Кулевчи VI. Палеоантрополог Г.В. Рыкушина расчищает костяки погребенных

Рис. 24. Укрепленное поселение Устье I. Отбор грунта для флотации

Еще в 1960-е гг. Е.Н. Черных обследовал в Южном Зауралье целую серию медных месторождений на предмет установления возможности их эксплуатации в древности.

В наши дни поиски и изучение сырьевой базы древней цветной металлургии Южного Урала продолжают ученые института минералогии УрО РАН под руководством известного геолога В.В. Зайкова. Практически положено начало новому направлению научного знания – геоархеологии.

Еще одно направление изучения древнего южноуральского металлопроизводства – металлография. Ученые нашли способ, изучая структуру металлических предметов из раскопок, определять технологию их изготовления. Археологи ЧГПУ плодотворно сотрудничают в этой области с историком древней металлургии из Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН (г. Тюмень) Анной Давыдовной Дегтяревой.

Геофизика. Неизгладимое впечатление оставило в моей душе, в частности, сотрудничество с геофизиками из США и Словении. В 2011–2012 гг. профессор университета г. Питсбурга (США) Б. Хэнкс и его сотрудники провели подробное геофизическое исследование площадки укрепленного поселения бронзового века Устье I (рис. 25). Оказывается, используя методы геофизики, возможно без раскопок создавать планы древних поселений и могильников. Поразительное это зрелище – видеть без раскопок очертания оборонительных стен древнего поселения, рвов, жилых строений, колодцев и печей в помещениях!

Рис. 25. Профессор Б. Хэнкс (справа) ведёт геомагнитную съемку площадки укрепленного поселения Устье I

Используя портативный спектрометр (профессор Р. Дунан из университета г. Шеффилд в Великобритании), ученые смогли очень оперативно изучить обширные коллекции предметов, связанных с металлопроизводством, из раскопок укрепленного поселения бронзового века Устье I на предмет установления химического состава артефактов (рис. 26).

Ядерная физика и датирование событий в археологии. Еще в первой половине XX в. физики открыли способ датирования археологических остатков с использованием знания периода полураспада радиоактивного изотопа C^{14}. Метод этот зарекомендовал себя как надежный и в наши дни активно используется археологами Южного Урала. Так, в лаборатории радиоуглеродного датирования Аризонского университета (США) были проанализированы несколько крошечных обломков костей черепов коней из могильника бронзового века Кривое Озеро в современном Троицком районе. В результате анализа выяснилось, что погребение, откуда происходили кости, было сооружено ближе к концу XXI в. до н.э. Без помощи физиков археологи не смогли бы сделать подобное заключение.

Вывод. Из всего, сказанного выше следует, что современным археологам в содружестве со специалистами из других областей знания вполне по силам разобраться в сложных тайнах древней истории Урала. Опираясь на собственные методы исследования, на сотрудничество с различными профильными науками, археологи могут не только давать подробный источниковедческий анализ. Они в состоянии создавать

Рис. 26. Профессор Р. Дунан исследует древнее металлопроизводство с помощью портативного спектрометра

на основе комплексного подхода к анализу археологических источников исторические обобщения для конкретных древних обществ.

Литература

Зайков В.В., Юминов А.М., Зайкова Е.В. Основы геоархеологии: учебное пособие / под ред. профессора В.В. Масленникова. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2011. — 263 с.

Каздым А.А. Археологическая минералогия. — М.: Скороходов, 2010. — 44 с.

Смекалова Т.Н., Восс О., Мельников А.В. Магнитная разведка в археологии. 15 лет применения Оверхаузеровского градиентометра GSM-19WG. — Симферополь: Доля, 2010. — 76 с.: ил.

Черных Е.Н. Металл — Человек — Время. — М.: Наука, 1972. — 207 с.

Вопросы

1. Как вы считаете, какая область жизни древних обществ наименее доступна для изучения методами археологии?

2. По каким причинам стало возможным использование аэрофотоснимков и космических снимков в археологии?

3. Как пыльца и споры могут способствовать определению облика природы и климата в конкретный период древней истории края?

4. На каких принципах основана экспериментальная археология? Каковы ее связи с трасологическим методом?

ГЛАВА 2. ПРИРОДА И КЛИМАТ В ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА

Горный Урал распростерся более чем на две тысячи километров с севера на юг — от студеных арктических морей до жарких степей Казахстана в самом сердце Евразийского материка. Как несхож облик гор Урала в разных его частях! Суровые высокие безлесные скалистые вершины Северного Урала не похожи на заботливо укутанные лесами невысокие перевалы Урала Среднего. На Южном Урале горные хребты снова упрямо тянут свои вершины к небу (рис. 27; 28) и, как бы обессилев, превращаются южнее, в Оренбуржье, в цепи невысоких отрогов. Многие миллионы лет назад, задолго до появления здесь первых людей, на месте Урала плескались огромные моря, частые землетрясения рвали гигантскими трещинами поверхность и наружу из глубин планеты изливались потоки расплавленной магмы. Здесь надо искать истоки сказочных минеральных богатств Урала. Постепенно буйство природы утихло, но и в более поздние времена, относительно недавно, здесь случались землетрясения. В наши дни горы Урала считаются старыми в сравнении со многими другими. Следы тех бурных миллионов лет можно видеть не только в горных хребтах и остатках древних вулканов, но и в знаменитом зауральском пенеплене — холмистой стране, восточнее которой начинается самая большая в мире равнина — Западно-Сибирская (рис. 29).

Если мы отправимся в путешествие от северных отрогов Уральских гор на юг Урала, то можем воочию убедиться в неповторимости его природы. В самом деле, где еще, кроме Урала, можно найти горную страну, которая, начинаясь у арктических морей, пересекает и северные прозрачно-голубые тундры, усеянные озерами, и угрюмые таежные урманы с их необъятными болотами и проточными озерами — туманами, и веселые березовые рощи лесостепей, и широкие свободные степи (рис. 30) с парящими высоко в небе орлами на юге Урала. Горные озера поражают своей красотой и чистотой (рис. 31; 32). Ожерелья проточных озер украшают просторы Зауральской части Башкирии (рис. 33). На реках Урала необходимо остановиться особо. Они текут в разные стороны. Пример — реки Южного Урала. Здесь на запад, пересекая уральскую горную страну, спешат реки бассейна Камы и Волги, такие как, например, Ай, Уфа, Юрюзань. На восток, в сибирскую сторону, несут неспешные свои воды реки бассейна Иртыша и Оби (рис. 34). Временами они пробивают себе дорогу в скалах, как реки Уй или Аят, или превращаются в открытой степи в ожерелья глубоких плесов, соединенных лишь журчащими ручейками, как Караталы-Аят или любой из Тогузаков. А Тогузаков ровно три — Верхний, Средний и Нижний. На юг стремятся воды реки Урал с многочисленными притоками (рис. 35). Иногда истоки рек разных направлений течения находятся почти рядом (например, истоки рек Урал, Миасс, Ай в Нуралинских горах).

Природа и климат в древние эпохи во многом определяли то, насколько было многочисленно население, каков был облик жизни людей, их хозяйственные занятия и даже верования. Так, скотоводство, а за ним земледелие раньше появилось

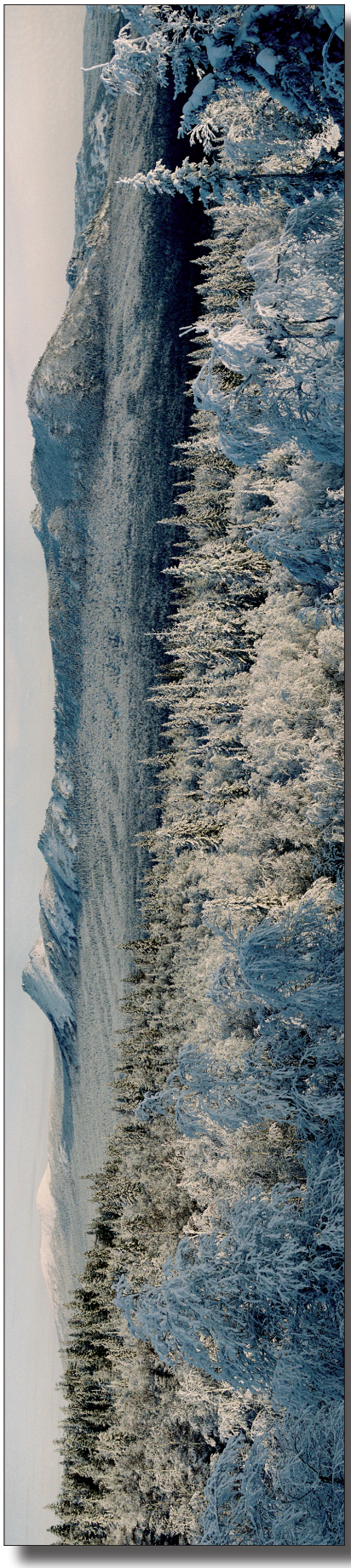

Рис. 27. Южный Урал. Панорама вершин Таганая

Рис. 28. Вершины гор Южного Урала

Рис. 29. Озеро Малое Курейное на границе Челябинской и Курганской областей

Рис. 30. Степи Зауралья. Нагайбакский район Челябинской области

Рис. 31. Горное озеро Зюраткуль

Рис. 32. Озеро Тургояк

Рис. 33. Озера Зауральской Башкирии

Рис. 34. Долина реки Нижний Тогузак (бассейн Оби — Иртыша)

Рис. 35. Долина реки Гумбейки (левый приток р. Урал) у пос. Рассвет Нагайбакского района Челябинской области

и утвердилось в более пригодных для них степных районах. Таежные горные долины и предгорья, напротив, многие тысячи лет кормили охотников, рыболовов и собирателей.

Сейчас ученые убеждены в том, что изменения в природе, климате порой серьезно меняли жизнь целых народов. Например, надежно установленные специалистами периоды многолетних засух в степях Восточной Европы и Казахстана в бронзовом веке (III—начало I тыс. до н.э.) подозрительно совпадают с дальними массовыми миграциями целых народов. И, конечно, минеральные богатства Южного Урала (каменное сырье, руды) на протяжении тысячелетий придавали жизни его обитателей черты своеобразия.

Использование южноуральских минералов людьми в древности и в Средневековье. Едва обустроившись многие тысячи лет назад на Южном Урале люди «заглянули» в каменную сокровищницу гор. Точнее, и заглядывать в нее зачастую не было необходимости. Камни-сокровища лежали на поверхности, под ногами: кремень, яшмы и даже кристаллы горного хрусталя, медные руды, золото самородное, тальковые и хлоритовые породы, серпентиниты, кварциты, древние вулканические породы — базальт, туф.

Отдельно поговорим о яшмах. Известный геолог Александр Евгеньевич Ферсман писал о них: «Яшмовые месторождения Южного Урала начинаются на севере, в районе Миасса, и уходят на 500 километров на юг, в Казахские степи; в Мугоджарских горах они вновь появляются из-под почвенного покрова. Полосой в 40—50 километров тянутся эти поразительные и единственные в мире месторождения яшм, обнажаясь на берегах притоков Урала».

Рис. 36 Южноуральские яшмы

Как фантастика, звучат слова ученых о целых горах, сложенных из яшмы, об озерах, лежащих в яшмовых берегах. С любовью описывают яшмы и археолог Геральд Николаевич Матюшин, и известный южноуральский геолог Сергей Васильевич Колисниченко.

Южноуральские яшмы невозможно перепутать с другими: у них особенная окраска, свое соотношение цветов (рис. 36). Археологи поэтому могут утверждать, что уже в каменном веке каменное сырье было предметом обмена. Изделия из южноуральских яшм найдены при раскопках древних стоянок и на Южном Урале и в далеких от Южного Урала землях. Конечно, древние южноуральцы использовали не только яшмы, но и другие породы, например, кремень, халцедон. У них были похожие свойства, что и у яшмы.

Тайны каменных орудий. Каменный век на Южном Урале длился практически 300 тысяч лет. Это означает, что у наших предшественников было достаточно времени для отменного изучения свойств минералов, из которых изготавливались орудия. И чем ближе было окончание каменного века, тем изощреннее становились приемы обработки камня.

Рис. 37. Поселение Шершни I. Каменные изделия (неолит — энеолит)

Представьте себе огромный склад, наполненный крайне необходимыми для людей предметами и... с открытыми дверями. Такой же «кладовой» являлись для древних уральцев многочисленные выходы яшмовых месторождений на поверхность. Берега озер, где есть выходы яшмы, просто усыпаны каменной «стружкой» (отщепами) — отходами древнего камнеобрабатывающего дела. Особенно подобная картина характерна для озер Башкирского Зауралья, что западнее Магнитогорска: Суртанды, Карабалыкты, Сабакты и других.

Что такое мастерская каменного века? Порой это достаточно небольшая площадка, на которой — множество каменных отщепов — уплощенных обломков каменного сырья. Иногда мастерская — это камень, служивший для мастера наковальней, а также сломанные орудия. Это рабочее место древнего мастера. Ученые находят их как в поселениях, так и за их пределами, у выходов яшм на поверхность. Древние мастера более всего предпочитали использовать черную, зеленовато-серую, «кирпичную» (буро-красную) и полосатую («ленточную» красно-зеленую) яшмы (рис. 37).

Опыт изучения остатков культур древних народов Южного Урала убедил ученых в том, что каменное сырье и полуфабрикаты для изготовления орудий могли уже в те далекие времена быть предметом обмена между людьми. Не все археологи с этим согласны, но трудно представить, что каменное сырье в необходимых количествах реки сами по себе перемещали на сотни километров и в разных направлениях. Десятки разновидностей южноуральских яшм уже сотни лет используются людьми как поделочный камень. Изделия из них можно встретить в крупнейших музеях страны и мира. Но не все представляют, что на протяжении десятков тысячелетий яшмы были одним из основных видов сырья, из которого наши далекие земляки изготовляли орудия труда и вооружение. Почему? На этот выбор повлияли чудесные свойства яшмы и похожих на нее минералов. Свойств этих несколько. Во-первых, яшма очень тверда. Это одна из самых твердых горных пород. Во-вторых, яшма обладает способностью отслаиваться (щепиться) при умелом ударе, раскалываясь не на бесформенные куски, а на пластины с острыми тонкими краями. А вот последнее свойство яшмы потребует от вас ответа на вопрос: приходилось ли видеть лежащие на каменистом озерном пляже обломки толстого зеленоватого бутылочного стекла? Тогда вам должно быть известно, что края этих стеклянных обломков, неоднократно прижатые подошвами обуви людей к камням, как бы шелушатся: от краев стеклышек отскакивают маленькие частички, чешуйки стекла, похожие на маленькие раковинки. Примерно таким же свойством — хрупкостью, обладают яшма и еще некоторые минералы. Первоначальная обработка проводилась непосредственно у месторождений. Разве можно отличить камень, побывавший в руках древнего мастера от камня, который раскололся сам по себе? Может быть, археологи всё путают? Нет, археологи знают такие признаки, присутствие которых на камне позволяет утверждать: это дело человеческих рук.

Несколько изобретений того времени в камнеобрабатывающем деле оказались чрезвычайно эффективными. Одно из них — нуклеус. В переводе с латинского языка это слово означает «ядро». От нуклеусов, пользуясь особыми приемами, отделяли пластинки, а на пластинках изготавливали разнообразные орудия. Пластины эти могли быть подтреугольными или имели параллельные края.

Пластины с параллельными краями за сходство с лезвиями ножей называют «ножевидными». По ряду соображений древние южноуральцы предпочитали использовать средние части этих пластин.

Такие лезвия были эффективны в работе. Древние люди стремились учитывать свойства самого камня, то есть пластинки нельзя было сгибать и сильно ударять по ним. Для того чтобы из сколотых с нуклеуса пластинок изготовить различные по назначению орудия, древние мастера должны были соответственно обработать их лезвие, или, как говорят археологи, рабочие поверхности. Основным способом такой обработки в каменном веке была ретушь. Специальным каменным инструментом (он называется «ретушер») мастер надавливал или легко ударял по обрабатываемой кромке и делал рабочую поверхность такой, какой он ее задумал (острой или притупленной, прямой или вогнутой). Параллельные края пластинок позволяли изготовлять кинжалы и наконечники копий с так называемыми составными лезвиями. Для этого делалась костяная или деревянная основа. В ее пазы при помощи смолы или специального животного клея закреплялись предварительно подобранные друг к другу каменные пластинки. Подобные орудия умели изготовлять как позднепалеолитические южноуральцы, так и обитатели Южного Урала и Зауралья мезолитического и неолитического периодов (пример — погребение у деревни Пеган в Курганской области).

Целый ряд технологических открытий был совершен в каменном веке. Тогда был открыт, например, принцип работы сверла (две противолежащие рабочие поверхности, последовательно входящие в дерево, кость, рог или мягкий камень). И это открытие произошло задолго до того, как появились стальные сверла. Рабочие поверхности каменных сверл были образованы все той же ретушью.

Для создания резца мастер слегка скалывал часть боковой грани (или обеих граней) пластинки. В таком случае «работал» угол, на который обычно на археологических рисунках этих орудий указывает стрелка. Регулируя ширину рабочего края резца, мастер определял и ширину паза — от «нитевидного» — узкого, до широкого.

Большинство перечисленных орудий (сверла, резцы) зачастую употреблялись с деревянными или костяными рукоятями. Незаменимым орудием для охотников и рыболовов был скребок. Его рабочий край, предназначенный для очистки шкур животных, чешуи рыб, обработки деревянных или костяных предметов, испытывал большие нагрузки и должен был как можно меньше выкрашиваться. Поэтому для скребковой ретуши более характерен угол, близкий 90°. Углы «заточки» (ретуширования) ножа и скребка, таким образом, были различными, поскольку эти орудия выполняли разную работу, и давление на рабочие поверхности было разным.

Тысячелетия познания минералов. Различные минералы Южного Урала использовались на протяжении всех этапов древней и средневековой истории. Впервые с обсуждаемой темой я столкнулся, прочитав маленькую, но изящно написанную книгу Г.Н. Матюшина «Яшмовый пояс Урала». Для меня, тогда начинающего археолога, любование яшмой автором книги — солидным ученым, отдавшим часть жизни изучению каменного века Южного Урала, — стало открытием. Теперь я его очень хорошо понимаю.

Не случайно поэт С. Есенин утверждал: «Лицом к лицу — лица не увидать...» Нам, живущим на Южном Урале, кажется совершенно обычным и изобилие разнообразных руд и многоцветье минералов в недрах наших гор. Судите сами. В Ильменских горах (в Ильменском государственном заповеднике, г. Миасс) зафиксировано нахождение около 300 различных минералов. Примерно столько же — в районе города Пласт на территории известной под образным названием «Русская Бразилия». Поговаривают и о наличии здесь алмазов. И в то же время рядом с нашими местами, на западной окраине Западно-Сибирской равнины, в Курганском Зауралье, о таком изобилии минеральных богатств даже мечтать не приходится, поскольку здесь палеозойские уральские горные породы, которые изобилуют минералами и полезными ископаемыми, погружены на глубину от 100 до 900 м — под толщу молодых отложений.

Яшмы. С глубокой древности, практически с начала истории людей на Южном Урале, использование яшм для изготовления орудий труда стало обычной практикой.

И тогда же южноуральские яшмы начали путешествовать за сотни километров от места добычи. Так, на одной из самых северных стоянок позднего палеолита Урала — стоянке Гари на р. Сосьва на севере Свердловской области, большая часть каменных орудий изготовлена из... южноуральских яшм, т.е. сырье было доставлено сюда за несколько сот километров. Другой пример из позднего палеолита Зауралья — каменные орудия стоянки Шикаевка II в Варгашинском районе Курганского Зауралья. И здесь орудия изготовлены из яшм, перемещенных на 350 км к востоку от гор Урала. Перемещалось каменное сырье и в пределах уральской горной страны. Так, на раскопанной Г.Н. Матюшиным мезолитической стоянке Долгий Ельник II на оз. Зюраткуль в Саткинском районе подавляющее большинство каменных орудий из яшмы, оказались доставленными из района, где находится современный

г. Магнитогорск. Откуда такая точность в определении района добычи? Почитайте великолепную книгу геолога С.В. Колисниченко «Яшмовый пояс Южного Урала» — торжественный гимн яшме, и все поймете. Яшмы из конкретных мест не похожи друг на друга и достаточно уверенно определяются в чужом для них контексте.

Мы привыкли думать, что поначалу древние южноуральцы использовали кремень и яшмы лишь для изготовления орудий труда и предметов вооружения. В этом есть доля истины. Практически весь спектр орудий труда и предметов вооружения изготавливался из различных пород камня. Кроме яшм, кремня южноуральские мастера каменного века использовали для изготовления орудий труда породы с похожими свойствами: халцедон, агат, сердолик и ряд прочих.

С активизацией в раннем железном веке (I тыс. до н.э. — начало I тыс. н.э.) торговых караванных путей, на Южный Урал стали поступать разнообразные иноземные каменные изделия, прежде всего, украшения. В одном из погребений кочевников-сарматов IV в. до н.э., исследованном у с. Кичигино (недалеко от г. Южноуральска), археолог А.Д. Таиров обнаружил, среди прочего, индийские бусы из агата и сердолика. Какой путь они должны были проделать от далекой Индии до отрогов гор Южного Урала!

Кварц (горный хрусталь) (рис. 38). Еще в палеолите южноуральцы реализовали современный слоган: «Правило существует для того, чтобы его нарушали». Археологи, изучавшие позднепалеолитическую стоянку Троицкая I у места впадения реки Санарки в реку Уй, были весьма удивлены, увидев, что из почти двухсот найденных здесь каменных предметов более половины были изготовлены... из горного хрусталя! А ведь он очень плохо обрабатывается, поскольку не обладает двумя из трех перечисленных выше качеств. Но древние мастера оказались искусны и упорны в своем желании, изготавливая из горного хрусталя орудия различного назначения. Горный хрусталь использовался и позднепалеолитическими уральцами, обжившими берег озера Большие Аллаки, что в современном Каслинском районе Челябинской области (рис. 39).

Чтобы закончить сюжет с горным хрусталем, перенесемся в бронзовый век. В середину II тыс. до н.э. Именно тогда, на площадке у старичного русла реки Урал, в нескольких километрах от современного районного центра Кизильское, в прямой видимости от древнего поселения на берегу реки, было совершено погребение, скорее всего, старейшины скотоводческого рода, а в 1971 году его раскопал археолог Владимир Савельевич Стоколос. Погребенный мужчина принадлежал к группе смешанного населения позднего бронзового века (около середины II тыс. до н.э.), населявшего тогда бассейн р. Урал. Описание погребения выходит за рамки избранной темы. Для нас важно то, что среди прочих предметов погребального инвентаря в могиле находилось каменное навершие булавы, служившей символом власти (рис. 40). Тщательно отполированный сфероид с аккуратно просверленным сквозным цилиндрическим отверстием для крепления навершия в рукояти был изготовлен... из кристалла горного хрусталя. Представить детали технологии обработки и доведения кристалла хрусталя(!) до такой формы в бронзовом веке пока невозможно. Само навершие булавы находится в экспозиции Челябинского областного краеведческого музея... (рис. 41).

Серпентиниты и похожие горные породы. Начиная с позднего мезолита и по энеолит включительно (VI–III тыс. до н.э.), обитатели Южного Урала успешно изготавливали топоры, тесла, долота (каменные их клинья, закрепленные в деревянных рукоятях) из... мягких пород камня: серпентинитов, разновидностей хлоритового и талькового сланца. Они легко обрабатывались с помощью как орудий из более твердого камня, так и, позднее, металлических орудий, а доводились (шлифовались)

Рис. 38. Кварц (горный хрусталь)

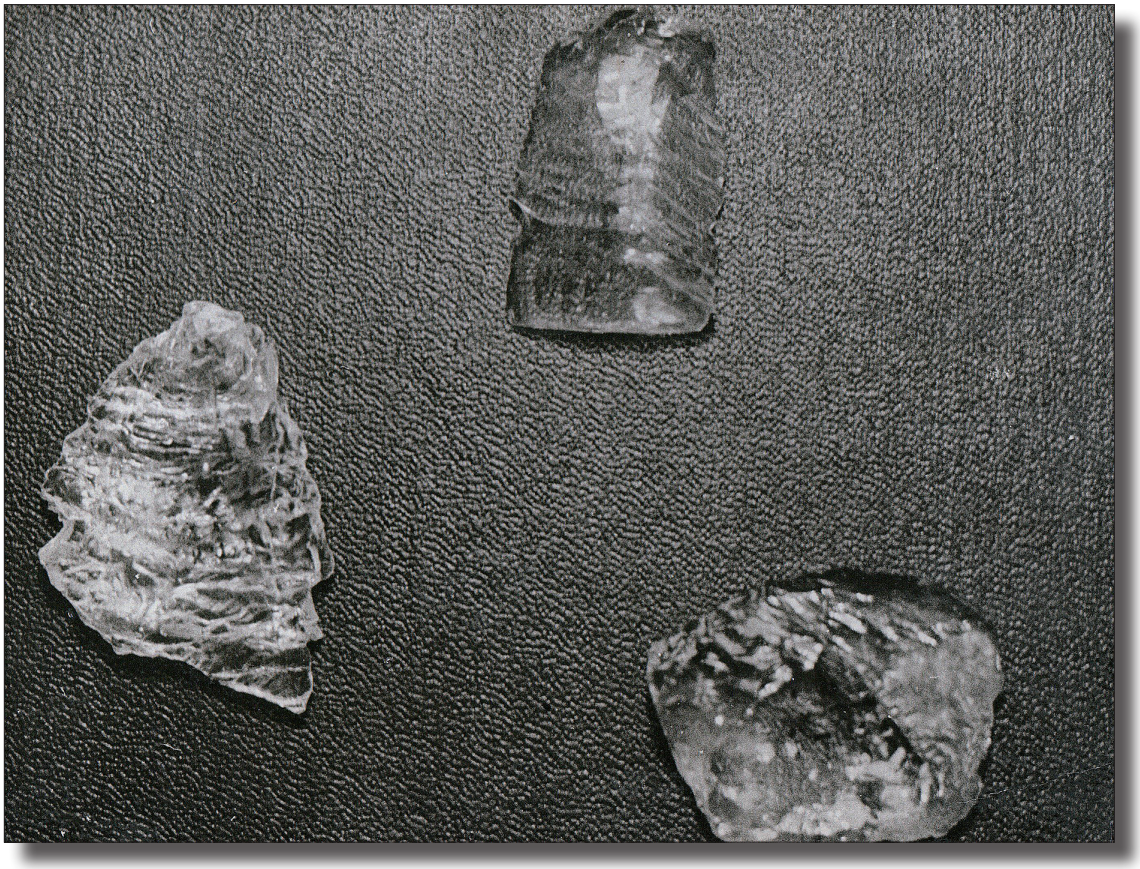

Рис. 39. Местонахождение на оз. Большие Аллаки. Орудия из горного хрусталя. Поздний палеолит

Рис. 40. Кизильский могильник. Поздний бронзовый век.
Погребение с булавой из горного хрусталя

Рис. 41. Кизильский могильник. Поздний бронзовый век.
Навершие булавы из горного хрусталя

на абразивных плитах с подсыпкой влажного песка. Конечно, эффективность подобных орудий достигалась, прежде всего, благодаря углу заточки, характерному в наши дни для железных топоров-колунов.

В это же время в неолите-энеолите (VI–III тыс. до н.э.) среди обитателей горнолесной части Урала распространилась традиция украшать шаманские (?) костюмы десятками каменных подвесок из того же серпентинита и других мягких пород. Известно не менее десятка подобных погребений, в основном в пещерах, которые Ю.Б. Сериков трактует как шаманские. На территории Челябинской области самым известным подобным погребением является погребение в Барановской пещере на р. Юрюзань у г. Усть-Катава. В Барановском погребении около 40 подвесок из серпентинита. Они плоские, каплевидной формы, шлифованные, со сквозным отверстием в приостренной части.

Из мягких пород камня изготавливались и загадочные «утюжки» неолитического-энеолитического периодов древней истории Южного Урала. Их назначение до сих пор не выяснено. Есть несколько гипотез, и только. «Утюжки» – яркий пример выхода еще в далекой древности из употребления орудия, обеспечивавшего конкретный технологический процесс. И люди через века накрепко забыли, для чего использовались ранее эти загадочные предметы.

С подсыпкой влажного песка каменными абразивными пилами распиливались до необходимого размера куски камня. Фактически, речь идет о протирании распиливаемого камня, поскольку пилы эти зубцов не имели.

Древнее металлопроизводство и минералы-руды. Новый уровень использования разнообразных пород камня открылся перед уральцами в бронзовом веке. Целая совокупность причин обусловила резкое увеличение номенклатуры использовавшихся пород камня. Это, в первую очередь, появление в жизни людей принципиально новых технологий. Речь здесь должна идти, конечно, о добыче руды и металлопроизводстве. Цепочка технологических процессов – от добычи и обогащения руды до окончания отделки законченных изделий, практически на всех этапах предполагала в древности использование каменных орудий и каменных принадлежностей.

Одними из основных источников меди для металлургов бронзового века Южного Урала были медьсодержащие минералы – малахит и азурит.

Эти минералы были очень широко распространены на территории Южного Урала. На естественных выходах таких руд, яркоокрашенных в синие и зеленые цвета, древние люди начинали сначала сбор, а потом и добычу руды с проходкой примитивных горных выработок – «поноров», достигавших глубины в десятки метров. Такие «шахты» известны в Пластовском районе по речке Каменке, в Верхнеуральском районе на Аслаевском руднике. Проходка и добыча руды производилась с помощью горнопроходческих бронзовых орудий, диабазовых (базальтовых) курантов – отбойников. Ими же дробили руду для подготовки к плавке. Предпочтение отдавалось малахиту как более богатому медью минералу. Особым счастьем для древних людей можно считать находки месторождений самородной (чистой) меди. Они были известны на старинном Санарском руднике и Кочкарском месторождении золота, которые позднее, в XVIII–XIX вв. были «вновь» открыты для добычи меди и золота по старинным следам добычи (так называемые «чудские копи»).

Кусочки медной руды археологи обнаруживают не только в развалинах поселений, но изредка и в погребениях той поры как сигнал о степени распространенности металлопроизводства и ритуалах связанных с ним. Конечно, медьсодержащие минералы были вплетены в ткань верований и суеверий того времени. Самый яркий пример подобного рода – крупная малахитовая... бусина с просверленным в ней

сквозным отверстием, найденная в одном из погребений знаменитого Синташтинского могильника бронзового века на юге Челябинской области (рис. 42). Вряд ли назначение этой детали туалета было связано лишь с эстетикой. Скорее, учитывая место малахита в системе металлопроизводства, бусина играла роль своеобразного оберега, амулета и была вплетена в обрядовую практику.

Следует отметить также применение малахита и азурита как естественных красителей в древней косметике. На их основе в смеси с бараньим жиром создавались «тени» и помады для подвода глаз, раскраски лица.

Обогащение руды означало освобождение ее от рудовмещающей породы и примесей, измельчение. Оно производилось с помощью комплекта орудий – массивных плит-рудотерок и пестов для дробления и растирания руды (рис. 43). Специалисты-трасологи пишут о том, что в результате этой операции в неровностях рабочих поверхностей пестов и рудотерок оставались частички медной руды. Кроме того, в ходе операции по дроблению и растиранию руды на рабочих поверхностях с нанесенными на них мелкими углублениями – пикетажем, оставались параллельные линейные следы от возвратно-поступательных движений песта. На синташтинских и раннеалакульских (петровских) и алакульских поселениях бронзового века Южного Зауралья орудия, связанные с металлопроизводством, значительно преобладают над прочими. Кроме рудотерок и пестов для дробления и растирания руды значительное количество орудий связано с металлообработкой. Это и различного веса молотки (молоточки, молотки и молоты), предназначенные для различных операций по обработке металла, а также абразивы с различным размером зерен, предназначенные для операций по окончательной доводке изделий – от грубой обдирки до наводки лезвий (рис. 44). Кроме того, существовали и специальные орудия для заточки острий: шильев, игл. Орудия, обслуживавшие металлопроизводство, изготавливались из различных пород камня. Это песчаники, сланцы, различные виды пород вулканического происхождения: туфы, порфиры и т.д.

Тальк. Еще одним направлением использования камня в бронзовом веке Южного Урала, связанным с металлопроизводством, было изготовление литейных форм, в которые затем заливали через специальные отверстия – литники, расплавленный металл. Формы резали металлическими орудиями из мягких пород камня: талька и иных тальк-хлоритсодержащих пород (рис. 45). Мелкочешуйчатый плотный агрегат этих минералов позволял вырезать в них разнообразные полости, заполнявшиеся затем через «литники» расплавленным металлом.

Тальк древние уральцы использовали разнообразно. Его могли измельчать и добавлять тальковую крошку в глиняное тесто для придания будущим сосудам огнеупорности. Из талька или тальксодержащих пород вырезали штампы-орнаментиры для нанесения орнамента на керамические сосуды. Подобный инструмент был поднят с поверхности разрушенного древнего поселения на берегу Шершневского водохранилища в черте современного Челябинска (рис. 46).

Тальк, правда, очень редко служил целям искусства, неотделимого в древние времена от ритуала. Из него вырезали скульптуры. На пластинках талька или талькохлорита вырезали различные изображения.

На территории древнего городища на озере Синара, в Снежинске на севере Челябинской области, случайно нашли плитку талькохлорита. На четырех ее плоскостях пять раз вырезан один и тот же антропоморфный персонаж. Образ стилизован буквально до знака. Для создателей это означало безусловное прочтение его смысла и в таком исполнении. Изображения эти – отражение повторявшегося во времени ритуала (рис. 47). Предположительное время создания – энеолит (IV–III тыс. до н.э.).

Рис. 42. Синташтинский могильник. Яма 31. Бусина. Малахит

Рис. 43. Укрепленное поселение Устье I. Бронзовый век.
Песты для дробления и растирания руды.
Слева направо: кварцевый порфир; туф вулканический; кристаллотуф

Рис. 44. Укрепленное поселение Устье I. Бронзовый век. Абразивы. Слева направо: андезит; пегматоидный гранит

Рис. 45. Тополевский клад. Бронзовый век. Обломки литейных форм. Тальк-хлорит

Рис. 46. Поселение Шершни I. Орнаментир. Тальксодержащий минерал

Рис. 47. Берег оз. Синара. Плитка тальк-хлорита с антропоморфными изображениями

Скульптуру, изображающую голову барана(?) на куске талька, обнаружили в культурном слое укрепленного поселения бронзового века Устье I на реке Нижний Тогузак. Предположительно, камень мог служить в качестве противовеса для металлургического меха.

Граниты в древности и средневековье. Использованию гранита способствовала геологическая обстановка Южного Зауралья, где гранитные массивы в виде небольших обнажений распространены на огромных территориях степей (Степнинский, Джабык-Карагайский, Адамовский и другие массивы). Здесь в естественных обнажениях благодаря процессам выветривания сформировались тонкоплитчатая, «матрацевидная» отдельность, так широко используемая с древности до наших дней, как прекрасный строительно-отделочный материал.

Ткань жизни населения бронзового века в Южном Зауралье оставила следы использования гранита в архитектурных сооружениях. Укажем, прежде всего, на гробницы из массивных каменных (гранитных) плит, перекрытые также плитами и надмогильными земляными сооружениями – курганами. Эту картину археологи наблюдали в могильниках бронзового века Путиловская Заимка и Приплодный Лог в Троицком районе, в долине р. Уй, датированных временем около середины II тыс. до н.э. (рис. 48). Вы спросите, почему для сооружения конструкций под курганами люди не использовали дерево? А рядом находилась южная окраина известного Санарского бора. Дело, скорее всего, в традициях. Люди, оставившие это и похожие древние кладбища, скорее всего, переселились сюда из степей Казахстана, где использование камня для строительства гробниц соплеменников были обычным делом. Не захотели они менять укоренившуюся традицию и после переселения на более богатый деревом Южный Урал.

В Средние века монгольское завоевание, в XIII в., одним из частных результатов имело появление на Южном Урале «поминальных комплексов». Традиция их сооружения началась еще в I тыс. н.э. на Алтае, в древнетюркской среде. В степях Южного Урала, где размещалась в XIII–XIV в. одна из областей Золотой Орды – улус Шибана, в это время появились разноплеменные тюркоязычные кочевые племена, перемещенные монголами из различных районов Алтая и Сибири. Они принесли сюда традиции своей родины. Одной из таких традиций было сооружение из гранитных плит и брекчии своеобразных святилищ в честь предков (рис. 49).

Нефрит. К бронзовому веку относятся и первые, достоверно зафиксированные случаи использования такого редкого для наших мест камня, как нефрит. О месторождениях нефрита на Южном Урале известно немного. Геологи знают о небольших по объему месторождениях в окрестностях г. Миасса, открытых только к концу XX в. и у североказахстанской Жетыгары. Нефрит – камень необычный. Он существует нескольких расцветок – от белого до темно-зеленого и даже черного. Плотный и вязкий, нефрит издревле был окутан покрывалом суеверий и легенд. Поэтому не случайно в культурном слое укрепленного поселения бронзового века Устье I на границе Варненского и Карталинского района была найдена заготовка навершия булавы именно из нефрита (рис. 50; 51). Булава сама по себе в индоиранских верованиях определенная как «палица бога Индры», наделялась волшебными свойствами. Плюс сам материал изготовления непростой. Этот артефакт также подтверждает мысль о том, что древние жители Южноуралья сами занимались камнерезной обработкой столь редких декоративных камней и достигли значительных высот в искусстве резьбы по твердому камню.

Мы с вами проследили, как на протяжении сотен тысяч лет наши предшественники на Южном Урале достаточно эффективно использовали минеральные сокровища региона. Спектр вариантов использования минералов, как мы видели, напря-

Рис. 48. Могильник бронзового века Путиловская Заимка. Каменные погребальные конструкции. Гранит

Рис. 49. Поминальный комплекс XIII—XIV вв. Карталинский район

Рис. 50. Укрепленное поселение Устье I. Бронзовый век. Заготовка навершия булавы. Нефрит

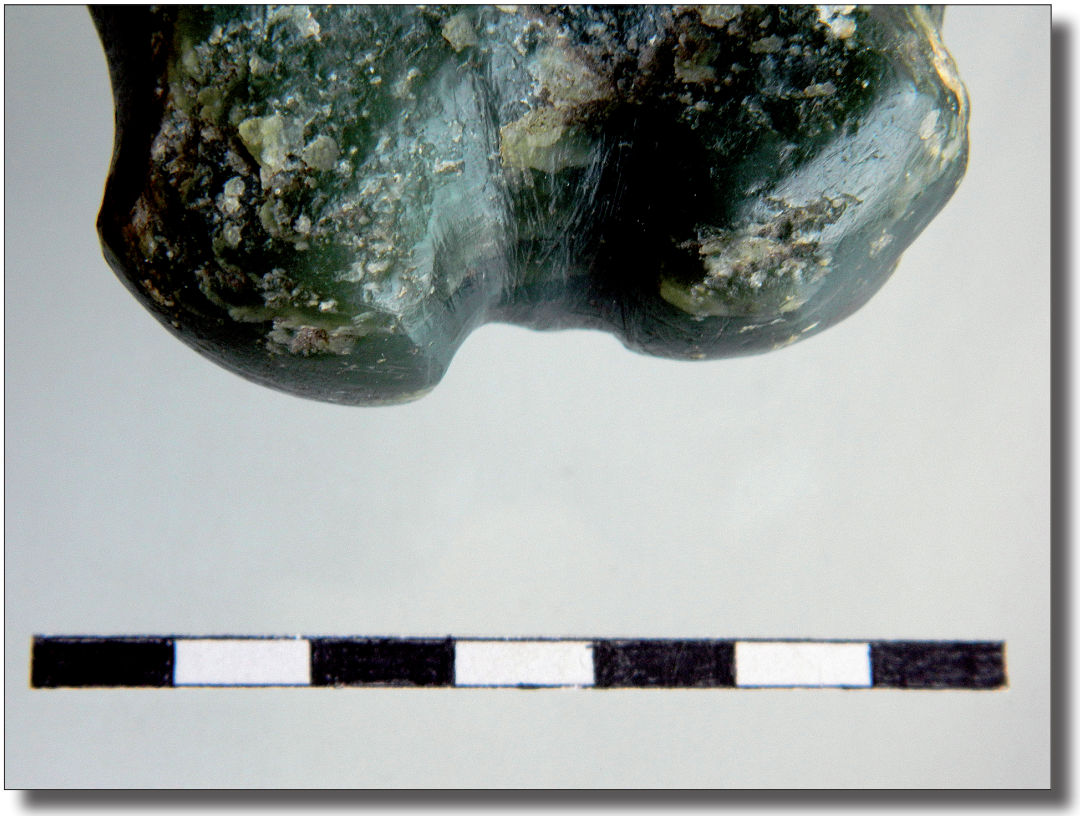

Рис. 51. Укрепленное поселение Устье I. Бронзовый век. Заготовка навершия булавы. Нефрит. Деталь

мую зависел от множества факторов. Здесь и геологическая предрасположенность территории, и образ жизни, и ориентированность хозяйственно-экономической жизни, и верования, и даже происхождение.

О чем мы должны говорить с детьми, затрагивая тему отношения людей к минералам? Наверно, о том, что минеральные богатства издревле придавали направленности исторического развития народов Южного Урала некоторую особость. Вероятно, дети должны знать и о том, что природные «кладовые» не безграничны: месторождения меди, железа, золота, драгоценных камней, казавшиеся огромными в XVIII–XIX вв., исчерпаны навсегда. На Южном Урале уже нет малахита. Он останется лишь в музеях, в древних и старинных бронзовых предметах, да... в сказах П.П. Бажова. А жаль.

Выводы по разделу:

Многообразие вариантов природно-климатических условий было важным фактором, влиявшим на облик жизни людей в конкретные периоды древней и средневековой истории региона.

Скотоводство раньше появилось и утвердилось в более пригодных для них степных и лесостепных районах Южного Зауралья. Таежные горные долины и предгорья, напротив, многие тысячи лет кормили охотников, рыболовов и собирателей.

Минеральные богатства Южного Урала (каменное сырье, руды) на протяжении тысячелетий придавали жизни его обитателей и их истории черты своеобразия в сравнении с окружающими территориями.

Литература

Основная:

Мосин В.С. Древние охотники Урала (археология и жизнь). — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. — С. 52—104; 106—140.

Дополнительная:

Колисниченко С.В. Яшмовый пояс Южного Урала: энциклопедия уральского камня. — Челябинск: Санарка, 2007. — 310 с.: ил.

Колисниченко С.В., Попов В.А. «Русская Бразилия» на Южном Урале: Минералы долин рек Санарки, Каменки и Кабанки: энциклопедия уральского камня. — Челябинск: Санарка, 2008. — 528 с.: ил.

Колисниченко С.В., Попов В.А., Епанчинцев С.Г., Кузнецов А.М. Все минералы Южного Урала. Минералы Челябинской области. энциклопедия уральского камня. — Челябинск: Санарка, 2014. — 624 с.: ил.

Матюшин Г.Н. Яшмовый пояс Урала. — М.: Искусство, 1977. — 176 с.: ил.

Вопросы

1. В чем заключается уникальность расположения уральской горной страны?
2. Что означает термин «пенеплен»?
3. «Яшмовый пояс» Урала? Что это?
4. Какие свойства обеспечили востребованность яшмы и похожих минералов древними южноуральцами для изготовления каменных орудий?
5. Окрестностям какого города в Южном Зауралье из-за богатства минералами присвоено образное название «Русская Бразилия»?

ГЛАВА 3. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА

Накопление данных и сведение их в единое полотно истории древних и средневековых народов Южного Урала – результат героических усилий нескольких поколений ученых. Еще не написаны книги, при чтении которых современники смогут увидеть и оценить этот героизм.

Известный отечественный историк Михаил Михайлович Дьяконов в своих трудах отождествлял древние племена – создателей «Ригведы» и древнейших частей «Авесты» – сборников обрядовых гимнов и песнопений, – со степными культурами срубной и андроновской культурно-исторических общностей бронзового века Поволжья, Приуралья и Казахстана. Постепенно в отечественной исторической науке утвердилось мнение о возможности использования ведических и авестийских текстов для освещения различных сторон жизни древних народов, особенно бронзового века, степной полосы Евразии и Южного Урала, в частности.

Прежде чем перейти к обсуждению письменных источников обратимся к карте Евразии. Южноуральский регион занимает равноудаленное положение по отношению ко всем районам, где в древности получила распространение письменность (Древний Китай, Индия, Иран, Древняя Греция и Рим). Удаленность эта не могла не сказаться на количестве и качестве письменных свидетельств о местных древних народах. Сами древние авторы на Южном Урале, исключая разве что легендарного Аристея из Проконнеса, не были.

Впервые в «Истории» Геродота (V в. до н.э.) мы находим сведения о древних народах, история которых связана с Южным Уралом и соседними с ним территориями. Среди них савроматы, исседоны, тиссагеты (фиссагеты) и другие. Страбон, в своей «Географии» (I в. до н.э.) описывает географическую привязку различных военно-территориальных союзов кочевников степей Казахстана и Южного Урала – саков и особенности их жизни.

Другая группа письменных источников – клинописные надписи царей Ирана из династии Ахеменидов, – также содержит сведения о саках. Северная окраина «мира саков» в VII–VI в. до н.э. находилась в степях Южного Урала. О саках же со слов путешественников и лазутчиков повествуют и древние китайские хроники. Но и древние греки, и иранцы, и тем более китайцы описывали лишь окраины огромного мира кочевников, в центре которого находились Уральские горы. Поэтому античные свидетельства о народах Урала (и Южного Урала в частности) полулегендарны и мифологичны.

Что же касается самих Уральских гор, то перед народами античных цивилизаций впервые они появляются на карте Клавдия Птолемея (II в. н.э.). Река Урал на его карте значится как Даикс. И тут самое время вспомнить, что названия части основных рек Восточной Европы (Дунай, Днестр, Днепр, Дон) и в наши дни звучат на древних иранских языках словами с корнем «дан», что означало «река» или «вода». Уральские же горы в сочинениях античных авторов чаще называются Рифейскими или Рипейскими.

В Средние века, в конце I тыс. н.э., северо-восточные границы арабской цивилизации и ислама в результате арабского завоевания распространились до района Приаралья. Арабские ученые, купцы, богословы обратили свой взор на северную окраину тогдашнего мира – Поволжье, Южный Урал и Западную Сибирь. Интересы арабов к северным широтам были разнообразны: торгово-экономические, военно-политические и, конечно, религиозные. Историки полагают, что во второй половине I тыс. до н.э. Среднюю Азию и Поволжье, Южный Урал связывали несколько вариантов караванных путей. Первый из них являлся северным маршрутом Великого Шелкового пути. Караваны отправлялись из Бухары, через плато Устюрт, далее следовали к реке Эмбе, реке Уралу и выходили к Волге в ее низовьях. Второй – сухопутный, оформился чуть позднее. Этот караванный путь проходил через земли башкир к границам Волжской Булгарии.

Степи Восточной Европы и Казахстана в раннем средневековье (I тыс. н.э.) занимали различные военно-территориальные союзы племен, уже в основном тюркоязычных кочевников. В горнолесной части Южного Урала жили далекие предки современных угроязычных народов.

В 20-х гг. XX в. в одной из мечетей г. Мешхед (Северный Иран) была обнаружена рукопись X в. Ее автором был просвещенный араб по имени Ахмед ибн Фадлан. Именно он, в силу ряда обстоятельств, возглавил посольство в страну булгар в 921–923 гг. Степи Западного Казахстана тогда занимали кочевые племена огузо-печенежской конфедерации, в состав которой входили и этнические подразделения с этнонимом «баштдирд», отождествляемые с предками современных башкир. Утвердилось мнение о том, что именно Ахмед ибн Фадлан и был первым, упомянувшим в своих сочинениях о башкирах. Бесценны для науки его описания не только башкир, но и огузов (гузов), их общественного устройства, верований, погребальных обрядов и т.д.

Выдающийся географ XII в. Аль-Идриси в 1154 г. создал труд, в котором описал, в частности, и горы Южного Урала. На составленной им карте мира нанесены реки района Урала.

Сведения еще об одном народе Южного Урала – кочевниках кимаках – находим у автора XI века Гардизи.

О целом ряде народов Южного Урала сообщает нам в своей «Истории монголов» придворный историограф монгольской династии правителей Ирана, хулагидов, – Рашид-ад-Дин (XIII–XIV вв.).

Еще одна группа средневековых письменных источников, в которых можно обнаружить сведения о средневековых народах Южного Урала, – западноевропейские.

Возьмем, к примеру, широко известный трактат византийского императора Константина Багрянородного (908–959) «Об управлении империей», составленный им для сына-наследника, и найдем там строки, посвященные печенегам (пачинакитам), мадьярам. Мадьяры за несколько столетий в раннем средневековье совершили свой исторический путь от Западной Сибири через Южный Урал в Восточную Европу, где в X в. обрели родину.

В качестве вывода: При всей замечательности и важности каждого письменного слова о древней и средневековой истории Южного Урала тем не менее лишь на их основе невозможно составить цельную картину истории региона.

Литература

Геродот. История // Историки античности в 2 т. – М.: Правда, 1989. – Т. 1. – С.115–120.

Страбон. География: в 17 кн. – М.: Ладомир, 1994. – С. 481–486.

Булатов А.Б. Восточные средневековые авторы о башкирах // Археология и этнография Башкирии. – Вып. 4. – Уфа, 1971. – С. 323–325.

Путешествие Ахмеда-Ибн-Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама // На стыке континентов и цивилизаций. Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. – М.: Инсан, 1996. – С. 12–76.

Вопросы

1. К какому времени относятся самые древние сведения о Южном Урале в письменных источниках?
2. Почему считается возможным использование текстов древнейших частей «Вед» и «Авесты» для изучения древней истории степных племен Южного Урала?
3. Кто из средневековых авторов первым употребил этноним «башкиры»?
4. Почему сведения византийского автора Константина Багрянородного о мадьярах имеют отношение и к Южному Уралу?
5. Почему на основе лишь письменных источников невозможно написание общего очерка древней истории Южного Урала?

ГЛАВА 4. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА

Важнейшими источниками по древней и средневековой истории Южного Урала являются памятники археологии. По некоторым подсчетам только в пределах современной Челябинской области их более 30 тысяч. Они отражают большую часть жизненного спектра древних и средневековых народов этого региона. Для палеолита это: места кратковременных стоянок групп охотников в пещерах и гротах, своеобразные технологические площадки для разделки туш добытых на охоте или погибших в силу иных причин животных; пещерные святилища, в том числе и с рисунками на стенах. Для мезолита Южного Урала известны: долговременные и сезонные стоянки и поселения, мастерские, разнообразные святилища. Неолитический период представлен разнообразными стоянками и поселениями, мастерскими, святилищами и единичными погребениями. К бронзовому веку Южного Урала относятся разнообразные поселения, в том числе и укрепленные; древнейшие в регионе курганные могильники, медные рудники.

По берегам рек в северной части Челябинской и северо-запада Курганской областей дремлют руины городищ раннего железного века и средневековья. У с. Черемисского в Катайском районе Курганской области долина реки Исеть перегорожена гигантским по трудозатратам земляным валом. А вот другая величественная картина: на возвышенности между озерами в Куртамышском районе Курганской области, среди полей золотистой пшеницы, возвышаются руины огромной дерново-земляной пирамиды, возведенной над гробницей одного из вождей раннего железного века. И в наши дни ее высота достигает 10 м, а диаметр по основанию — 100 м. Современники знают этот курган как «Бабий Бугор» А в степях Южного Урала до сих пор ждут своего исследователя циклопические святилища кочевников, — «курганы с усами». Исследователям будущих веков еще предстоит открыть тайны караванных путей, соединявших тысячелетиями Южный Урал, Западную Сибирь и Среднюю Азию.

Война людей со своей историей. Именно археологические памятники, изученные с привлечением разнообразных профильных специалистов, явились той информационной базой, которая позволила во второй половине прошедшего века археологам впервые предложить детям и образованной части общества достаточно правдивую, логичную, но в разной степени для разных эпох полную картину исторического развития Урала в целом и отдельных его районов в древности и в средние века.

К сожалению, сквозь тысячелетия удалось уцелеть лишь немногим археологическим памятникам. Исторический опыт свидетельствует, что, как правило, при смене населения археологические памятники разграблялись.

Ученые конца XIX в. И. Толстой и Н. Кондаков пишут, что «...по докладу 1670 г. царю Алексею Михайловичу... показано, что около реки Исети и в окружности оной русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотые и серебряные всякие вещи и посуду... и такие вещи около Исету и в прочих местах, где оной народ, называемый Чудь жил, в их могилах и поныне находятся...

раскапывают татарские тризны и находят всякое серебро и золото в сосудах и слитках...»

В архиве Далматова монастыря, что в современной Курганской области, сохранился документ о том, что ...в 1712 г. шадринский воевода послал во владения монастыря как знатоков «отставного драгуна Михаила Слободчикова да крестьянина Макара Лобова с товарищами для поиска при помощи бобылей монастырских золота, серебра, меди и иных вещей в недрах насыпей курганов для казны государевой...» По словам ученого путешественника Даниила Готлиба Мессершмидта, в 1721 г. раскопки курганов составляли обычный промысел зауральского населения, причем, жители отдельных слобод так и прозывались «бугорщиками», т.е. кладоискателями или проще грабителями могил. И не удивительно, что к 1760-м гг., по данным еще одного историка и путешественника – Герхарда Фридриха Миллера, никто больше на могильный промысел не ходил, потому что все могилы, «в коих сокровища найти надежды имели», были уже разрыты. Пространно описывает работу бугровщиков и Петр Андреевич Словцов (1838 г.) в своем фундаментальном труде «Историческое обозрение Сибири»: «...если первым покорителям Сибири удалось обирать живых не без огорчения, сыны их обирали мертвых без ропота. Безвестное поколение не говорит под землей о собственности... Статься могло, что расплатились в могилах праотцы тех свирепых поколений, которые приходили с Батыем зорить Россию. В бытиях народов правосудие Вечного проявляется в очередях вековых...»

И не случайно, известный ученый путешественник XVIII в. Петр-Симон Паллас, проезжая вдоль р. Тобол по территории современной Курганской области, писал в дневнике: «...лежат по дороге на поле, могильными насыпями испещренном, еще две деревни ...Все курганы до последнего взрыты, из чего несомненно заключить можно, что на то употребленный труд был не напрасен и кладоискатели свой расчет при том наблюдали...» Ту же безрадостную картину отмечает в своем дневнике и другой исследователь того же периода Иоганн-Петер Фальк.

И много позднее, в XIX в., в деревнях Зауралья у знахарей и знахарок можно было встретить под общим названием «громовых стрел» кремневые, яшмовые наконечники и скребки, неолитические сланцевые топоры... «Громовые стрелы» служили лекарственным средством против всевозможных болезней. Обычно их измельчали и лечили внутренними приемами сланцевого порошка, или же опускали с «наговором» в воду и затем поили этой водой пациента... Крестьянские коровы щеголяли медными колокольцами, изготовленными из переплавленных древних предметов...

К глубокому огорчению, отзвуки вековой войны наших предшественников с памятниками древней истории своих мест, ощущаются и сегодня. Глубокое безразличие властных структур и общественности привели практически к уничтожению уникального святилища эпохи позднего палеолита – Игнатиевской пещеры в Катав-Ивановском районе Челябинской области – потенциального источника научных знаний и туристического объекта, способного приносить и немалую прибыль (рис. 52). Уничтожена современниками часть древних изображений на скалах известного святилища на берегу озера Большие Аллаки в Каслинском районе (рис. 53). Лишь реставрация в начале 1980-х гг. спасла знаменитую Башню Тамерлана от обрушения и превращения в памятник эпиграфики XX – начала XXI в. (рис. 54; 55). Разбирается для нужд современного сельского хозяйства древний пограничный вал в окрестностях с. Черемисского на северо-западе современной Курганской области. В течение XX в. был уничтожен или серьезно поврежден распашкой и карьерами культурный слой многих сотен древних стоянок, поселений, могильников в Южном Зауралье (рис. 56). Нет до сих пор механизма противодействия вакханалии «черных археологов» на Южном Урале, вооруженных металлодетекторами и неуклонно

Рис. 52. Игнатиевская пещера. Поздний палеолит. Современные надписи, процарапанные по палеолитическим рисункам

Рис. 53. Древнее святилище на озере Большие Аллаки. Надпись современных вандалов поверх древних наскальных рисунков

Рис. 54. Мавзолей «Кесене» (Башня Тамерлана). Состояние на 20—30-е гг. XX в.

Рис. 55. Мавзолей «Кесене» (Башня Тамерлана)
Современные граффити на стенах (до реставрации)

Рис. 56. Могильник Владимировка (бронзовый век).
Разрушение древних погребений современным карьером

превращающихся в реальную финансовую силу. У существующих органов охраны культурного наследия нет реальных возможностей оперативного мониторинга состояния памятников археологии. Мы стремительно теряем потенциальные возможности для углубления наших представлений о древней истории края.

Выводы:

• Археологические памятники продолжают оставаться единственной надеждой исследователей в борьбе за создание внятного и достаточно подробного полотна древней и средневековой истории региона.

• Часть территории Южного Урала и в наши дни либо практически не исследована археологами, либо изучена фрагментарно. Особенно это утверждение справедливо для восточных районов Челябинской области, горнолесной части Южного Урала.

• Большие надежды связываются с археологическим изучением дна рек и озер Южного Урала. Целесообразность таких исследований подтверждена находкой неолитических глиняных сосудов и деревянной посуды этого же периода на дне оз. Увильды, обнаружением деревянной лодки-долбленки на дне оз. Иртяш.

• Спелеологам известны десятки так называемых «погребенных» пещер, вход в которые был завален иногда десятки тысяч лет назад, и по этой причине в эти пещеры не могли попасть люди в более поздние времена. Так что ждем новых выдающихся открытий святилищ с настенными рисунками ледникового периода.

• Не исчерпал себя и блестяще доказавший свою целесообразность метод аэрофотодешифоровки применительно к археологии.

Вопросы

1. Составьте таблицу типов памятников археологии по эпохам древней истории Южного Урала.

2. Как вы думаете, почему в XVIII в. был так распространен в Зауралье промысел «бугровщиков»?

3. Подумайте над возможностями создания эффективной системы охраны культурного наследия древних эпох в крае.

ГЛАВА 5. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА

Исследователи XVIII в. и археология региона. В 1734 г. на Южном Урале начинается история знаменитой Оренбургской экспедиции. Ее деятельность была направлена не только на укрепление юго-восточных рубежей России и создание плацдарма для броска в Среднюю Азию, но и на реальное включение пограничного Оренбургского края в экономическую жизнь империи. Сотрудником этой экспедиции и был впоследствии первый член-корреспондент Императорской Академии наук, выдающийся ученый XVIII в., Петр Иванович Рычков (1712–1777) (рис. 57). Он оставил после себя не столь много трудов, однако его «Топография Оренбургской губернии по ее нынешнему состоянию» по праву считается не только первым краеведческим трудом в России, но и одной из первых научных в подлинном смысле этого слова работ, в которой содержится довольно много сведений по древней истории Южного Урала и дается характеристика целого ряда памятников древних культур. Именно П.И. Рычков был первым исследователем знаменитой Каповой пещеры в Башкирии. Палеолитическим рисункам Каповой (Шульган-Таш) пещеры правда придется ждать еще два века, пока их впервые увидит зоолог Александр Владимирович Рюмин.

П.И. Рычков первым из европейцев описал средневековые мавзолеи Южного Зауралья, в том числе и известный сейчас южноуральцам мавзолей — «Башню Тамерлана» в современном Варненском районе Челябинской области. Приведем подлинное его описание двух подобных сооружений. «По реке Увелке, по течению ее, на левой стороне от Троицкой крепости в 27 верстах, находится прежде живших здесь народов палатка. Кладена из немалого жженого кирпича квадратного, в которой вместо связей положены сосновые брусья; но нынче киргизы сказывают, большею частью она разломана и *кирпич от обывателей Троицка в крепость перевожен» (курсив мой. —* Н.В.). В процитированном отрывке речь идет, скорее всего, о мавзолее близ современного села Клястицкое Троицкого района. Археологи нашего времени обнаружили здесь уже лишь практически только его фундамент. «На Заяицкой степи между сею и Степною крепостями от Верхояицка прямо верст в 60 есть в степи старинное каменное здание, но от кого построено, никто не знает». А этот отрывок, скорее всего, об известной ныне

Рис. 57. П.И. Рычков — ученый-краевед XVIII в.

Рис. 58. П.-С. Паллас — ученый-путешественник XVIII в.

«Башне Тамерлана» в окрестностях Варны.

Он же упоминает целый ряд древних курганов и городищ, в том числе широко известные в наши дни Мыльниковские городища у г. Шадринска. П.И. Рычков первым подробно остановился на описании древних «чудских» рудников Южного Урала по рекам Каргала и Сакмара. Петр Иванович Рычков уверенно утверждал, что медеплавильные заводы XVIII в. получали руду из месторождений, которые начали разрабатываться в древности. «Древние здешних мест обыватели в горных делах, а наипаче в плавке меди, в свое время великие и сильные имели помыслы... Самые те копи и находящиеся в них разные вещи доказывают, что оные горные промыслы и доставание руд были прежде нашествия татар, ибо сверху нынешних рудников на несколько аршин находящаяся наносная земля довольно подтверждается, что та работа в древние времена происходила. Тут же находят и инструменты наподобие серпов или кривых ножей, может быть за недостатком железа из меди, сделанные, у коих наружный вид немалую древность изъявляет». Владелец ряда медеплавильных заводов на Урале Яков Борисович Твердышев сообщал П.И. Рычкову, что «...древних рудокопных мест великое множество... по тем же речкам Каргалам и в вершинах реки Сакмары находят сделанные из красного кирпича небольшие ручные печки и фунта по два и по три медные слитки».

В книгах сына П.И. Рычкова, — Николая Петровича Рычкова, также находим описания древних рудников на Южном Урале. Тема эта имела в те времена не столько историческое, сколько конкретно-экономическое содержание, поскольку устроители медеплавильных заводов того времени в значительной части ориентировались в поисках сырья на следы древних «чудских» или «ордынских» разработок.

Событием в истории изучения древней и средневековой истории Южного Урала явилась т.н. Вторая Великая академическая экспедиция (1768–1774). Участники академических экспедиций **XVIII в. впервые обратили внимание на древности Южного** Урала с чисто научной целью. В инструкции для членов экспедиции, составленной крупнейшим русским историком XVIII в. Василием Никитичем Татищевым, в числе прочих вопросов, стояли и задачи поисков и регистрации археологических памятников. Особенно важны по интересующей нас проблеме работы отрядов, которые возглавляли молодые ученые-энциклопедисты: Петр-Симон Паллас, Иван Иванович Лепехин и Иоганн-Петер Фальк.

П. Паллас (1741–1811) (рис. 58), издавший «Путешествие по разным местам государства Российского» (дневник путешествия), в соответствии с полученной им инструкцией Академии наук, дает подробное описание многих памятников древних культур Южного Урала и Зауралья. Так, в частности, летом 1768 г. он обстоятельно описал древний Сайгачий рудник в окрестностях Оренбурга: «При Сайгачьем руднике найдена кроме многих шурфов чрезвычайно пространная и во многих местах разработанная штольня еще в хорошем состоянии, при расчищивании которой найдены не только лепешки сплавленной меди, но и много круглых, из белой гли-

ны сделанных горшков, в которых медь плавили, да кости засыпанных землею работников...» П. Паллас упоминает также о Чертовом городище в черте современного г. Уфы. Он не только описывал древние курганы, но и раскопал некоторые из них, как, например, курган у с. Новосергиевка в Оренбургском уезде, «на котором стоял отесанный каменный болван и еще лежал камень, на котором было высечено лицо человека...»;

П. Паллас оставил описание известной «Башни Тамерлана». «Переправившись через Улу-Тогузак ехали мы еще часа полтора к югу и увидели тот татарский молитвенный дом, коего ради сюда и ехал. Близ сего молитвенного здания — соленое озеро и потому *Кошена-куль* имянуется...» При следовании через территорию современной Курганской области П. Паллас описывает знаменитый, давший имя г. Кургану «Царев курган».

Рис. 59. И.И. Лепехин — ученый-путешественник XVIII в.

И.И. Лепехин (1741—1802) (рис. 59) в своих «Дневных записках» неоднократно возвращается к теме памятников древней и средневековой истории Южного Урала, в связи с древними рудниками в Оренбуржье и на современном юге Свердловской области (Гумешевский рудник близ современного г. Полевского), описанием древнего вала на горе Тура-тау под Стерлитамаком. Вслед за П.И. Рычковым И.И. Лепехин посетил Капову пещеру и обследовал самый удаленный от входа верхний ярус пещеры.

И.И. Лепехин тщательно описывает древние рудные разработки Южного Урала. «В 4-х верстах от Кананикольского завода на речке Куртлы находится старинная или так называемая Чудская копь. Все рудопромышленники единогласно утверждают, что жившая некогда тут чудь только самолучшую руду выбирала, оставляя все прочее потомству, из чего не без основания заключить можно, что рудные их промыслы только для собственных нужд отправлялися. Они никакого порядочно руд не добывали, но лазя под землею наподобие кротов, отковыривали лучшую руду кабаньими клыками...» Сообщает он и о находках древних горных разработок и предметов русскими горняками на Гумешевском руднике (окрестности современного г. Полевского). «При открытии Гумешевского рудника в 1731 г. найдены старинные выработки, рвы и углубления, а в них полусгорелая лучина, в стену воткнутая, рукавица и сумка из лосиной кожи, кайлы, молоток ... из меди сделанные. В углублении 9-саженном в 1770 году найдена в том же руднике круглая шапка с собольим околышем...»

И.-П. Фальк (1732—1774) первым описал ряд археологических памятников, в частности, Царев курган на Тоболе, курганы на территории нынешнего Куртамышского района Курганской области, в том числе широко известный Бабий Бугор, курганы и городища по р. Исеть в современном Шатровском районе Курганской области.

Не прошел мимо И.-П. Фальк и древних горных разработок. «Вся холмистая страна, особливо между Каргалинскими ручьями, при Самыше, Сакмаре и между Сакмарою и Уралом, у Вязовского редута и выше, за Красноярск, исполнена обвалившимися копями древней чуди и оставленными горными работами, состоявшими

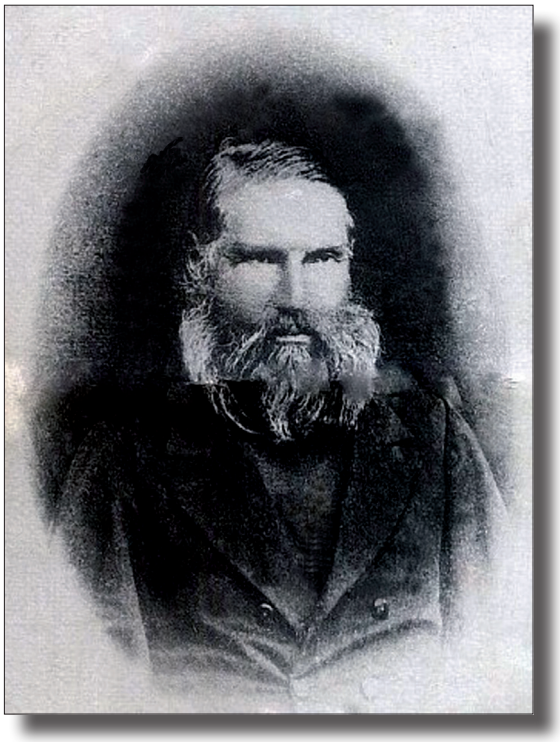

Рис. 60. А.Н. Зырянов — археолог-краевед Зауралья

по большей части или в ямах глубиной от 1 до 5 сажен, а в поперечнике от 3-х до 15 сажен, или в порядочных горных копях со штольнями, штреками, но редко более 7 до 15 сажен глубиной...»

«Страна около Оренбурга имеет еще некоторые остатки прежних ее жителей... курган, называемый Бухарским маром ...У ручья Каргала... видны три каменных свода... из коих один обвалился, а другие два имеют вверху отверстия, в которые можно входить...»

«В 6 верстах от города Кургана ...видны малые курганы. Многие из них разрыты и, как говорят, находили в них серебряную посуду, но недавно прислан Указ, коим повелено сии имущества прежних жителей, вероятно, кочующих татар, оставить во всей их целостности...»

В это же время выходит в свет замечательное «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд» ученого путешественника — участника Второй Великой академической экспедиции — Иоганна-Готлиба Георги (1729—1802).

XIX в. в истории археологического изучения Южного Урала. В 1845 г. было основано Русское географическое общество, в 1859 году в России создана Археологическая комиссия, призванная контролировать археологические исследования в масштабе всей страны, а в 1864 году — Московское археологическое общество.

Как отражение этих процессов в центральных и местных изданиях появился целый ряд публикаций о древностях Южного Урала и Зауралья. В их числе заметки И.И. Кожина в журналах Министерства внутренних дел и Министерства народного просвещения. В них содержатся краткие сведения о Большом Мыльниковском городище в окрестностях Шадринска в Зауралье.

К середине XIX в. относится заметка священника Тихона Успенского в «Пермском сборнике». Т. Успенский раскопал несколько крупных курганов на возвышенности при впадении реки Течи в Исеть в современном Далматовском районе Курганской области. Он же первым описал замечательные древние городища у д. Мурзино (современный Каргопольский район Курганской области). На примере Большого Мурзинского городища исследователь высказал предположение о наличии башен в фортификационных системах древних городищ Южного Зауралья.

Известный краевед Николай Алексеевич Абрамов не только описал Царев курган в черте г. Кургана, но и привел связанные с ним легенды о якобы умершей и похороненной под этим курганом дочери татарского или ногайского князя.

С середины XIX в. началась археологическая деятельность Александра Никифоровича Зырянова (1830—1884) (рис. 60) — первого археолога-любителя на Южном Урале, выходца из крестьян, уроженца с. Верхний Яр, что в современном Далматовском районе Курганской области, талантливого самородка-краеведа. Работы А.Н. Зырянова в археологии были связаны в основном с памятниками археологии территории Шадринского уезда тогдашней Пермской губернии. В частности, большие археологические работы он провел в 1866-м, 1867-м и 1870 гг. у с. Замараево.

Статьи и заметки А.Н. Зырянова, посвященные археологическим памятникам, можно было найти в основном в газетах и журналах того времени.

В первой половине XIX в. в полной мере были востребованы результаты работы ученых путешественников XVIII в. Так данные П.С. Палласа о Царевом кургане практически без изменений использовал Афанасий Щекатов в своем знаменитом «Словаре географических названий Российского государства». Книга И.-П. Фалька была переведена на русский язык лишь в 1824 году. И, вероятно, не случайно появление в том же 1924 г. в одном из выпусков известного тогда журнала «Отечественные записки» заметки «О старинных городищах, существующих в Курганском уезде (Тобольской губернии)», за подписью «Солунов. Смотритель училища». Заметка посвящена нескольким крупным курганам в Зауралье, известным как Царев курган, Шмаковский курган, Бабий Бугор и т.п. Автор определяет эти курганы как «места пребывания татарских князей и старшин, удалившихся из окрестностей Астрахани...»

Известный исследователь истории Сибири Петр Андреевич Словцов (1767—1843) в своем удивительном по информативности и богатству языка «Историческом обозрении Сибири» (1838 г.) касается и древних памятников Южного Урала и Зауралья. Так он пишет: «...едва ли юрт Сибирский не стоял между Исети и Мияса, при озерах Иртяше и двух Наннягах, где на южном берегу одного из озер виден курган из полевого шпата, с древним укреплением и рвом, обведенным около кургана наподобие венка, а на северо-восточном — северном скате мыса, при протоке между обоих Наннягов, еще не осыпался ров на 130 сажен выказывающийся...» П.А. Словцов упоминает о находке в 1822 г. на Чудаковской шахте в 15 сажен глубиной опять-таки сумы из лосиной кожи. При соединении речек Багаряк и Синара отмечает старинные копи на левом берегу последней. Надо заметить, что П.А. Словцов практически исчерпывающе проработал данные и печатных изданий первых трех десятилетий XIX в.

Большое значение для становления археологи на Южном Урале имела в этот период деятельность Руфа Гавриловича Игнатьева (1818—1886) (рис. 61). От прочих краеведов той поры его отличала прямо-таки рафинированная образованность. В самом деле, он — выпускник знаменитого тогда Лазаревского института восточных языков; он же — музыкант и музыковед — выпускник Парижской консерватории, способный журналист (автор около 500 статей), член Московского археологического общества, участник Первого Археологического съезда в Москве, в 1869 году.

Московское археологическое общество в эти годы приняло решение о создании Свода археологических памятников России. Вероятно, в этой связи Р.Г. Игнатьев приступил к созданию обширного «Археологического описания Оренбургской и Уфимской губерний»: «Долженствующему составить большой том убористой печати с приложением карт, чертежей и снимков». Часть этого объемного труда, известная как «Городища и курганы Оренбургской губернии», опубликованная в одном из выпусков «Известий Археологической комиссии» в начале XX в., увидела свет уже после смерти автора, благодаря усилиям известного русского археолога А.А. Спицына. Часть памятников Р.Г. Игнатьев обследовал лично, привлекая при содействии Археологической комиссии местных землемеров. Данные о прочих памятниках он получал от разнообразных информаторов. Как следствие опросной практики — фантастические размеры насыпей курганов, отсутствие ориентировки по сторонам света и прочие недостатки. Замыслы Р.Г. Игнатьева о создании широкого полотна «Археологического описания...» простирались и за пределы Оренбургской области. В 1873 г. в семи выпусках газеты «Тобольские губернские ведомости» была опубликована работа Р.Г. Игнатьева «Памятники древностей в Курганском округе Тобольской губернии». В ней содержатся сведения более чем о 60 памятниках древней истории Зауралья.

Рис. 61. Краевед Р.Г. Игнатьев

С именем Р.Г. Игнатьева связано открытие для науки таких эпонимных памятников как Гороховское («Чудаки») городище в Юргамышском районе современной Курганской области и Алакульского могильника в Щучанском районе.

Р.Г. Игнатьев предложил систему практического учета и охраны древних курганов через волостные правления, с созданием специальных описей курганов, с установкой на них номерных знаков, с обнесением курганов плетневой изгородью, передачей их под наблюдение жителям селений, на чьей земле они находятся. И эта система охраны, по словам того же Р.Г. Игнатьева, начала реализовываться.

В 1863–1865 гг. Р.Г. Игнатьев обследовал разведками огромную территорию Южного Урала и открыл большое количество курганов.

Р.Г. Игнатьев в числе первых в отечественной науке стал дополнять археологические исследования преданиями и легендами при написании истории края.

В 1865 г. он произвел первые в Южном Зауралье археологические раскопки с научными целями. Им были, в частности, раскопаны курганы в современном ему Троицком уезде.

Р.Г. Игнатьев произвел раскопки «30 ям от “землянок” на месте “Чудской деревни”» близ с. Таловского (современный Юргамышский район Курганской области).

На юге современной Челябинской области он обследовал в 1868 г. средневековый мавзолей у ст. Тамерлан, записав следующее: «В Троицком уезде, на бывшей некогда киргизской, а теперь казачьей, земле близ отряда Варны и станицы Великопетровской, сохранились кирпичные здания известные под названием “Кисене” или “Кирка”.

Он же привел сведения о могилах «багдадских» миссионеров на горе Аушкуль, а также обследовал известные ныне в Башкирии средневековые мавзолеи «Хуссейн-бека» и «Тура-хана».

Уральское общество любителей естествознания и археология региона. Этапным событием в истории изучения древней и средневековой истории Урала следует считать образование в 1870 г. в Екатеринбурге Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). В числе прочих была в этом обществе и секция археологии. Материалы археологического отдела музея УОЛЕ, составили позднее основу фондов Свердловского областного краеведческого музея.

Член УОЛЕ, Владимир Яковлевич Толмачев (1879–1942) (рис. 62) стал, пожалуй, первым профессионально подготовленным археологом Урала, поставив методику как разведочных, так и стационарных археологических работ на более высокий уровень. В.Я. Толмачев провел на рубеже XIX и XX вв. обширные разведочные

Рис. 62. Археолог В.Я. Толмачев

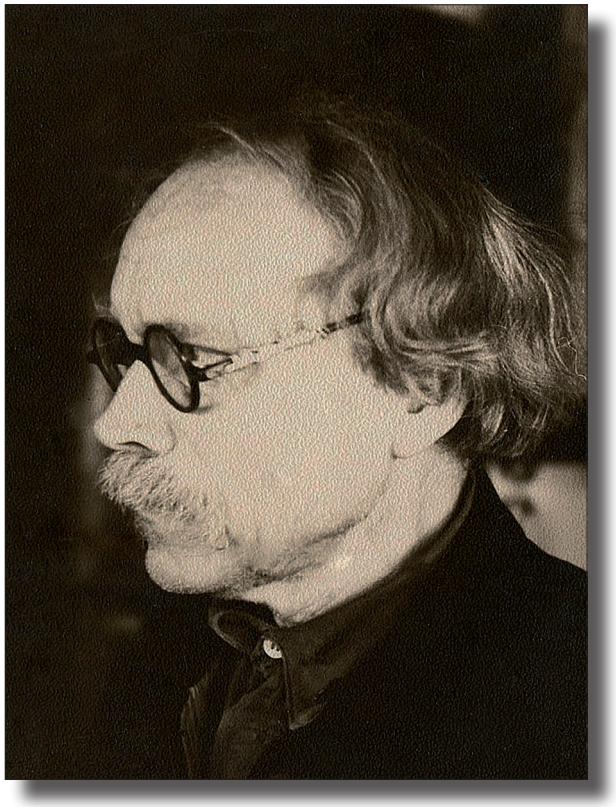

Рис. 63. Фольклорист и археолог-краевед В.П. Бирюков

работы по реке Исеть, а несколько позднее, — по реке Тобол, имея целью создание обширной «Археологической карты Урала». Его основная работа «Древности Восточного Урала», где были опубликованы древности Шигирского торфяника, известные Сапоговские медные идолы, полезна для исследователей и сейчас. Еще в конце 1880-х гг. Археологическая комиссия предложила УОЛЕ выполнять фактически роль археологической службы в Приуральском крае. В 1890 г. Московское археологическое общество обратилось к УОЛЕ с просьбой о составлении археологической карты зауральских уездов Пермской губернии. Выполнение этой работы в значительной степени связано с именем В.Я. Толмачева. В период до 1918 г., когда В.Я. Толмачев был вынужден эмигрировать из России, он активно вел разведочные работы в различных районах Южного Урала и Зауралья, в частности, по рекам Синара, Багаряк, Караболка, Миасс, Исеть, Тобол, Уй и по озерам Южного Зауралья. В.Я. Толмачев совместно с В.П. Бирюковым в 1913—1914 гг. исследовали группу памятников у с. Бакланского на реке Миасс (Каргопольский район современной Курганской области), в частности, Бакланский могильник, погребения которого были обоснованно датированы им бронзовым веком.

Первая мировая война прервала археологические изыскания В.Я. Толмачева. К этому времени относится его «Указатель к археологической карте Зауральской части Пермской губернии» и «Археологическая карта Восточного склона Урала», хранящиеся ныне в Государственном архиве Свердловской области.

Вокруг В.Я. Толмачева собирается небольшая группа краеведов-помощников. Среди них выпускник Петербургского университета, уроженец Шадринска, Юрий Павлович Аргентовский, житель села Ильтяково П.С. Кузьминых, а также В.П. Бирюков, впоследствии ставший знаменитым краеведом-фольклористом.

О Владимире Павловиче Бирюкове (1888—1971) (рис. 63) стоит рассказать отдельно. На протяжении нескольких десятилетий Владимир Павлович был

активным участником археологического изучения Южного Урала и Зауралья.

Самые ранние архивные свидетельства его археологических изысканий относятся к 1909(?) г., когда В.П. Бирюков с родственниками исследовал древний курган на территории г. Далматово в современной Курганской области. Сам же Владимир Павлович в докладе о личной археологической деятельности на Первом Уральском археологическом совещании в Перми в 1948 г. указывает на то, что «увлечение сбором краеведческих коллекций» началось у него с 1895 г., т.е. практически с детства, а начало систематического собирания археологических материалов, как из подъемных сборов, так и из раскопок, он датирует 1910 г. За период между 1910–1930 гг. В.П. Бирюковым были открыты разнообразные археологические памятники по берегам рек Исеть, Миасс, Теча, Синара, Багаряк и по берегам водораздельных озер. Кратко упоминает он в докладе о городище на реке Багаряк напротив села Зотино, о кремневых орудиях из разрушенной стоянки каменного века на оз. Огневском. Оговаривается В.П. Бирюков и о путешествии в 1937 г. в известную Усть-Катавскую костеносную пещеру, которую тогда изучал известный ленинградский, а впоследствии украинский археолог Сергей Николаевич Бибиков. Основная часть археологических памятников, открытых В.П. Бирюковым, приурочена к берегам реки Исеть и ее притоков: Миасс, Теча, Барнева и к берегам водораздельных озер. Сведения о памятниках, открытых и раскопанных с участием В.П. Бирюкова, отрывочны. Более всего известнее в этом смысле Бакланский могильник у с. Бакланское, на берегу р. Миасс, в пределах нынешнего Каргапольского района Курганской области. В 1913 г. В.П. Бирюков открывает здесь размываемый водами реки могильник. В следующем, 1914 г. В.П. Бирюков и В.Я. Толмачев приступили к изучению этого памятника. В отчете В.Я. Толмачева об этих раскопках прямо указано, что в результате обрушения берегового обрыва обнажились не менее 35 детских погребений. Подробно описаны сохранившиеся остатки деревянных погребальных камер, расположение и состав предметов погребального инвентаря. Совершенно справедливо могильник был отнесен к бронзовому веку (к «андроновскому времени», как пишет В.П. Бирюков).

В фондах Челябинского областного краеведческого музея нашлось несколько отчетов о проведенных В.П. Бирюковым археологических разведках: в Саткинском и Кусинском районах, по реке Миасс от Челябинска и до Тургояка, в Щучанском районе Курганской области и, тот самый дневник в блокноте, о котором упоминает в своих воспоминаниях В.С. Стоколос (об археологической разведке в тогдашнем Буринском районе Челябинской области по рекам Синара, Багаряк и Караболка).

Написанные чернилами от руки, отчеты и дневники эти производят странное впечатление. Это, скорее, не научные документы, а живые рассказы с большой долей бытописания, своеобразный рассказ о жизни страны в 1940–1950-е гг. и о памятниках ее древней истории. Автор с его многогранными исследовательскими страстями, не ограничивается лишь археологией. И от этого рассказы эти становятся все более живыми.

Археологическая образованность и методическая ее сторона у Владимира Павловича – из другого измерения – из второй половины XIX в., когда на Урале образованные люди, объединившись в Уральское общество любителей естествознания, пытались изучать древнее прошлое региона.

Собственно, больших опубликованных археологических работ у В.П. Бирюкова нет. Очерк «Автор “Древностей Восточного Урала”» в известных “Записках уральского краеведа”» посвящен дорогому для В.П. Бирюкова человеку – Владимиру Яковлевичу Толмачеву. Сохранился еще текст краткого выступления В.П. Бирюкова, посвященного археологической составляющей в жизни исследователя, на Первом Уральском археологическом совещании в г. Пермь (Молотов) в 1948 г.

С УОЛЕ связан и археологический аспект деятельности Константина Андреевича Шишковского (1834—1907), ссыльного поляка, помещенного на жительство в Миасс (рис. 64). В конце 80-х г. XIX в. именно он открыл и начал изучение первой на Южном Урале энеолитической стоянки на оз. Кысы-куль под Миассом, опубликовав результаты своих изысканий в «Записках Уральского общества любителей естествознания». Судьба материалов раскопок не вполне ясна. По одним данным они не сохранились до наших дней (погибли в огне пожара). Другие исследователи указывают на их хранение в Областном краеведческом музее Свердловской области и в Миасском городском краеведческом музее.

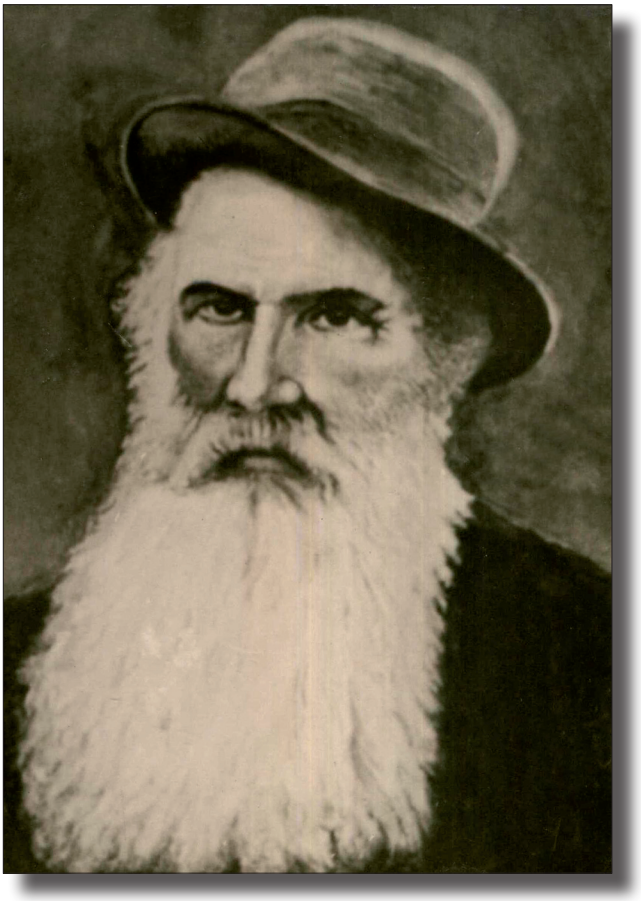

Рис. 64. Краевед К.А. Шишковский

Энергичную археологическую деятельность по изучению древних могильников развернул в 1906—1911 гг. чиновник Челябинского переселенческого ведомства Николай Кириллович Минко (1880—1918?) (рис. 65), обнаруживший в радиусе 25 верст от тогдашнего Челябинска около 1000 курганов и не менее 100 из них раскопавший. Он был членом УОЛЕ. К сожалению, с методикой раскопок у него не всё было хорошо. Полевой документации практически не сохранилось. В музеях и архивах — предметы, краткие отчеты и фотографии и ни одного чертежа погребений.

Часть полученных коллекций Н.К. Минко передал в музей УОЛЕ. Остальное уже после его смерти в Челябинский музей передала его вдова. Опять-таки лишь вещи без сопровождающих документов.

Археологи-краеведы — члены УОЛЕ — продолжили в конце XIX в. археологическое обследование Урала и Зауралья. В 90-е гг. XIX — в начале XX в. уроженец с. Катайского — Павел Федорович Первушин — открыл, обследовал, а частью и раскопал целый ряд археологических памятников, в частности Черемисский вал, Черемисские курганы, Катайские городища, Никитинское городище.

В Оренбурге в 80-е гг. XIX в. была образована Оренбургская ученая архивная комиссия, по роду деятельности очень сходная с УОЛЕ. Указ императора о создании подобных комиссий предполагал, прежде всего, упорядочение хранения и изучения архивов. Однако ОУАК превратилась в общественную организацию по комплексному изучению Оренбургского края. Среди членов ОУАК необходимо вспомнить, в частности, Иосифа Антоновича (Жозефа-Антуана) Кастанье (1875—1958) и его «Древности Киргизской степи и Оренбургского края», изданную в 1910 г.; старшего казачьего офицера Федора Митрофановича Старикова (1842—1911) (рис. 66), описавшего ряд памятников археологии, в частности, известный в Зауралье Звериноголовский курган, и священников, братьев Инфантьевых, сообщавших в своих статьях и заметках в «Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии» о различных археологических объектах на северо-востоке Оренбургской губернии и результатах их исследования.

Рис. 65. Краевед Н.К. Минко

Археология Южного Урала в XX в. В 1917 г. в Кургане начинает свою научную деятельность из-за революции не закончивший курс историко-филологического факультета Петербургского университета Николай Николаевич Бортвин (1892–1943). В 1920–1923 гг. он заведовал Курганским краеведческим музеем. Позднее (с 1939 по 1943 г.) Н.Н. Бортвин становится сотрудником Свердловского областного краеведческого музея, где заведует археологическим отделом. Им изучен ряд интересных памятников древней истории Зауралья. Н.Н. Бортвин ввел в научный оборот знаменитый среди археологов Верхне-Кизильский клад бронзовых предметов, обнаруженный предположительно в развалинах сгоревшего Мало-Кизильского селища бронзового века.

Рис. 66. Краевед Ф.М. Стариков

В 1923–1924 г. в Челябинском музее работал этнографом и археологом известный впоследствии искусствовед Сергей Николаевич Дурылин (1886–1954) (рис. 67), сосланный в Челябинск по линии ОГПУ. Им были исследованы несколько могильни-

Рис. 67. Археолог С.Н. Дурылина (2-й справа в 1-м ряду) на раскопках на оз. Смолино. 1924 г.

Рис. 68. Археолог К.В. Сальников на раскопках Федоровского могильника

ков бронзового века в черте современного Челябинска, у пос. Исаково и Сухомесово.

Работами М.П. Грязнова в 1926 г. по берегам рек Терекла и Киргильда была намечена граница между двумя степными «гигантами» позднего бронзового века – андроновской и срубной культурно-историческими общностями.

В период с 1927 по 1936 г. археологические памятники на Южном Урале, в основном на территории современной Оренбургской области и города Магнитогорска, исследовал известный впоследствии археолог Б.Н. Граков – несколько поселений и сотни курганов в зонах строительства.

На рубеже 20–30 гг. XX в. в истории изучения памятников археологии Южного Урала начался новый этап. Его качественным отличием от предыдущего был больший профессионализм самих полевых археологических работ, что не в последнюю очередь связывается с деятельностью преемницы Археологической комиссии – ГАИМК (ИИМК) по контролю за качеством археологических исследований.

В 1933 г. на Южном Урале начинает свою научную деятельность выдающийся археолог – Константин Владимирович Сальников (1900–1966) (рис. 68). Изучение древней истории края стало для него делом всей жизни. Тридцать лет полевых исследований увенчались научными достижениями, которые не смог до сих пор превзойти ни один из его последователей (рис. 69). Именно К.В. Сальников впервые в истории археологии Южного Урала на основе фрагментарных материалов попытался наполнить конкретным содержанием общую картину заключительных этапов каменного века в Зауралье. По итогам исследования поселения Бабарыкино II под Шадринском он выделил и охарактеризовал бабарыкинскую культуру, отнесенную им к раннему бронзовому веку. Исследование К.В. Сальниковым Алакульского и Федоровского могильников, Замараевского поселения бронзового века позволили ему создать периодизацию и хронологию степной андроновской культуры Южного Урала бронзового века, и с такой степенью достоверности, что периодизация эта была взята на вооружение исследователями бронзового века далеко за пределами Южного Урала (в Сибири и Казахстане). Многолетнее изучение К.В. Сальниковым Гороховского городища («Чудаки») и целого ряда погребальных памятников лесостепного Зауралья привело его к выделению лесостепной гороховской культуры раннего железного века. Работы К.В. Сальникова на I Даутовском (Иткульском I) городище на оз. Иткуль, на севере Челябинской области завершились открытием им иткульской культуры раннего железного века. Им же было положено начало осмыслению средневековых древностей Приисетья, где по результатам изучения Большого Бакальского городища у Шадринска К.В. Сальников выделяет бакальскую средневековую культуру.

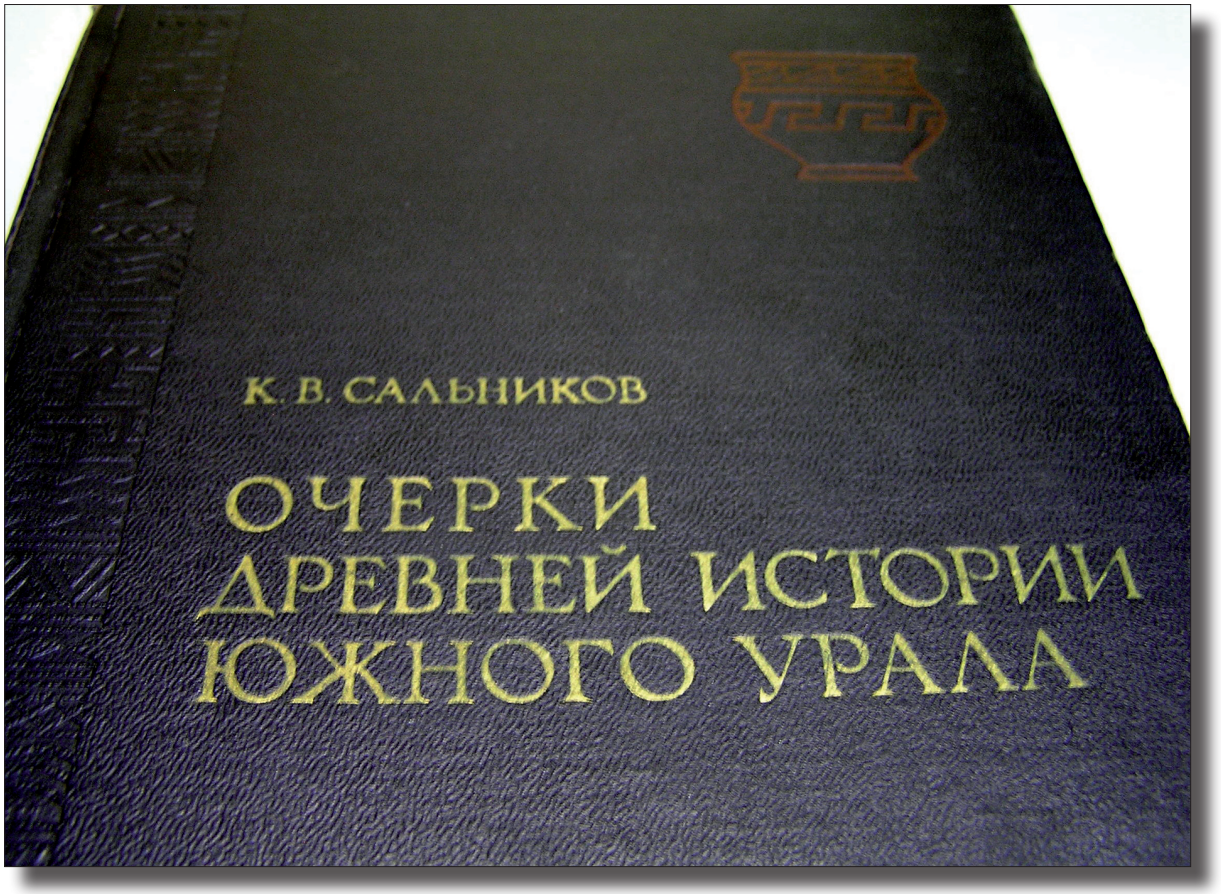

Рис. 69. Итоговая монография К.В. Сальникова

К.В. Сальникова с полным основанием можно назвать «отцом археологии Южного Урала» в ее научном понимании (рис. 70).

С 1930 г. начинает свои исследования в Верхнем Притоболье (Костанайская область Республики Казахстан) раскопками комплекса археологических памятников бронзового века (поселение, могильник и культовое место) у с. Алексеевка известная исследовательница бронзового века Ольга Александровна Кривцова-Гракова (1895–1970). Работы эти были настолько плодотворны, что до сих пор эти материалы находятся в научном обороте.

В конце 30-х гг. XX в. сотрудник ГИМ Сергей Николаевич Бибиков (1908–1988), известный позднее своими работами на палеолитических памятниках Украины, открывает первые на Южном Урале стоянки эпохи позднего палеолита в пещерах у г. Усть-Катава.

Великая Отечественная война не прервала археологическое изучение Урала. В Уфу, в частности, была эвакуирована Академия наук Украины, Украинские археологи исследовали на Южном Урале ряд памятников древних культур.

В наши дни исследователи говорят об уральской археологической школе, основателем которой был Отто Николаевич Бадер (1903–1979) (рис. 71). Среди выдающихся учеников О.Н. Бадера – Владимир Федорович Генинг (1924–1993) (рис. 72). Именно В.Ф. Генингом в 1961 г., при УрГУ, в Свердловске, была организована знаменитая Уральская археологическая экспедиция. Ее интеллектуальную среду составил целый ряд талантливых специалистов, – учеников В.Ф. Генинга. Упомянем такие имена, как: Владислав Евгеньевич Стоянов (1934–1999), Валентина Трофимовна Ко-

Рис. 70. Слева направо: В.С. Стоколос, М.С. Юрина, Н.П. Кипарисова, К.В. Сальников

валева (Юровская), Валерий Трофимович Петрин, Владимир Иванович Стефанов, Нина Константиновна Стефанова, Юрий Петрович Чемякин, Римма Дмитриевна Голдина, Геннадий Борисович Зданович, Валерий Валентинович Евдокимов и многие другие. Позднее Р.Д. Голдина явилась организатором крупного археологического центра в Ижевске, а Г.Б. Зданович – подобного центра в Петропавловске-Казахском, затем в Караганде и, наконец, с 1976 г. в Челябинском государственном университете. Г.Б. Зданович создал школу ученых-исследователей бронзового века Южного Урала и Казахстана. В.В. Евдокимов создал археологический центр в Кустанае, а позднее – в Караганде. Среди его учеников – талантливый ученый Виктор Николаевич Логвин.

Отряды экспедиции за прошедшие 40 лет исследовали практически все районы Урала – от Оренбуржья до Ямала и от Прикамья до Прииртышья. Счет открытым памятникам идет на тысячи, исследованных – сотни. Именно с работами Уральской археологической экспедиции связано изучение Игнатиевской пещеры на Южном Урале, с ее рисунками эпохи позднего палеолита, исследование многочисленных древних писаниц по рекам и озерам Южного Урала (В.Т. Петрин); формирование общих представлений о раннем железном веке в лесостепном Зауралье (В.Е. Стоянов); открытие целого ряда уникальных памятников бронзового века, среди которых знаменитый Синташтинский могильник в Брединском районе Челябинской области (В.Ф. Генинг).

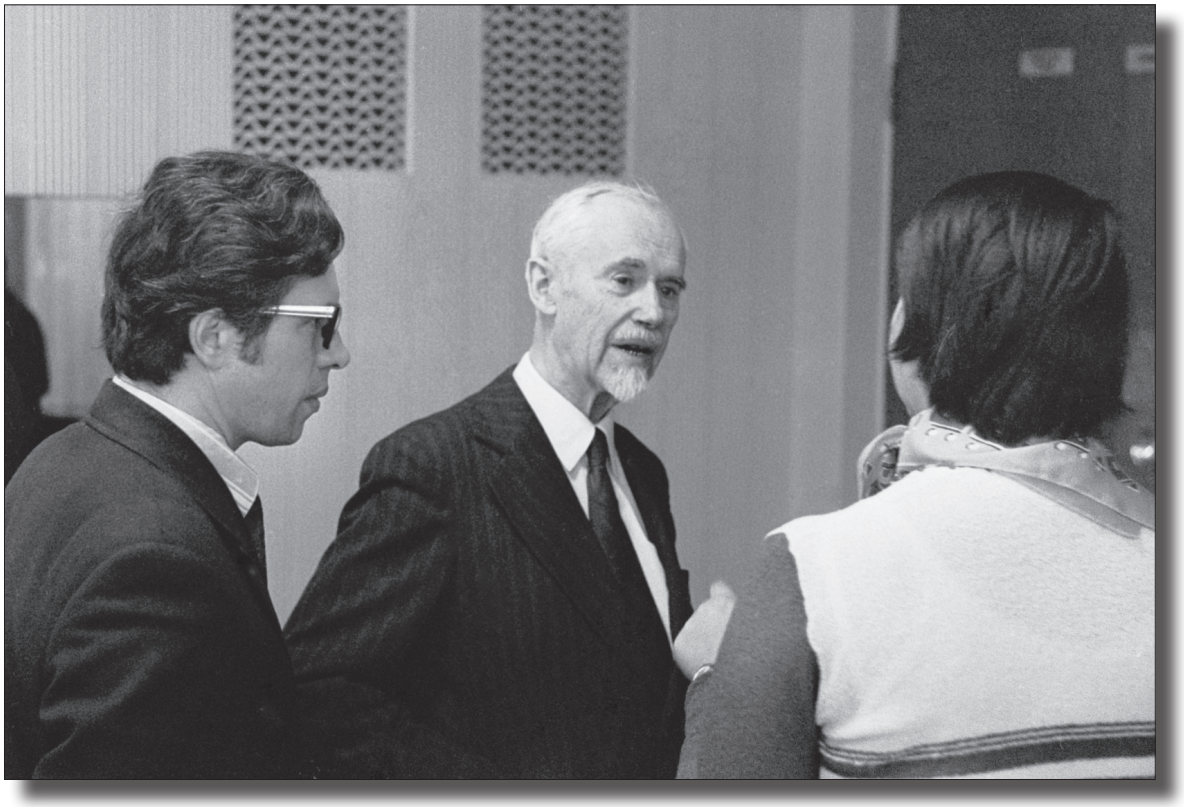

Рис. 71. Археолог О.Н. Бадер (в центре)

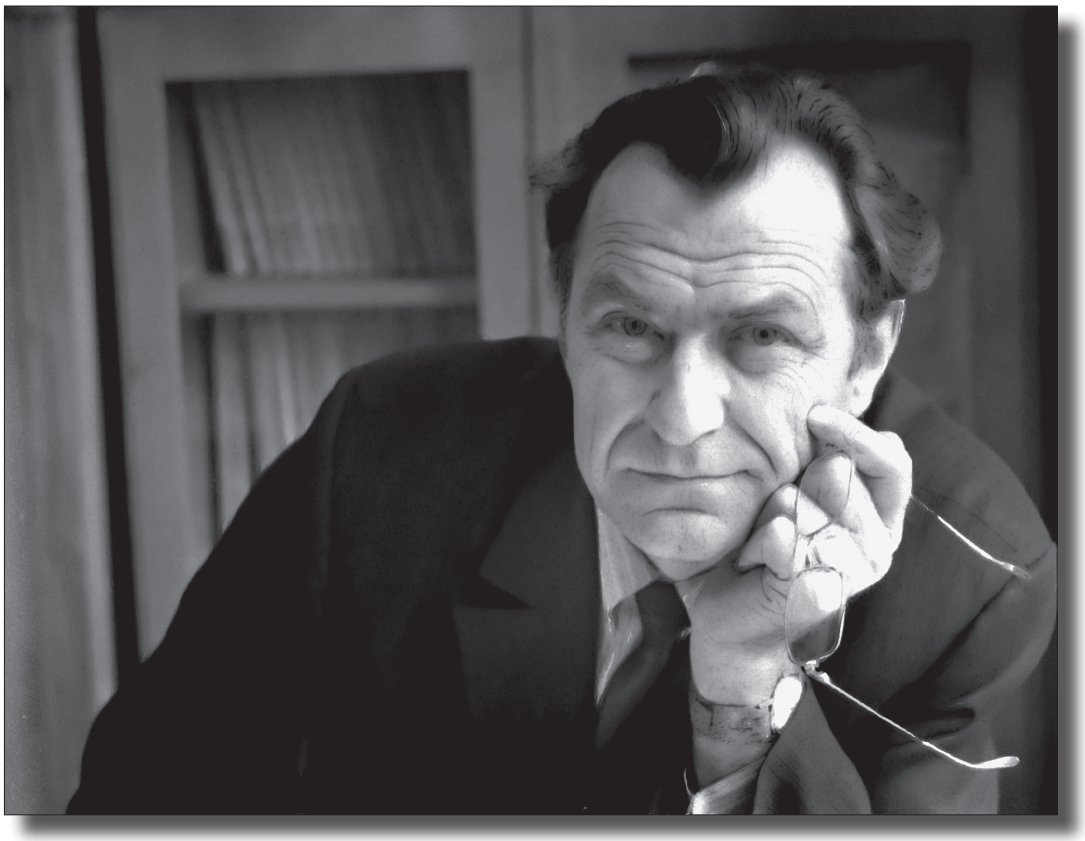

Рис. 72. Археолог В.Ф. Генинг

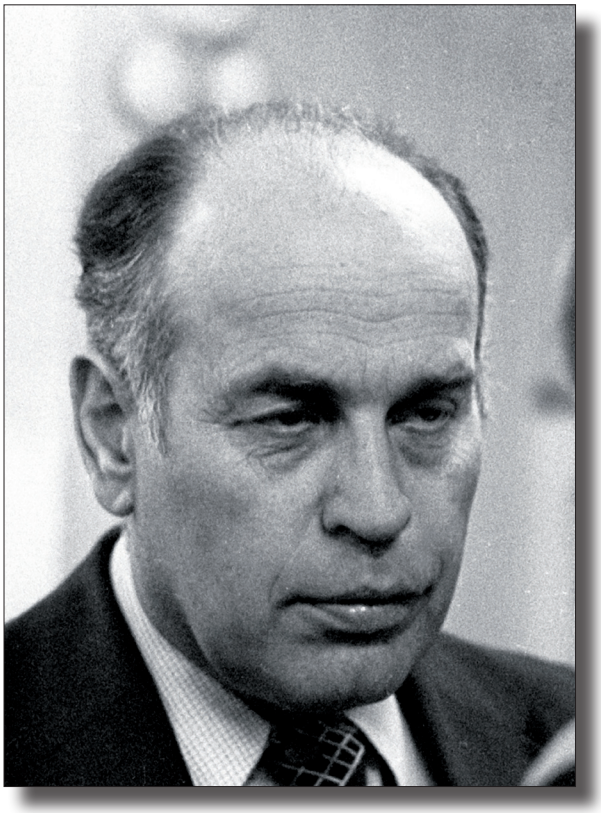

Рис. 73. Археолог Г.Н. Матюшин

С конца 1950-х гг. на Южном Урале начинается научная карьера Геральда Николаевича Матюшина (1927–2000) (рис. 73). Курсант знаменитой школы юнг на Соловецких островах, юнга на боевом корабле Северного флота в годы войны, руководитель школьного археологического кружка в Уфе, он с годами вырос до уровня крупного ученого, ведущего сотрудника Института археологии АН СССР (Москва). В его активе десятки полевых сезонов, открытие и описание мезолита Южного Урала, несколько монографических исследований по мезолиту и энеолиту Южного Урала и, что очень важно, целая серия научно-популярных книг по археологии, в том числе и Южного Урала, написанных живым языком, с понятным и интересным изложением сложнейших проблем первобытной истории региона.

В 1960–1970-е гг. оживляется внимание ученых головного археологического учреждения страны – Института археологии АН СССР к проблемам древней исто-

Рис. 74. Археолог Л.Я. Крижевская (слева)

рии региона. На Южном Урале ряд лет работает экспедиция Отто Николаевича Бадера (памятники каменного века Южного Урала). О.Н. Бадер проводит поиск пещерных палеолитических и неолитических памятников на Южном Урале и исследует ряд из них (Капова пещера, Смеловская II пещера, Игнатиевская пещера, грот у «Каменного кольца» у с. Серпиевка). Экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством Лии Яковлевны Крижевской (1916–1995) (рис. 74) исследует в этот период памятники неолита – ранней бронзы на таких озерах, как Большое Миассово, Чебаркуль, Кундравинское и других. Итогом работы стали две монографии Л.Я. Крижевской: «Неолит Южного Урала» и «Раннебронзовое время на Южном Урале». В Оренбуржье работали такие ученые из Института археологии АН СССР, как Елена Ефимовна Кузьмина (1931–2013) (памятники андроновской культуры бронзового века) (рис. 75; 76), Константин

Рис. 75. Археологи Е.Е. Кузьмина и А.Х. Пшеничнюк

Рис. 76. Монографии Е.Е. Кузьминой

Рис. 77. Археолог К.Ф. Смирнов (в центре)

Рис. 78. Археолог В.С. Стоколос на раскопках могильника у дер. Черняки

Федорович Смирнов (1917–1980) (древности кочевников раннего железного века) (рис. 77). В Южном Зауралье Е.Е. Кузьмина в это время исследовала Алакульский могильник, могильник Туктубаево и др.

В первой половине 1960-х гг. активизировал научные исследования в Южном Зауралье ученик К.В. Сальникова – Владимир Савельевич Стоколос. Им, в частности, был изучен культурный комплекс бронзового века Черняки в зоне затопления Шершневского водохранилища (рис. 78).

В 1970-е гг. в Оренбургском государственном педагогическом институте начинает работу по формированию научного археологического центра Нина Леонидовна Моргунова. К настоящему времени в Оренбурге, благодаря усилиям Н.Л. Моргуновой и ее учеников, такой центр существует и его заслуги в изучении неолита, энеолита и бронзового века Оренбуржья признаны ученым сообществом.

В 1960–1970-е гг. существовал археологический центр в Кургане, при Курганском музее и Курганском государственном педагогическом институте. Им руководила известная исследовательница древней истории Зауралья Тамила Михайловна Потемкина (рис. 79). Работа этого исследователя получила логическое завершение в монографическом исследовании «Бронзовый век лесостепного Притоболья» (1985), где изложены взгляды автора на периодизацию, культурно-хронологическую шкалу бронзового века Среднего Притоболья (рис. 80).

В 1960–1970-х гг. оформился крупный научный центр в Уфе. В составе отдела археологии Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР и в вузах города сложилась научная судьба целой плеяды исследователей древней

Рис. 79. Археолог Т.М. Потемкина

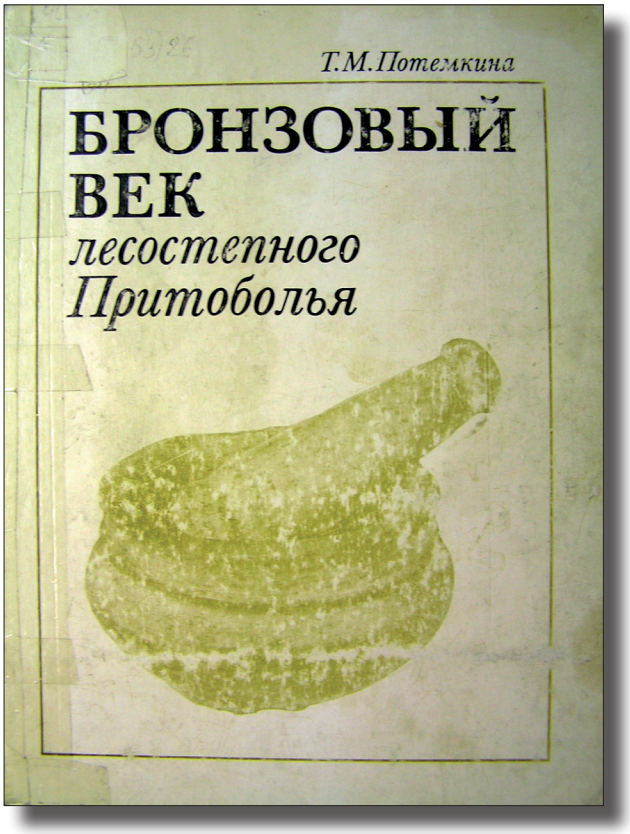

Рис. 80. Монография Т.М. Потемкиной

Рис. 81. Археолог В.С. Горбунов

истории. Это Нияз Абдулхакович Мажитов – специалист по средневековой археологии (рис. 81); Владимир Александрович Иванов – специалист по раннему железному веку и средневековью Южного Урала (рис. 82). С исследованием истории абашевской культуры бронзового века Южного Урала связана научная карьера Владимира Степановича Горбунова (рис. 83); срубными древностями бронзового века Южного Урала долгие годы плодотворно занимался Юрий Алексеевич Морозов (рис. 84). Археолог Михаил Федорович Обыденнов связал научную карьеру с изучением памятников лесных культур позднего бронзового века Южного Урала (рис. 85). Анатолий Харитонович Пшеничнюк является ведущим специалистом по изучению археологии ранних кочевников (рис. 86). Наиболее значительное его открытие – изучение известных далеко за пределами России Филипповских курганов раннего железного века в Оренбуржье.

Археология в Челябинске. Начало археологии собственно в Челябинске связано с деятельностью членов Уральского общества любителей естествознания, каковыми в Челябинске являлись и чиновник Переселенческого ведомства Николай Кириллович Минко и политический ссыльный, а впоследствии известный искусствовед Сергей Николаевич Дурылин. Ими решался вопрос накопления конкретной информации о древних и средневековых могильниках в окрестностях г.Челябинска. Результаты частично были обнародованы в «Записках УОЛЕ», отложились в фондах Челябинского краеведческого музея, к которому постепенно перешла инициативная роль в развитии челябинской археологии. Уже в научных статьях С.Н. Дурылина присутствуют обобщения, попытки датировки, интерпретации и сравнения челябинских древностей с материалами из Поволжья.

Однако подлинным археологическим центром Южного Зауралья музей

стал тогда, когда от имени Челябинского музея в Зауралье начала свою деятельность Южно-Уральская экспедиция под руководством Константина Владимировича Сальникова, т.е. с 1936-го по конец 1950-х гг. Благодаря исследованиям К.В. Сальникова в Южном Зауралье существенно увеличился фонд археологических источников. Масштабные разведочные работы по р. Исеть, предпринятые К.В. Сальниковым в 1940 г., позволили ему впервые в очерке древней истории Южного Зауралья говорить обобщенно о неолитическом ее периоде. Его работы 1936 г. (стоянка Кысы-куль на одноименном озере под Миассом) ознаменовали начало изучения энеолитического периода в Южном Зауралье. По итогам исследования в конце 1950-х гг. поселения Бабарыкино II (под Шадринском на р. Исети) К.В. Сальников выделяет и впервые характеризует бабарыкинскую культуру раннего бронзового, по его мнению, века. Периодизации и хронология андроновской культуры бронзового века Южного Зауралья, разработанная К.В. Сальниковым после изучения погребений Федоровского (под Челябинском) и Алакульского (у оз. Алакуль на западе Курганской области) могильников, а также поселения Кипель на р. Юргамыш и Замараевского селища на р. Исеть, были не только одними из первых в своем роде, но и в течение ряда лет использовались как реперные исследователями древней истории сопредельных районов. Он же впервые охарактеризовал древности черкаскульской культуры бронзового века в Южном Зауралье. Многолетнее изучение К.В. Сальниковым городища «Чудаки» в Юргамышском районе Курганской области и ряда могильников привело его к выделению особой лесостепной зауральской гороховской археологической культуры раннего железного века, тесно связанной с миром степных кочевых народов. Раскопки К.В. Сальниковым Даутовских горо-

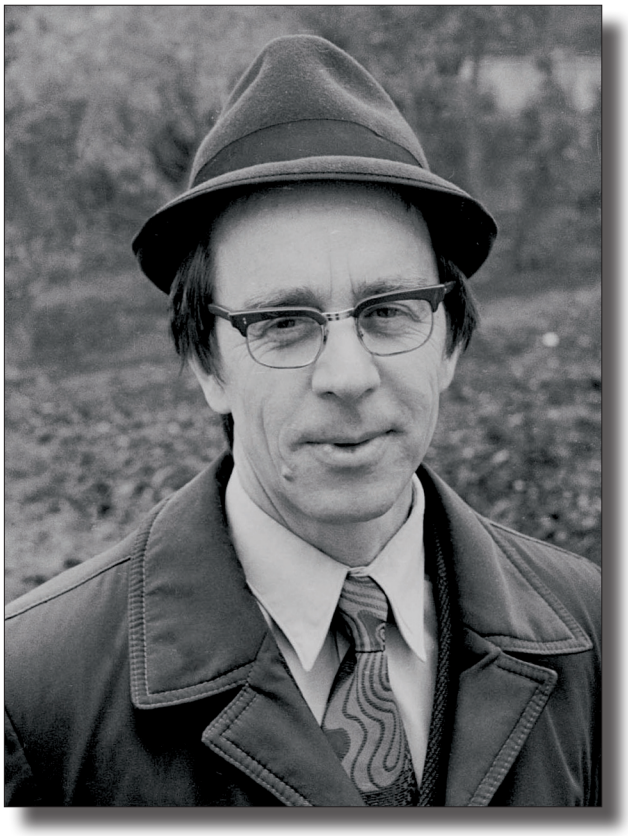

Рис. 82. Археолог Н.А. Мажитов

Рис. 83. Археолог В.А. Иванов

Рис. 84. Археолог Ю.А. Морозов

дищ на северном берегу оз. Иткуль завершились открытием одного из самых оригинальных культурных образований раннего железного века в Южном Зауралье — иткульской культуры. Средневековый период истории Южного Зауралья также приобрел полноту после работ К.В. Сальникова. Он же стал для нашего края «отцом-основателем» первой в истории края серии научно-популярных книг, благодаря которым древняя история края получила широкий общественный резонанс, вошла в практику школьного обучения. Первое в истории археологии Южного Зауралья систематическое изложение содержания этапов древней и средневековой истории края также принадлежит К.В. Сальникову.

Собственная периодизация и хронология истории нашего края в бронзовом веке была создана Владимиром Савельевичем Стоколосом не в последнюю очередь после его работ в районе Челябинска. Здесь он вместе со студентами ЧГПИ в первой половине 1960-х гг. раскопал целый ряд поселенческих и погребальных памятников (поселения и могильники бронзового века у бывшей д. Черняки).

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. археологические разведки на территории Челябинской области проводил со своими учениками известный краевед — учитель истории школы № 10 г. Челябинска Анатолий Иванович Александров.

Студенты-историки Челябинского государственного педагогического института в 1960—1970-е гг. неоднократно становились участниками исследования различных археологических памятников в составе экспедиций, возглавлявшихся известными советскими археологами. Так, в первой половине 1960-х гг. студенты исторического факультета ЧГПИ под руководством археолога Отто Николаевича Бадера (ИА АН СССР, Москва) раскапывали памятник эпохи среднего палеолита — Смеловскую II

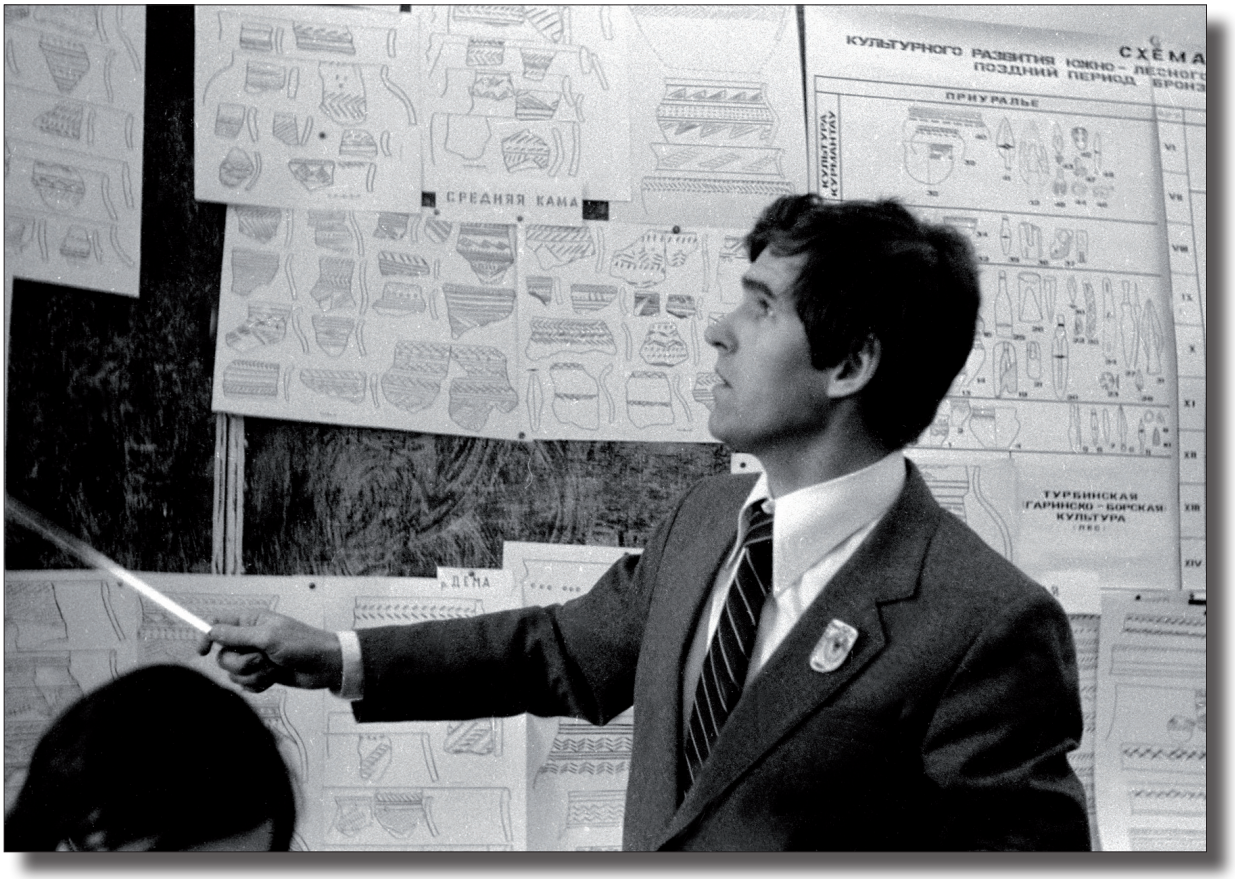

Рис. 85. Археолог М.Ф. Обыденнов

пещеру под Магнитогорском, на р. Малый Кизыл. Археолог Геральд Николаевич Матюшин, в течение 1960 – начале 1970-х гг. изучал памятники каменного века в Башкирском Зауралье (например, стоянка Янгелька) и по берегам высокогорного оз. Зюраткуль, под Саткой. В результате Г.Н. Матюшиным был открыт древнейший (на тот период) памятник истории Урала – стоянка Мысовая. Он же выделил янгельскую мезолитическую археологическую культуру. В эти открытия немало труда вложили и студенты-практиканты из ЧГПИ. Известная исследовательница бронзового века степной Евразии Елена Ефимовна Кузьмина со студентами-историками из ЧГПИ в 1969 г. раскопала два кургана знаменитого Алакульского могильника, а Лия Яковлевна Крижевская из ЛОИА АН СССР (Ленинград) – памятники различных эпох по берегам озера Большое Миассово и Чебаркуль. Л.Я. Крижевской

Рис. 86. Археолог А.Х. Пшеничнюк

Рис. 87 Археолог Г.Б. Зданович

Рис. 88. Археолог С.Г. Боталов

удалось впервые обобщить материалы по неолиту Южного Урала в вышедшей в 1968 г. монографии. В 1970–1980-е гг. археологи Уральской археологической экспедиции (УрГУ, г. Свердловск) произвели значительные по масштабам работы на территории Челябинской области, в зонах строительства различных объектов народного хозяйства. Наиболее значительным из археологических событий этого периода было открытие знаменитого ныне Синташтинского комплекса (поселения и могильника). Было положено начало осмыслению синташтинской проблемы. Работы велись под общим научным руководством Владимира Федоровича Генинга с участием в них студентов и преподавателей историко-педагогического факультета ЧГПИ.

Возрождение Челябинска как регионального археологического центра началось после организации в городе Челябинского государственного университета и с началом работы в нем известного археолога – Геннадия Борисовича Здановича (рис. 87). Организованная им в 1976 г. Урало-Казахстанская экспедиция объединила тогда целый ряд научных центров (ЧелГУ, областной краеведческий музей, ЧГПИ), активно приступила к сплошному археологическому обследованию территории области и к масштабным стационарным исследованиям. С именем Г.Б. Здановича и его учеников связана разработка многих проблем бронзового, раннего железного века и средневековья (некоторые из них: проблематика «Страны городов» бронзового века – Г.Б. Зданович, А.В. Епимахов, Д.Г. Зданович; «федоровская» проблема – Т.С. Малютина; средневековые степные народы Южного Урала – С.Г. Боталов; энеолит Южного Зауралья – В.С. Мосин; проблемы раннего железного века Южного Урала – А.Д. Таиров). Создание Центра «Аркаим» стало одним из многообещающих проектов археологов Челябинского государственного университета.

Позднее ученики Г.Б. Здановича создали новые археологические центры. В Че-

лябинске эффективно работает филиал отдела археологии Института истории и археологии УрО РАН (В.С. Мосин, С.Г. Боталов, С.А. Григорьев, А.Е. Епимахов, Г.Х. Самигулов, Н.А. Берсенева и др.).

Выпускник ЧГПИ и ученик Г.Б. Зановича С.Г. Боталов создал Археологический научный центр, специализирующийся на выполнении хоз. договорных охранных археологических работ. Большую роль Центр сыграл в археологическом изучении старого Челябинска (рис. 88).

В ЮУрГУ создание археологического центра связано с именами А.В. Епимахова, А.Д. Таирова (рис. 89; 90).

Археология в стенах ЧГПИ/ЧГПУ. В 1974 г. в стенах Челябинского государственного педагогического института также оформилась археологическая лаборатория. На старте истории лаборатории вдохновителем ее деятельности стал знаменитый на Урале археолог, уче-

Рис. 89. Археолог А.В. Епимахов

Рис. 90. Археолог А.Д. Таиров

ник не менее знаменитого Отто Николаевича Бадера Владимир Федорович Генинг. Именно он благословил лабораторию на первый большой совместный с УрГУ проект – на исследование всемирно известных сейчас поселения и могильника бронзового века на реке Синташта на крайнем юге области (рис. 91). Исследование этого комплекса археологических памятников стало одним из выдающихся открытий отечественной археологии XX в. Перед глазами удивленных современников из глухих степей явилось отделенное от нас четырьмя тысячами лет общество, которое настолько сложно представляло мир за гробом и было настолько богато, что могло строить для умершего родственника двухэтажные деревянные гробницы и отправлять вместе с ним в загробный мир до семи лошадей, боевую колесницу и прочие знаки неумеренного богатства. На Синташте началась научная карьера Николая Михайловича Меньшенина (1956–2012) – тогда студента историко-педагогического факультета пединститута (рис. 92). Николай Михайлович – археолог, что называется, от Бога. Никто до сих пор не смог превзойти его по результативности разведочных поисков памятников древней истории. Впоследствии Н.М. Меньшенин посвятил свою жизнь учету и охране археологических памятников Челябинской области. В очень непростых условиях он пытался всеми силами защитить наследие веков от разрушения и посягательств.

Важной составляющей работы археологической лаборатории ЧГПИ в начале ее истории стал небольшой археологический музей, где можно было наблюдать археологические материалы, привезенные студентами-историками с археологической практики в разных концах Советского Союза (рис. 93).

Настоящую школу археологического мастерства юные сотрудники лаборатории прошли во второй половине 1970-х гг., когда в Челябинске появился ЧелГУ, а вместе с ним и один из лучших учеников В.Ф. Генинга – Геннадий Борисович Зданович. Совместные с лабораторией ЧелГУ археологические проекты позволили тогда ар-

Рис. 91. Вечерний костер на реке Синташте. 1974 г.

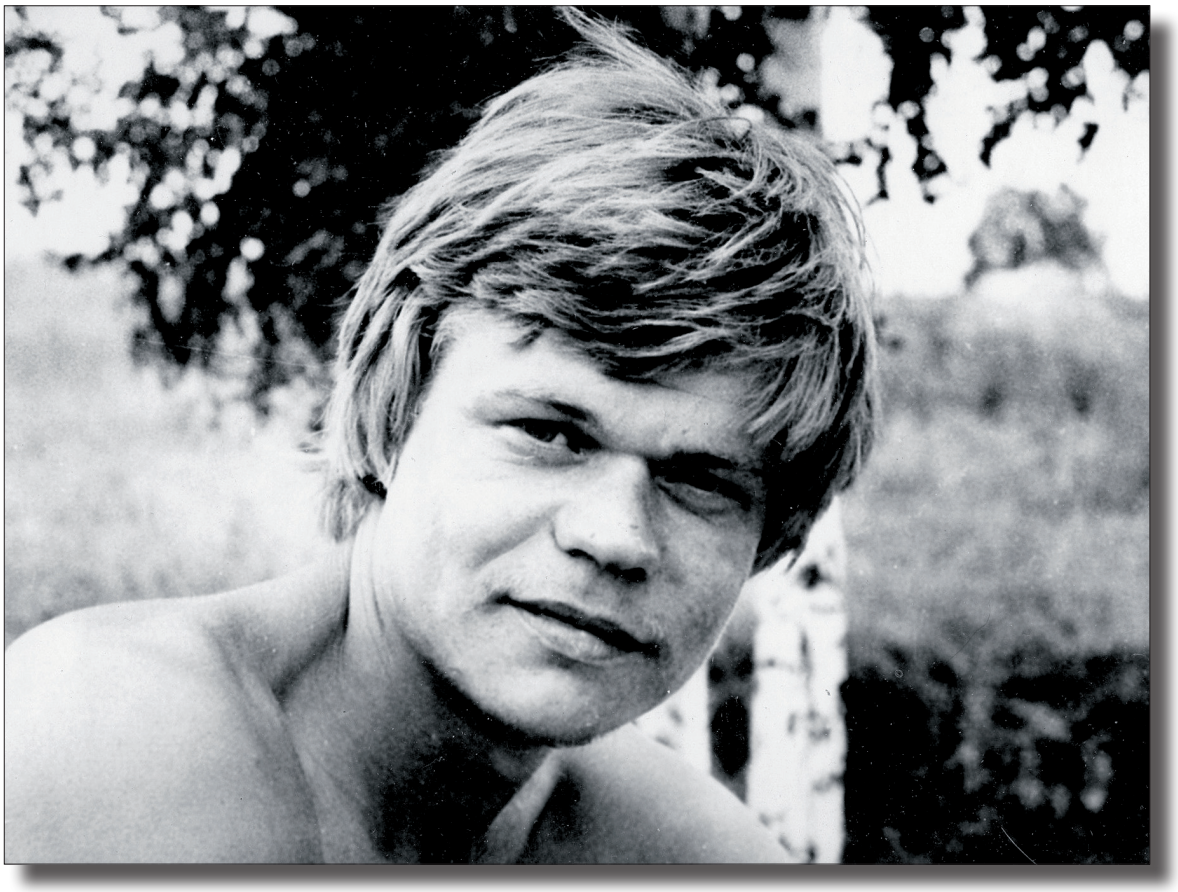

Рис. 92. Археолог Н.М. Меньшенин

Рис. 93. Археологический музей ЧГПИ. 1976 г.

хеологам пединститута отточить мастерство поиска археологических памятников. В степной части области нет, пожалуй, ни одной реки, берега которой не орошены потом наших разведчиков древности. Без транспорта, хороших карт и связи, часто с определенным риском для здоровья и жизни, они открывали для века XX сотни неизвестных доселе забытых в веках поселений, могильников и святилищ.

Вершиной этого периода истории лаборатории может считаться исследование древнего поселения Кулевчи III в Варненском районе (рис. 94). Археологи впервые на Южном Урале встретились в ходе раскопок этого поселения с традицией погребения неких избранных младенцев под полами жилищ, сложными дорогостоящими жертвенниками – остатками неведомых обрядов и невероятным изобилием различных продуктов металлопроизводства: слитки, обломки заготовок, готовые медные и бронзовые вещи. Причина изобилия стала известна лишь несколько лет назад, когда на той же реке, Караталы-Аят, у с. Новониколаевка были найдены древние рудники. Вершиной открытий на Кулевчах стала дешифровка способа формообразования глиняных сосудов алакульской культуры бронзового века.

На рубеже 1970 – 1980-х гг. были начаты раскопки могильника бронзового века Кулевчи в Варненском районе (рис. 95). Именно здесь была получена целая серия из шести комплектов украшений молодых женщин 3500-летней давности.

1980-е – начало 1990-х гг. для лаборатории ЧГПИ было и «временем Устья». Исследованию этого укрепленного поселения бронзового века четырехтысячелетней давности отдали юношеские годы сотни студентов-историков, десятки различных любителей древности (рис. 96). Итог тридцатилетнего труда – коллективная монография «Древнее Устье», которой хочется пожелать не быть забытой специалистами на протяжении многих лет.

Рис. 94. Поселение Кулевчи III.
Студентка-археолог С. Вершинина за работой

Рис. 95. Могильник Кулевчи VI. Зарисовка остатков на дне могильной ямы

**Рис. 96. Укрепленное поселение Устье I.
Рабочий момент раскопок**

Рис. 97. Археологическая разведка в Каргопольском районе Курганской области

Десять лет ушло у сотрудников лаборатории на выполнение масштабного научного проекта с прикладным звучанием – на составление археологической карты Курганской области (рис. 97). На начальной фазе реализации проекта, в 1983 г., на территории Курганской области были известны и паспортизованы под руководством Т.М. Потемкиной не более 470 археологических памятников. В изданной в 1993 г. книге по итогам работ экспедиции ЧГПИ содержались сведения уже почти о тысяче древних зауральских поселений, могильников. 250 из них были открыты и описаны впервые студентами ЧГПИ – археологическими разведчиками (рис. 98). Надо ли говорить, что перед глазами студентов-археологов открылась и целая новая страна Зауралье с ее в основном крестьянским населением с яркими бытовыми традициями, традиционной культурой.

В 1976 г. в стенах лаборатории ЧГПИ началась научная карьера, пожалуй, одного из самых ярких археологов Южного Урала – кандидата исторических наук Владимира Петровича Костюкова (1949–2009) (рис. 100). Его специализация – средневековая археология Южного Зауралья. С красным дипломом он окончил исторический факультет Уральского государственного университета. В 1984 г. он вместе с другими археологами ЧГПИ приступил к изучению великолепного могильника бронзового века Кривое Озеро в Троицком районе. Древние колесницы, комплекты колесничной упряжи, бронзовые орудия труда, предметы вооружения стали предметом пристального изучения специалистов.

С 1986 г. В.П. Костюков со студентами-археологами и школьниками-археологами начал изучение средневековых древностей Южного Зауралья. Яркие результаты получены при исследовании им средневековых могильников и святилищ в микрорайонах «Каменный Амбар», «Система» в Карталинском районе Челябинской области. Со временем Владимир Петрович из полевого археолога вырос до уровня крупного

медиевиста и ориенталиста. Итог его научной жизни — систематизированные представления людей XX в. о Южном Урале в составе практически неизвестной средневековой страны «Улуса Шибана».

В начале 1990-х гг. лаборатория пополнилась археологической семьей — Андреем Владимировичем и Мариной Григорьевной Епимаховыми. За время работы в лаборатории ими — большими тружениками был изучен великолепный могильник бронзового века Солнце II в Варненском районе, поселение Каменная Речка в Троицком районе и замечательный могильник в черте г. Троицка — Троицк-7, могильник Каменный Амбар-5 (совместно с В.П. Костюковым и Д.В. Нелиным) в Карталинском районе. А.В. Епимахов ныне — доктор исторических наук, один из ведущих специалистов по бронзовому веку.

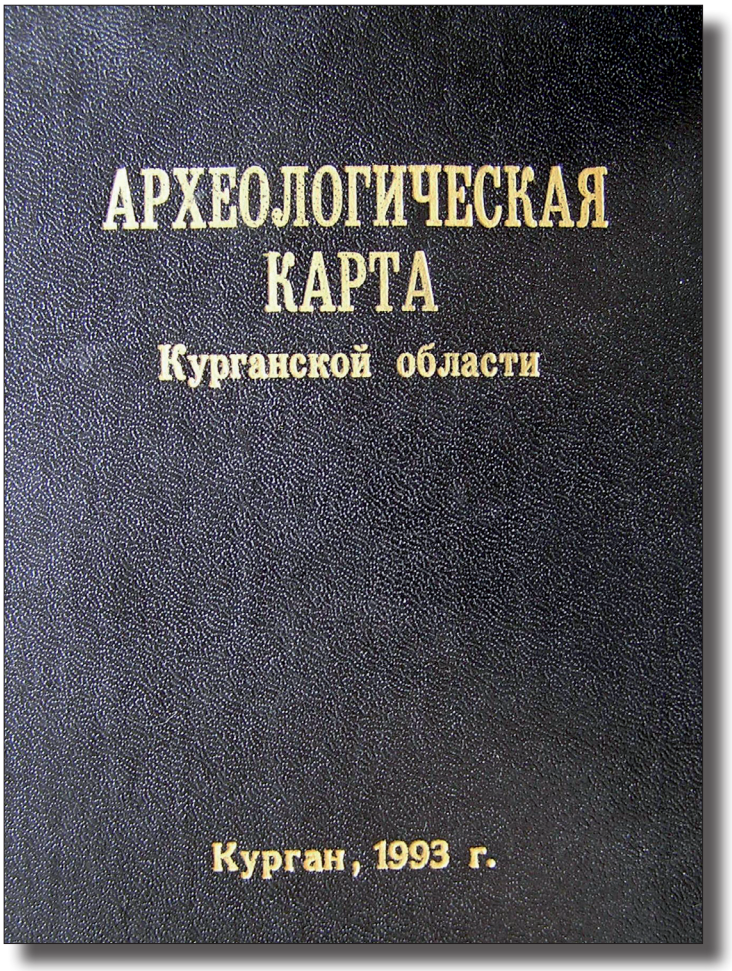

Рис. 98. Археологическая карта Курганской области — итог десяти лет работы лаборатории ЧГПИ

Выпускником историко-педагогического факультета и археологической лаборатории ЧГПИ является и известный южноуральский археолог, ведущий специалист по средневековому периоду, доктор исторических наук Сергей Геннадьевич Боталов.

Еще один выпускник историко-педагогического факультета ЧГПИ — Михаил Григорьевич Абрамзон также прошел археологические университеты в экспедиции ЧГПИ и сейчас является крупным специалистом по античной археологии и нумизматике, доктором исторических наук (рис. 99).

Бывшие школьники — археологи Д.В. Нелин и В.А. Булдашов также окончили историко-педагогический факультет ЧГПИ и защитили кандидатские диссертации по археологии. Гульнара Талгатовна Юсупова (позже Обыденнова) — выпускница Челябинского НОУ, также стала профессиональным археологом, доктором исторических наук.

Конец 1990-х — начало 2000-х гг. в истории лаборатории ЧГПУ связаны с появлением новой команды полевых археологов. Эстафету подхватила научный сотрудник Ирина Павловна Алаева. Древние могильники у дер. Песчанка в Карталинском районе и поселения и могильники бронзового века в Нагайбакском районе открыли археологам ЧГПУ свои тайны. Сегодняшние «лабораторцы» несколько лет изучали с Ириной Павловной поселение бронзового века на берегу озера Чебаркуль, и оно радует их своими находками. В частности, здесь была открыта техника строительства колодцев в бронзовом веке (рис. 101).

Рис. 99. Археолог М.Г. Абрамзон

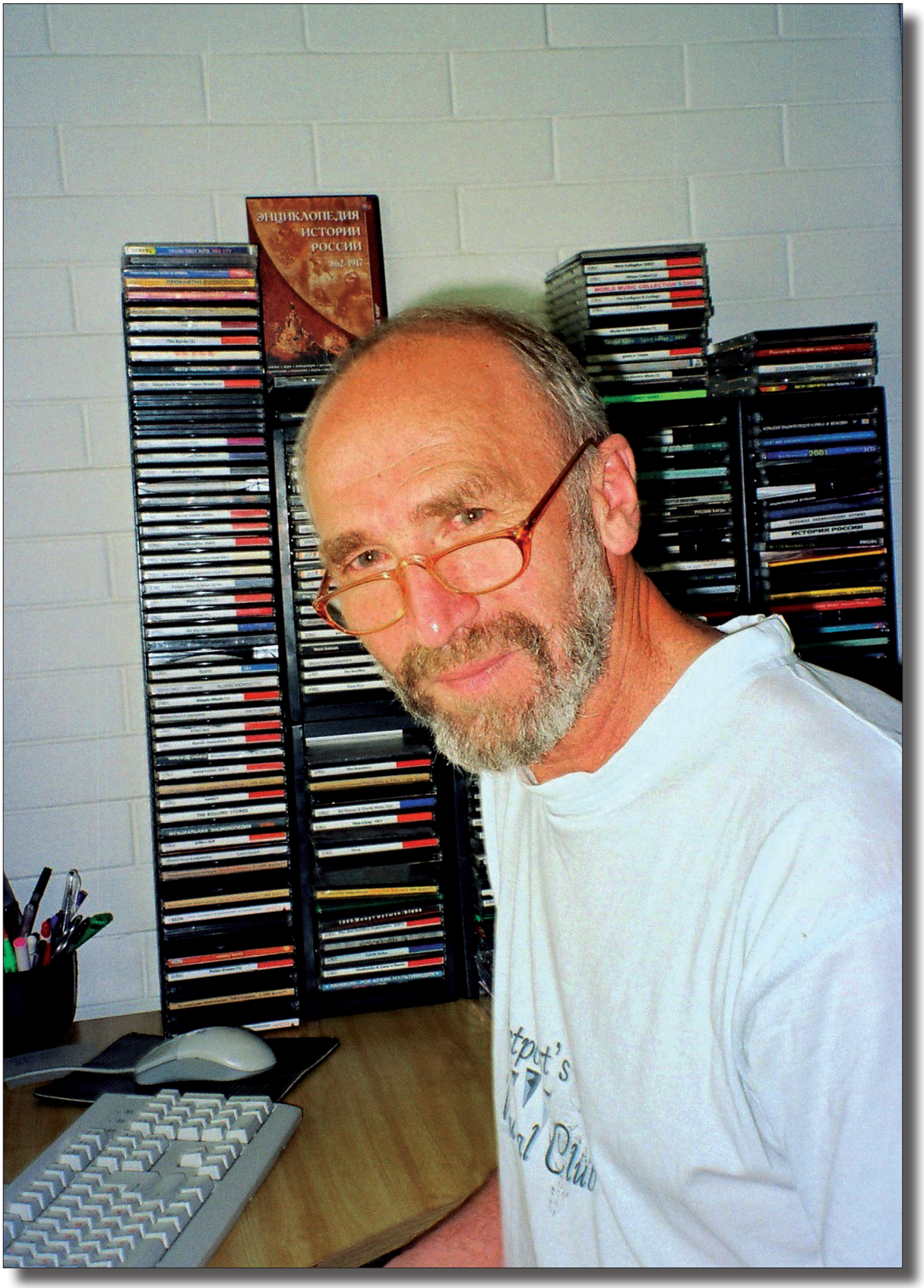

Рис. 100. Археолог В.П. Костюков

Рис. 101. Археолог И.П. Алаева со студентами-археологами ЧГПУ

Сотрудники археологической лаборатории ЧГПИ/ЧГПУ давно и тесно сотрудничают с отечественными и зарубежными научными центрами. Иначе и невозможно, поскольку современная археология – наука коллективная, а сегодня без опоры на методы естественных наук и немыслимая. Так что, с одной стороны, это научные связи ЛАИ ЧГПУ с коллегами-археологами (Институт археологии РАН, Институт истории материальной культуры РАН, Институт истории и археологии УрО РАН, Институт проблем освоения Севера – ИПОС – Сибирского отделения РАН, вузы Урала, Поволжья, Сибири). С другой стороны, это связи с учеными Института экологии растений и животных РАН, лабораторией естественнонаучных методов Института археологии РАН, т.е. с геологами, физиками, химиками, специалистами по дешифрированию аэрофотоснимков, палеоантропологами и многими другими. Лишь такой комплексный подход к анализу археологических источников позволяет увеличить объем получаемой информации.

Лаборатория археологических исследований ЧГПУ активно сотрудничает с зарубежными коллегами и научными центрами с 1990 гг. (Центр американской археологии в г. Кэмпсвилл, Иллинойс, США). В 1990-х гг. ЛАИ ЧГПУ установила отношения сотрудничества с ученым из Хартвикского колледжа (США) Д. Энтони. Результатом этих отношений стали публикации, в том числе и совместные, в научных журналах США и Европы.

Ученые лаборатории ЧГПУ имеют контакты, а иногда и совместные проекты, с коллегами, из США, Великобритании, Германии, Словении, Сербии, КНР, Республики Корея и Японии. Коллеги из стран ближнего зарубежья (Республика

Рис. 102. Руководители международной археологической экспедиции профессора Б. Хэнкс и Р. Дунан

Казахстан, Украина) — частые гости и участники совместных научных проектов. Так, в частности, в 2009 г. был запущен проект международного сотрудничества лаборатории археологических исследований ЧГПУ с археологами из США (проф. Б. Хэнкс), Великобритании (проф. Р. Дунан) по глубокому изучению с помощью современных, не разрушающих культурный слой методов, укрепленного поселения бронзового века Устье I, раскопанного еще в 1980-е годы Н.Б. Виноградовым (рис. 102). Студенты нашего факультета воочию могли наблюдать современную археологию и ее методы исследования с использованием новейших приборов (магнитометр, георадар и рентгенофлюорисцентный анализатор) в ходе изучения памятника. Результаты совместных исследований опубликованы в коллективной монографии «Древнее Устье».

Прикладное «крыло» работы Научной лаборатории археологических исследований и школьного археологического краеведения ЧГПУ всегда было равнозначным строгой науке. Около 20 лет в составе ИДТПП ЧГПУ, на организационно-педагогическом отделении, существует специальность «археология». Занятия ведутся в аудиториях лаборатории археологических исследований ЧГПУ. Причем, обучаются здесь студенты не только исторического факультета, но и любого другого факультета нашего университета. Программа обучения включает в себя как солидный объем теоретических, методических знаний, так и весомый практический блок. Двухгодичное обучение предоставляет возможность получить фундаментальную подготовку по дополнительной педагогической профессии и сертификат руководителя археологического объединения школьников. Подобное дополни-

тельное образование — безусловный плюс для становления учителя как личности. Плюс, позволяющий практически с первого дня работы в школе демонстрировать учительскую состоятельность и креативность. В первые десятилетия истории лаборатории практическое сотрудничество с практической работой школ Южного Зауралья проходило в профильных летних экспедициях юных археологов, на семинарах для руководителей школьных археологических кружков, заседаниях археологической секции, на конференциях Научного общества учащихся (рис. 103–105).

В 1991 г. был запущен проект «Летняя полевая эколого-гуманитарная школа для подростков». В полевой эколого-гуманитарной школе одни и те же ребята занимаются не по одному профилю — «история», а со специалистами из различных областей знания: биологии, географии и др. Школьники живут в палаточном лагере, изучая по оригинальной программе историю, этнографию, географию родного края.

В наши дни школьники из археологических кружков НОУ также активно привлекаются к полевым археологическим исследованиям через полевые лагеря и детские экспедиции «Юный археолог». Там ежегодно проходят педагогическую практику студенты исторического факультета, занимающиеся в лаборатории археологических исследований. С помощью полученных на занятиях в лаборатории знаний, они организуют познавательную деятельность и досуг школьников в контексте археологической науки. Многие дети возвращаются в лагерь «Юный археолог» и на следующее лето.

Несколько лет назад на базе ЧГПУ был запущен проект «Образовательный туризм» по оказанию образовательных услуг школам города Челябинска и Челябин-

Рис. 103. Один из первых кружков юных археологов в ЧГПИ. Начало 1970-х гг.

Рис. 104. Палаточный лагерь юных археологов на реке Карагайлы-Аят

Рис. 105. В столовой детской археологической экспедиции

Рис. 106. Учебный школьный музей при археологической лаборатории ЧГПИ. Одна из скульптурных групп

ской области. Студенты-археологи в качестве экскурсоводов едут с детьми к памятникам древней истории Южного Зауралья, например, к известным Баландинским городищам раннего железного века, что на р. Миасс у пос. Солнечный. Здесь в игровой форме дети получают яркие представления об особенностях исторического развития родного края в древности.

В течение 16 лет при лаборатории функционировал уникальный учебный школьный археологический музей, рассчитанный на детей от 8 до 12 лет. Музей стал методическим полигоном и экспериментальной площадкой для студентов-археологов ЧГПИ (рис. 106). В настоящее время музей трансформирован в Учебный школьный центр древних технологий ЛАИ ЧГПУ (рис. 107). Центр включает в себя несколько площадок для практических занятий по технологиям различных эпох древней истории. С одной стороны, на площадке каменного века школьники пытаются изготовить каменные орудия каменного века (7–11 классы). В гончарной мастерской можно создать по древней технологии глиняный горшок (4–11 классы), попробовать себя в роли археолога, проводя исследования на «мини-раскопе». Все это активизирует познавательную деятельность школьников. С другой стороны, в Центре древних технологий студенты-археологи могут попробовать себя в роли учителя – экскурсовода. У студента-экскурсовода появляется возможность разработки новых экскурсий, используя различные методы и приемы обучения.

Одна из основных целей работы лаборатории ЧГПУ – формирование для Южного Зауралья страты квалифицированных, креативных учителей истории как личностей, способных ярко и доступно обсуждать и изучать с детьми различные аспек-

Рис. 107. На занятии в учебном школьном центре древних технологий при археологической лаборатории ЧГПУ

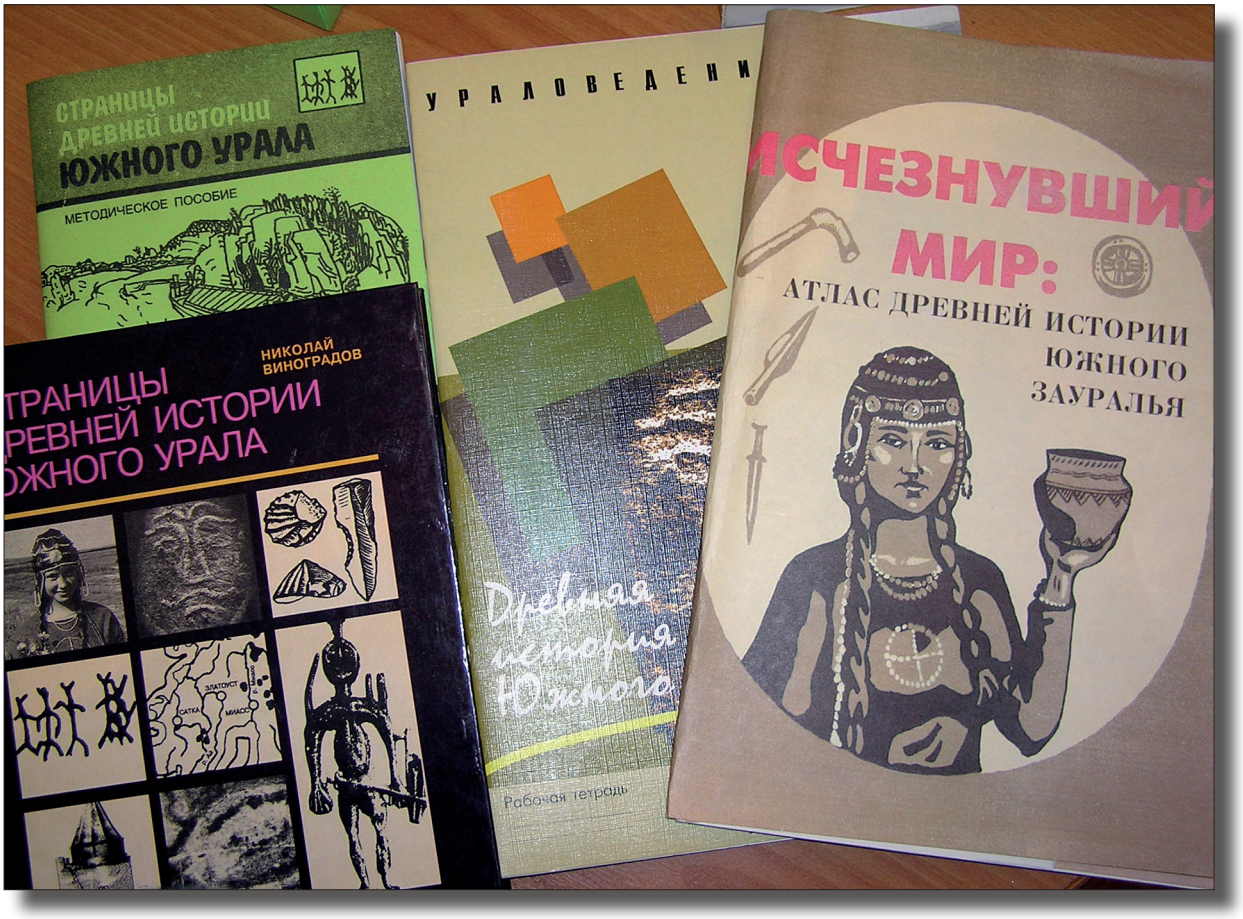

Рис. 108. Учебно-методическмий комплект «Страницы древней истории Южного Урала»

ты древней и средневековой истории края. Гордость лаборатории – заслуженный учитель школ России С.В. Марков, заведующая детским отделом областного краеведческого музея И.Ю. Банникова, директор ДЮЦа Ленинского района Л.В. Туфленков, учитель истории с. Остроленка Нагайбакского района В.Г. Леонтьева и многие другие.

Результаты работы лаборатории – это также и серия научных монографий и статей, разнообразные учебники и учебные пособия для учащихся основной школы, методические продукты для руководителей детских археологических объединений (рис. 108). В частности, это научное непериодическое издание «Проблемы археологического изучения Южного Урала», методическая серия «Педагогическая археология».

Выводы по разделу.

• Этап изучения древней и средневековой истории Южного Урала и Зауралья с XVIII в. по 20–30 гг. XX в. можно с полным основанием назвать краеведческим, периодом накопления фактов. Состав исследователей в этот период – самый различный – от мелких чиновников, священнослужителей до ученых различного уровня. Всех их роднит методический уровень исследований, отражавший уровень развития археологической науки в стране в целом.

Если ученые путешественники XVIII в., как правило, лишь упоминали встречавшиеся древние курганы и городища, то в XIX в. в описаниях археологических памятников появляются и абсолютные величины: расстояния от населенных пунктов,

ориентировка по сторонам света, размеры и т.п.). В XIX в. появляются и первые планы-схемы археологических памятников (например, у А.Н. Зырянова в 1860-х гг.). Наибольшим профессионализмом в современном его понимании отличались описания памятников и их планы, выполненные В.Я. Толмачевым и Ю.П. Аргентовским.

В поле зрения ученых путешественников и археологов-любителей тогда попадали лишь легко вычленяемые из ландшафта типы археологических памятников – городища, курганы, валы. Лишь с рубежа XIX – XX вв. фиксируются первые стоянки каменного века. Территория Южного Урала и Зауралья была к тому времени изучена крайне неравномерно.

Другой характерной чертой того периода является почти полное отсутствие попыток анализа полученных материалов, их обобщения. Но она отражает общий уровень развития археологической науки в России того времени.

В этот период мы наблюдаем уже единичные попытки соотнесения южноуральских материалов с археологическими памятниками других территорий (например, Поволжья в случае с керамикой Бакланского могильника бронзового века).

Значительные по объему коллекции, полученные из археологических памятников в то время, в большинстве утрачены, а сами памятники так и не введены в научный оборот.

Наиболее значительным результатом является появление первых сводов и карт археологических памятников, становление системы музеев, где аккумулировались археологические материалы, что, несомненно, способствовало их сохранности для поколений будущих исследователей.

В этот же период фиксируем первые попытки обобщения археологических материалов и создания общих представлений об эпохах древней истории Урала в целом (М.В. Малахов), культурных связях древних обитателей региона (С.Н. Дурылин, В.Я. Толмачев).

Методика сбора данных с помощью разнообразных информаторов, отсутствие (за исключением В.Я. Толмачева) картографического сопровождения этих сводок и прочие, зачастую объективные недостатки, затрудняют использование материалов этих памятников, заставляют быть осторожными с использованием абсолютных размеров.

С 1930-х гг. по первую половину 1960-х гг. основным центром координации археологического изучения края в Челябинске стал Челябинский областной краеведческий музей (И.Г. Горохов) (Южно-Уральская археологическая экспедиция под руководством К.В. Сальникова).

Участие в археологическом изучении Южного Урала в этот период ученых из Института археологии АН СССР и ЛОИА АН СССР привело к тому, что значительная часть археологических коллекций, полученных из раскопок памятников на территории области в эти годы, отложилась в хранилищах научных центров Москвы, Ленинграда.

• С 1976 г. в истории археологического изучения территории Южного Зауралья начинается новый этап. Его начало характеризует создание Урало-Казахстанской археологической экспедиции, объединившей на начальном этапе (до начала 1980-х годов) все археологические центры территории: ЧелГУ, ЧГПИ, Челябинский областной краеведческий музей, Дворцы и Дома пионеров и школьников.

В 1980–1990-е гг. резко увеличивается количество археологических центров в Челябинске. Их основание связано с именами учеников Г.Б. Здановича. Помимо археологической лаборатории ЧелГУ оформляются: Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Археологический научный центр, археологическая лаборатория ЧГПИ/ЧГПУ, археологический центр в ЮУрГУ, Центр «Аркаим».

Резко увеличивается количество дипломированных профильных специалистов.

Резко возрастают объемы выполнения археологических исследований. Особенно следует отметить большой объем археологических работ, связанных с изучением культурного слоя г. Челябинска XVIII – начала XX вв.

Резко увеличилась публикационная деятельность.

Осталась проблема крайней неравномерности археологического изучения территории Южного Зауралья, отдельных эпох ее древней и средневековой истории.

Литература

Бирюков В.П. Автор «Древностей Восточного Урала» // Записки уральского краеведа. – Челябинск: ЮУКИ, 1963.– С. 107–111.

Боже В.С. Краеведы и краеведческие организации Челябинска (до 1941 г.): справочное пособие. Челябинск: Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, 1995.– 192 с.

Дурылин С.Н. Николай Кириллович Минко (краткая биография) // Сборник материалов по изучению Челябинского округа. Кн. 1. – Челябинск: Музей Общества по изучению местного края, 1927. – С. 53–55.

Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. – Т. 6. – СПб., 1824.

Игнатьев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / отв. ред. В.А. Лабузов; сост. М.И. Роднов. – Т. I: 1859–1866 годы. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. – 230 с.

Кузьмина В.С. Сергей Николаевич Дурылин (краткий очерк научной деятельности) // Сообщения Института истории искусств. – Вып. 6 (Театр). – М.: Искусство, 1955.– С. 105–109.

Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. – Ч. 2. – СПб., 1802.

Мильков Ф.Н. Петр Иванович Рычков. – М.: Географиздат, 1953.

Обыденнов М.Ф. Первооткрыватель уральских древностей // Рифей. Уральский краеведческий сборник. – Челябинск: ЮУКИ, 1989.– С. 169–177.

Обыденнов М.Ф. История археологического изучения Урала XVIII – начала XX в. – Уфа, 1994.– 80 с.

Обыденнов М.Ф. У истоков уральских народов. Экономика, культура, искусство, этногенез. – Уфа, 1997. – С. 3–43.

Обыденнов М.Ф., Тувалбаева А.Р. История изучения бронзового века на Урале (1920-х – сер.1960-х гг.). – Уфа, 1998. – 78 с.

Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. – Ч. 1. СПб., 1809.

Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1897.

Сидоренко С.А. Из истории отечественной науки. Первый член-корреспондент Российской академии наук // Сборник статей по краеведению и исторической географии. – Челябинск: ЮУКИ, 1963. – С. 19–28.

Шмаков А. Уральский краевед. – Челябинск: ЮУКИ, 1963. – 42 с.

Вопросы

1. Кто первым описал средневековые мавзолеи на территории современной Челябинской области?
2. Назовите имена ученых путешественников XVIII в., открывших ряд памятников археологии на Южном Урале.
3. Кто из археологов-краеведов второй половины XIX – начала XX в. был связан Уральским обществом любителей естествознания?
4. Кого из археологов можно назвать «отцом» археологии Южного Урала?
5. Когда была основана археологическая лаборатория в ЧГПИ?

ГЛАВА 6. ЛЮДИ ОБЖИВАЮТ ЮЖНЫЙ УРАЛ. ПАЛЕОЛИТ

Случалось ли вам быть первооткрывателями? То есть первыми открыть неведомые земли, первыми из живущих ныне людей покорить горную вершину или мрак неизвестной пещеры? Если нет, то все еще впереди. Только не говорите, что всё уже открыто до нас. Тайн и не открытых земель хватит еще надолго. Просто представьте, что вы первые, то есть пионеры. Какие чувства должен переживать при этом человек? Видимо, так было и с первыми людьми, пришедшими к горам Южного Урала бесконечно давно от наших дней. Ученые расходятся во мнении, когда это произошло. Разница достигает... сотни тысяч лет! Может быть, дело в несовершенстве археологии – науки о древностях? И в этом тоже, но есть и другие веские причины.

Начало истории людей на Южном Урале, по данным ученых, отстоит от наших дней, по меньшей мере, на 300 тыс. лет назад. Самая древняя ее страница – «каменный век». Это – самая протяженная по времени часть древней истории в сравнении с прочими, поскольку она закончилась лишь на рубеже IV–III тыс. до н.э.). Именно тогда было сделано множество открытий и изобретений, которыми мы пользуемся и по сей день. Именно в те далекие времена определились направления развития жизни современных южноуральцев.

«Каменный век» обычно подразделяется на «*древний каменный век»* (*палеолит), «средний каменный век» (мезолит)* и *«новый каменный век» (неолит).* Не будем отступать от этой периодизации и мы.

На протяжении последних 700 тыс. лет в северном полушарии длительные ледниковые эпохи сменялись более теплыми межледниковыми эпохами. Ученые предполагают, что первые люди приходили на Урал с юга – из района Средней Азии и с юго-запада – из района Кавказа, двигаясь вдоль берегов реки Урал. Заселение Южного Урала было достаточно долгим, порой прерывавшимся процессом и в значительной степени было связано с изменениями в природе.

Около 80 тысяч лет назад началось последнее оледенение, которое продолжалось, то усиливаясь, то ослабевая, до времени 12–10 тыс. лет от наших дней. И, хотя льды не спускались южнее Северного Урала, весь Урал в целом и Южный Урал в частности, был частью огромной приледниковой зоны.

Господствовали открытые пространства. Ученые отмечают, что в это время природные зоны причудливо переплетались. Холодные степи продвигались далеко к северу, а тундры – к югу. Изучив пыльцу растений из почвы того времени ученые сделали вывод о том, что в некоторых районах Урала тогда произрастали кроме карликовой березы, полярной ивы, – тундровых растений, в других – ель, сосна, лиственница. Из животных водились такие, как дикие лошади, северные олени, мамонты, шерстистые носороги, бурые медведи, волки, лисицы, песцы, зайцы, а также пещерный медведь, пещерная гиена и пещерный лев. Специалисты с удивлением приводят этот список, потому что в более поздние времена эти животные никогда не обитали в пределах одной природной зоны.

Короткое прохладное лето, затяжная суровая и малоснежная зима — так характеризуют специалисты климат того далекого времени.

Уже в палеолите люди жили родовыми общинами, то есть группами близких родственников. Это была единственная возможность для выживания в тех суровых природных условиях. Управляли действиями общины старейшины. Соседние общины поддерживали разнообразные отношения (браки, обмен каменным сырьем, совместные действия против врагов, охотничьи экспедиции). Постепенно формировались единые традиции, обычаи, язык, рождалось осознание единства и общности людьми на обширных территориях.

Более или менее современный облик природа и климат приобрели лишь после окончания последнего оледенения — около 10 тыс. лет назад.

Следы палеолита в крае. Поиски следов древнейших обитателей Южного Урала сопряжены с большими сложностями. Ученые полагают, что первые люди заселяли Южный Урал в более теплые фазы природно-климатических циклов. Впервые это случилось в конце раннего палеолита. Древнейший памятник истории людей на Южном Урале — стоянка Краснокаменка на реке Увельке в Уйском районе. Археолог Вадим Сергеевич Мосин среди прочего обнаружил здесь в культурном слое каменное орудие — бифас — древностью около 300 тыс. лет! К концу раннего палеолита отнесены им и каменные орудия, извлеченные Геральдом Николаевичем Матюшиным и Отто Николаевичем Бадером из культурного слоя стоянки, которую археологи Г.Н. Матюшин и О.Н. Бадер изучили в сорока километрах западнее современного города Магнитогорска, на берегу озера Карабалыкты (Линевое — *башк.*). Они назвали ее «стоянка Мысовая». Люди жили здесь много раз и более поздние обитатели этих мест неоднократно разрушали остатки жизни более ранних предшественников, перемешивая разновременные вещи. Но археологам хорошо известно, какими орудиями пользовались древнейшие на Южном Урале люди. Им удалось выделить из большой коллекции около пятидесяти предметов, принадлежавших древнейшим уральцам. И снова это были уже известные нам остроконечники, скребла, рубила (рис. 109).

Порой слои с остатками жизни палеолитических людей оказываются перекрытыми многометровой толщей речных наносов или оползней. Однако можно смело утверждать, что население нашего края в пору начального его освоения было очень немногочисленным.

Вот один из примеров. В излучине реки Урал у села Богдановское, что в Кизильском районе нашей области, скалистый левый берег обрывается глинистой осыпью к реке. Археолог Владимир Николаевич Широков, проводя поиск мест, где жили древние люди, увидел в обрыве берега, под семиметровым (!) слоем осыпавшегося грунта, торчащие из земли кости животных, живших на Южном Урале десятки тысяч лет назад: мамонтов, шерстистых носорогов, бизонов, северного и благородного оленя и других. Раскопки выяснили, что здесь находятся остатки стоянки древнейших южноуральцев. В одном слое с костями животных находились и каменные орудия: остроконечники, скребла. По тому, как оказались распределены по раскопанной части стоянки мелкие кусочки камня — отходы производства каменных орудий, археологи определили, что здесь работали два мастера, изготовлявшие эти орудия. Если бы река не размыла во время весеннего половодья обрыв, мы никогда бы не узнали, что под толщей осыпи скрывается один из эпизодов начального периода истории людей на Южном Урале.

Время стоянки Богдановка (так ее условно назвали археологи) отделено от нас примерно восьмидесятью тысячами лет. Примерно в это время в северном полушарии началось очередное оледенение. Климат стал прохладен настолько, что в се-

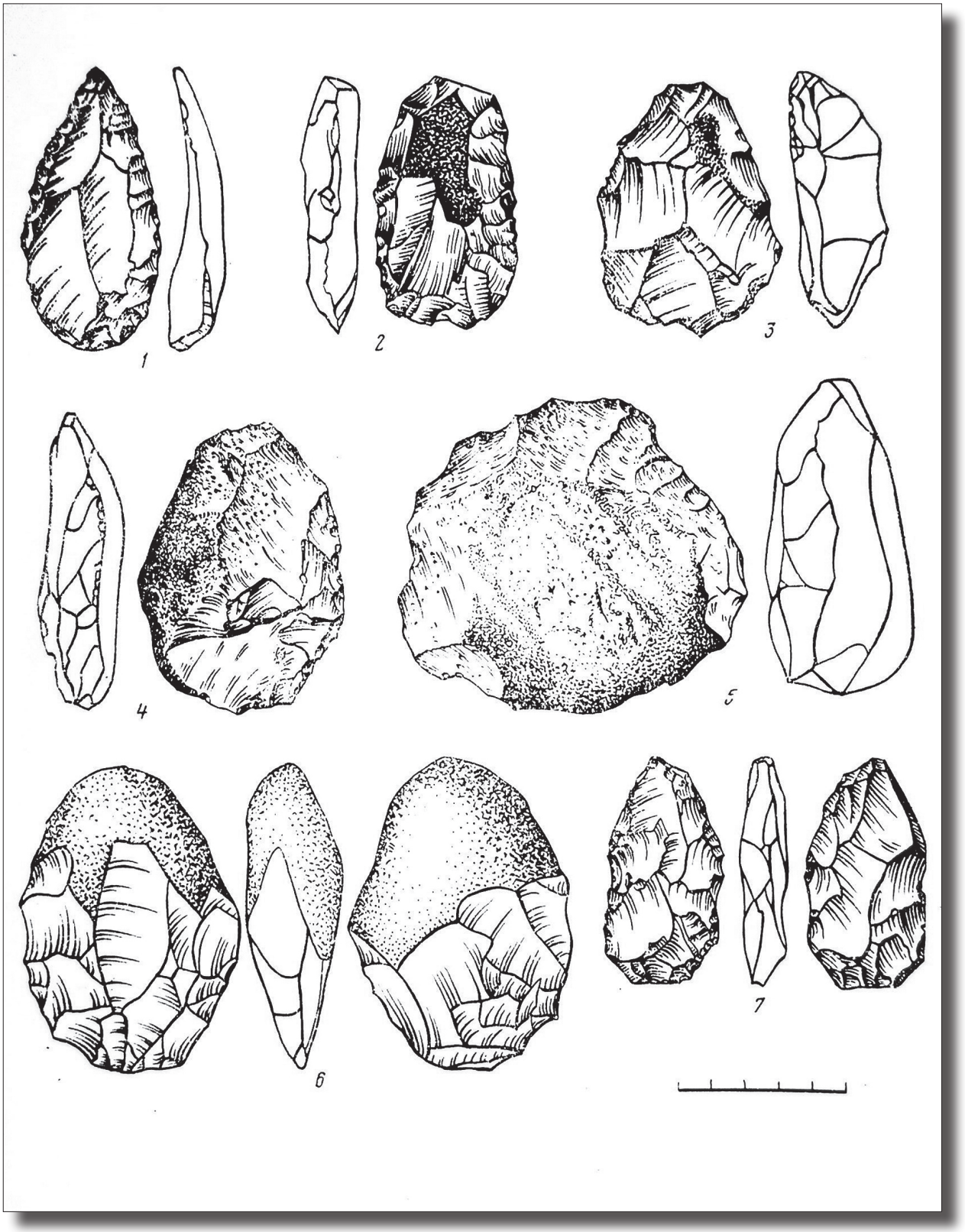

Рис. 109. Каменные палеолитические орудия из раскопок стоянки Мысовая (средний палеолит)

верных широтах выпавшие снега не успевали растаять и намерзали новым слоем на выпавший в прошлом году снег. Так продолжалось... десятки тысяч лет. В результате образовались громадные ледниковые щиты, толща которых достигала нескольких километров. Но наши места ледник не затронул, остановившись далеко на севере Урала. Южнее расстилались холодные тундро-степи с характерной растительностью и необычным составом животного мира. Оледенение это закончилось лишь чуть более 10 тыс. лет назад.

Люди, оставившие стоянку Богдановка, не жили подолгу на одном месте, передвигаясь за животными, на которых сообща охотились. Поэтому здесь нет остатков утепленных жилищ, где община жила бы круглый год, а слой с находками тонок. Стоянок, подобных Богдановке, на Южном Урале до обидного мало. В некоторых случаях археологам доставались лишь отдельные предметы той далекой эпохи, вымытые водой из земли, переотложенные или со следами вторичного использования. Так произошло, например, на реке Камысты-Аят у села Княженское на севере Брединского района, где студенты-археологи из Челябинского государственного педагогического института, проводившие археологическую разведку, подняли со дна оврага несколько каменных орудий, вымытых их почвы паводковыми водами и принадлежавших, возможно, одним из первых обитателей наших мест (рис. 110–113).

Рис. 110. Дисковидный нуклеус. Случайная находка у пос. Книяженский. Средний палеолит

Рис. 111. Остроконечник из окрестностей пос. Княжеский (средний палеолит)

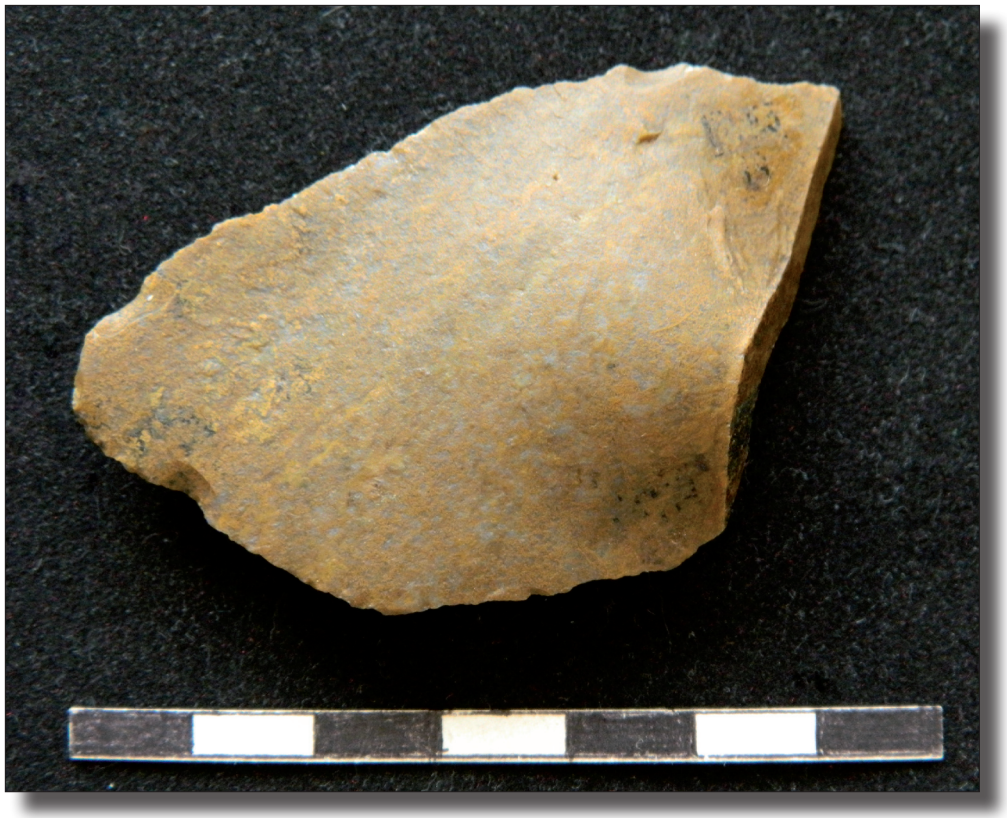

Рис. 112. Остроконечник из окрестностей пос. Княженский. Средний палеолит. (оборотная сторона)

Рис. 113. Рабочая поверхность остроконечника из окрестностей пос. Княженский. Средний палеолит

Большинство позднепалеолитических местонахождений на Южном Урале понято археологами как остатки кратковременных остановок групп палеолитических охотников. На Южном Урале они открыты в пещерах на реке Юрюзань (Ключевая, Барановская, Идрисовская). На реке Белой в Башкирии – в пещерах Кульюрт-Тамак, Байсланташ. Позднепалеолитические материалы получены и в ходе исследования местонахождения у с. Устиново в верхнем течении реки Миасс и в ряде других мест Южного Урала. «Добыча» археологов в этих случаях скудна: остатки кострищ, немногочисленные каменные изделия, под мощной (до 2 м) толщей более поздних культурных отложений и обломков свода входного грота.

Почти у самого города Магнитогорска археологи Константин Владимирович Сальников и Отто Николаевич Бадер на берегу реки Малый Кизил, раскапывая площадку перед входом в маленькую пещеру у поселка Смеловского, наткнулись на следы пребывания и здесь людей древнего каменного века. Современные археологи относят это местонахождение к началу позднего палеолита.

Самые известные свидетели древнейшего этапа истории Южного Урала это, конечно, пещеры – святилища с рисунками палеолитических людей, но с ними мы более подробно познакомимся чуть позднее.

В позднем палеолите (40–10 тыс. лет назад) люди обжили почти весь Урал.

Хозяйственная жизнь древнейших южноуральцев. Палеолитических южноуральцев кормила, одевала и обогревала охота. Лучше представлены остатки охотничьей жизни уральцев времени позднего палеолита. Выяснено, что на восточных склонах

Южного Урала тогда люди преимущественно охотились на лошадей и северных оленей. Считается, что охота была загонной. Найдены и места охоты. Одно из них, на р. Багаряк, на границе Среднего и Южного Зауралья, так описывают археолог Валерий Трофимович Петрин и археозоолог Николай Георгиевич Смирнов: «Грандиозная, отвесно обрывающаяся к реке гряда скал... служила удобным местом, куда загоняли стада лошадей и северных оленей древние охотники... и добыче оставался только один путь – в обрыв» (рис. 114). Предположение ученых подтвердила находка рядом с описанными скалами маленькой пещерки – грота, раскопки в котором дали множество костей именно этих животных.

Загонная охота в палеолите Южного Урала была основой хозяйственной жизни. Она же определила подвижный, почти кочевой образ жизни, когда люди следовали вслед за передвигающимися по определенной территории животными.

Некоторые памятники позднего палеолита Южного Урала и Зауралья поняты учеными как места разделки туш погибших или убитых на охоте животных. В Зауралье – это стоянка в Варгашинском районе Курганской области, у д. Шикаевка (рис. 115). В Южном Зауралье – стоянка у г. Троицка на берегу р. Уй при впадении в нее реки Санарка, связанная со временем близкого окончания ледниковой эпохи (около 16 тыс. лет назад). Она расположена на территории бывшего совхоза «Плодопитомник», на высоком левом берегу р. Уй. Стоянка исследована археологом Владимиром Николаевичем Широковым и археозоологом Павлом Андреевичем Косинцевым в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Но обнаружил ее... тракторист местного те-

Рис. 114. Загонная охота на диких лошадей на Южном Урале в позднем палеолите. Картина художника Ю. Шмелева

пличного хозяйства, которому поручили вырыть яму для устройства зерносушилки. Ковш экскаватора зацепил кости диковинных животных. Их было много. Сельские жители хорошо знают, как выглядят кости домашних животных. Выкопанные кости были совсем не похожи на них. О находке узнали ученые из ветеринарного института, что в Троицке. Один из них – зоолог Александр Николаевич Малявкин, вместе со студентами выехал на место находки и определил, что это кости древних животных ледниковой эпохи: мамонтов и дикой уральской лошади (была и такая). Кости собрали и перевезли в Троицк, где они и хранились. Археологи так и не узнали бы об этой находке, если бы зоолог А.Н. Малявкин не известил археолога Н.Б. Виноградова о том, что на окончании одной из найденных костей ноги дикой лошади есть аккуратное сквозное отверстие (рис. 116). При этом он предположил, что кости эти могут быть связаны с древнейшими обитателями этих мест.

Археологи из Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук подтвердили догадку, раскопав здесь остатки стоянки людей конца древнего каменного века (палеолита), скрытые почти метровым слоем почвы: кости четырех мамонтов и каменные орудия. Причем, ученые считают, что здесь находились целые туши животных, а не отдельные кости. Из почти двухсот каменных предметов более половины были изготовлены... из горного хрусталя! Ученые пришли к выводу, что найденные на Троицкой I стоянке мамонты погибли, скорее всего, утонули во время паводка. Троицкая I была кратковременным охотничьим лагерем. Люди нашли туши погибших животных и жили рядом, разделывая, питаясь мясом и обогреваясь кострами, топливом для которых служили кости все тех же животных.

**Рис. 115. Стоянка Шикаевка II. Поздний палеолит.
Варгашинский район Курганской области. Рабочий момент раскопок**

Рис. 116. Стоянка Троицкая I. Кость лошади с отверстием. Поздний палеолит

Люди открыли для себя долины горных рек Южного Урала еще в древнем каменном веке (палеолите). Долины рек служили им как бы «дорогами», по которым они заселяли неведомые ранее земли. Следы их пребывания здесь известны ученым, прежде всего, в многочисленных пещерах, промытых подземными водами в толще южноуральских гор. Не в глубине их (темнота пещер казалась враждебной), а под сводами входных гротов люди находили укрытие от непогоды. Именно здесь они разводили свои костры, свет которых защищал от пугающей темноты ночи и грозных соперников — диких зверей. Мы плохо знаем жизнь первооткрывателей горных долин нашего края вне пещер. Нет свидетельств. Зато сами пещеры скрывают разнообразные тайны, связанные с древнейшими южноуральцами.

Входы в некоторые пещеры Южного Урала еще в глубокой древности были погребены под обломками камней, упавших сверху, и люди после этого не могли в них попасть в течение последующих тысячелетий. А это значит, что следы древней жизни в них не были позднее потревожены никем. Иногда подобные пещеры открываются нашим современникам. Так случилось около ста лет назад, когда в ходе ремонтных работ на железной дороге у города Усть-Катав, на реке Юрюзань (найди на карте), после взрыва скалы обнажился вход в неизвестную ранее пещеру. Когда люди проникли в нее, то поняли, что здесь давно никто не был. Из глинистого пола торчали кости диковинных древних животных. Вызванный из Москвы, из Государственного Исторического музея, археолог Сергей Николаевич Бибиков определил, что в этой пещере нет следов пребывания древних людей. Зато он нашел остатки их жизни (угли от костров и небольшое количество каменных предметов), погребенные под двухметровым слоем обломков камней, во входных гротах нескольких соседних пещер (в Бурановской, Ключевской). В прошедшем столетии пещеры неоднократно радовали археологов, изучающих начало истории людей в горах Южного Урала. Назовем, например, пещеры на реке Ай у небольшого поселка Сикияз-Тамак, что в современном Саткинском районе. Пещеры здесь были известны давно, но их археологическое изучение было начато археологом Владимиром Ивановичем Юриным сравнительно недавно. Прежде всего, он установил, что пещер здесь гораздо больше, чем считали ранее. Затем внимательно обследовал их. Выяснилось, что пещеры полны свидетельствами пребывания в них людей в различные времена. Но самые первые люди пришли сюда еще в древнем каменном веке.

Древнейшие святилища. Южный Урал — единственный в Восточной Европе район, где известна пещерная позднепалеолитическая живопись в пещерах. Впервые на Урале она была открыта в Каповой (Шульган-таш) пещере на р. Белой, в Белорецком районе республики Башкортостан.

Капова пещера — памятник как древней истории, так и природы (рис. 117). Посетивший ее еще в XVIII в. и потрясенный ее красотой ученый путешественник Иван Иванович Лепехин посвятил ей немало строк в специальной статье, сравнивая волшебные картины подземного мира — сверкание при свете факелов сталактитов и сталагмитов, со средневековым театром. Отдельную статью Каповой пещере посвятил известный краевед XVIII в. Петр Иванович Рычков. И лишь в конце 1950-х гг. зоолог Александр Владимирович Рюмин открыл здесь рисунки палеолитических уральцев.

С 1960-го по 1978 г. в пещере работала экспедиция под руководством археолога Отто Николаевича Бадера. Трехкилометровая трехэтажная полость пещеры скрывала профильные изображения животных (мамонты, носороги, бизоны, лошади) и схематические знаки (рис. 118). Рисунки выполнялись не одновременно, в различных масштабах и не составляют единой композиции. Объем передавался путем неравномерного распределения краски в пределах силуэтов животных. Древним

Рис. 117. Пещера Шульган-таш (Капова). Вид на вход изнутри

Рис. 118. Пещера Шульган-таш (Капова). Настенные рисунки Поздний палеолит

художникам удалось удивительно реалистично передать видовые особенности животных, которые были для них частью окружающего мира и, одновременно, объектом охоты и поклонения. Помимо рисунков на первом этаже пещеры в 1983 г. обнаружены остатки культурного слоя этой эпохи с каменными предметами и кусочками охры.

О.Н. Бадер неоднократно высказывал мысль о том, что на Южном Урале возможно открытие целого района с пещерной позднепалеолитической живописью. И это предположение позднее подтвердилось. В 1980 г. рисунки, выполненные охрой и сажей, были обнаружены в Игнатиевской пещере. С незапамятных времен в глухих лесах южноуральских гор, в скалистом обрыве берега реки Гымыза (приток реки Сим), в Катав-Ивановском районе современной Челябинской области, башкирам была известна пещера, которую они называли Ямазы-таш (рис. 119). Позднее русские назвали ее Игнатиевской, по имени христианского отшельника старца Игнатия, жившего поблизости. Пещера эта двухэтажная, длиной около 600 метров. Она промыта в толще горы водой. Среди местных жителей упорно ходят легенды о подземных озерах и залах, некогда доступных для людей. За последние 250 лет пещеру осматривали многие известные русские путешественники и археологи. Они искали в пещере следы жизни древнейших обитателей Южного Урала. Но раскопки в пещере, у входа, обнаруживали лишь следы более поздних эпох: угли костров, кости животных, обломки глиняных сосудов и каменных орудий. Но и тогда вряд ли люди жили в пещере постоянно. Они лишь посещали пещеру, укрываясь в ней от непогоды или преследования.

Главную свою тайну пещера открыла только в 1980 г., когда в ней начала работу археологическая экспедиция, которой руководил археолог Валерий Трофимович Петрин (1943–2002). Сотрудник экспедиции, тогда еще студент, а ныне ученый Владимир Николаевич Широков первым из людей нашего времени увидел при обследовании стен пещеры на первом этаже древний рисунок – округлое пятно, ограниченное отрезками прямых линий. Рисунок был выполнен красновато-коричневой минеральной краской – охрой (рис. 120). Позднее выяснилось, что рисунки в Игнатиевской пещере выполнялись не только охрой, но и черной сажей. Вода, стекавшая по стенкам пещеры в течение тысячелетий, несла мельчайшие известковые частицы. Они оседали на стенах и покрывали их и древние рисунки полупрозрачной корочкой. Она надежно защищает изображения от разрушения и указывает на большую древность рисунков.

Археологи обнаружили на стенах первого и потолке второго этажей рисунки людей ледникового периода (примерно 15–13 тыс. лет назад). Охотники на диких лошадей, мамонтов, северных оленей рисовали здесь изображения столь привычных для их времени животных, а также условные знаки – символы («змея», «дротик», вертикальные линии) (рис. 121). Есть здесь также единственное изображение человеческой фигуры.

Зачем древним уральцам потребовалось рисовать в потаенных местах пещер, среди тишины и мрака? Что означают эти рисунки? Ученые считают рисунки людей ледникового периода в пещерах Южного Урала (Капова в Башкирии, Игнатиевская и Серпиевская II в Челябинской области) частью волшебных (магических) обрядов, связанных с охотой, добычей пищи и магией плодородия. Авторами рисунков, скорее всего, были шаманы (колдуны).

Мир людям ледникового времени виделся совсем другим, чем нам. Нам проникнуть в него очень сложно. Он был «населен» различными волшебствами, духами. Для нас пещера – полое пространство в горе, промытое водой. Для наших далеких земляков это был Вход в Мать-Землю.

Рис. 119. Пещера Ямазы-таш (Игнатиевская). Вход

Рис. 120. Пещера Ямазы-таш (Игнатиевская). Один из рисунков первого этажа. Поздний палеолит

Рис. 121. Пещера Ямазы-таш (Игнатиевская). Изображения животных на втором этаже пещеры. Поздний палеолит

Ученые считают, что община (или несколько общин) охотников ледникового периода проводили в Игнатиевской пещере и обряд «посвящения во взрослые люди», обычный для древних народов. Как он выглядел? Вряд ли мы когда-нибудь будем знать это в деталях. Обычно подобные обряды у древних народов включали суровые испытания; пройдя через них и одержав победу над собой, вчерашний мальчик становился полноправным взрослым, как бы рождался вновь и даже получал новое имя.

Давайте пофантазируем... В определенный день по достижении мальчиком определенного возраста старейшины отправляли его в пещеру-святилище, напутствуя: «Пройдешь ... шагов, поверни налево. Увидишь перед собой выступ скалы. Сколи с него кусок камня и возвращайся назад», — так примерно говорили они кандидату в воины. Это было страшное испытание. Один в кромешной тьме, окруженный «духами», в существование которых он свято верил, вчерашний ребенок отмерял положенные шаги и возвращался к старейшинам с требуемым куском камня. Теперь, когда он выдержал испытание, он мог продолжить полноправную жизнь в общине, но уже как взрослый охотник. Через 15 тыс. лет археологи нашли места этих сколов. Как и древние рисунки, сколы были покрыты полупрозрачной корочкой натеков кальцита, что подтверждало их древность. Отколотых кусков ученые, как ни пытались, в пещере не нашли... Да это и не удивительно.

В подземном зале пещеры Сквозной, в Сикияз-Тамаке, что в Саткинском районе, на р. Ай, археолог Владимир Иванович Юрин обнаружил череп пещерного медведя и предположил, что место находки — святилище уральцев ледникового периода. Здесь они поклонялись обожествленному могучему зверю. Похожее святилище было найдено и в пещере Заповедной, что в окрестностях водопада Атыш в Башкирии.

Выводы по периоду:

Палеолитический период в истории Южного Урала можно охарактеризовать как период:

• начального освоения человеком района Южного Урала, причем как с запада, с территории Европейской части современной России, так и с юга;

• необычный по природе и климату, обусловленными оледенениями;

• начала использования минеральных богатств региона, появления многоступенчатого обмена, в результате чего каменное сырье уже тогда могло распространяться на сотни километров от места его добычи;

• формирования особого бродячего образа охотничьей жизни небольших групп людей, не связанный со строительством долговременных поселений;

• оформления сложного мировоззрения древнейших обитателей Южного Урала, что доказывается разнообразными материальными остатками святилищ в пещерах.

Литература

Основная:

Сериков Ю.Б. Палеолит Среднего Зауралья: учебное пособие для студентов исторического факультета. — Н.-Тагил: НТГПИ, 1999. — 105 с.: ил.

Мосин В.С. Палеолит // Древняя история Южного Зауралья. — Челябинск: ЮУрГУ, 2000. — С. 22—52.

Мосин В.С. Древние охотники Урала (археология и жизнь). — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. — 511 с.

Широков В.Н., Петрин В.Т. Искусство ледникового века. Игнатиевская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале. — Екатеринбург: 2013. — 190 с.

Дополнительная:

Ляхницкий Ю.С. Сокровище палеолита. Рисунки и знаки пещеры Шульганташ. — Уфа: Китап, 2008. — 188 с.

Широков В.Н. Древнейшее искусство уральских пещер: пособие для учителя и учащихся. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1995.

Бадер О.Н. Капова пещера. Палеолитическая живопись. — М.: Искусство, 1965. — 48 с.: ил.

История башкирского народа: в 7 т. Т. 1. — М.: Наука, 2009. — 400 с.

Вопросы

1. Назовите самый древний памятник истории Южного Урала.
2. Какова хронология палеолитического периода на Южном Урале?
3. Какие типы памятников характерны для палеолитического периода на Южном Урале?
4. Какие типы палеолитических святилищ известны археологам на Южном Урале?
5. Как изменялись типы каменных орудий в течение палеолитического периода на Южном Урале?
6. Назовите имя первооткрывателя палеолита на Южном Урале.

ГЛАВА 7. МЕЗОЛИТ ЮЖНОГО УРАЛА

Природа в мезолите. Следующий за палеолитом период древней истории — мезолит, средний каменный век (VIII—VII тыс. до н.э.), начался с окончанием последнего оледенения примерно 10300 лет назад, когда на смену последнему в человеческой истории крупному оледенению в северном полушарии пришел более теплый климат. Из убежищ, где пережидали холод, «вышли» леса, «завоевали» просторы ранее холодной тундро-степи и Урал стал в основном лесной страной, как и сейчас. Постепенно природа Урала приобретала современный вид. Холоднолюбивые животные, например мамонты, вынуждены были отойти на север Урала и Сибири, другие вымерли или были истреблены. Самыми большими животными в лесах остались лоси, олени, медведи.

Мезолитические памятники. Мезолит стал первой эпохой, когда на Урале, в том числе и на юге его, появилось сравнительно многочисленное население. В отличие от палеолита, следы которого на Южном Урале довольно редки, мезолитическая эпоха известна лучше. Десятки стоянок этого времени известны в Южном Зауралье.

В нынешних южноуральских степях стоянки каменного века, в том числе и мезолитические, начали изучать не более полувека назад. Сейчас, благодаря археологам, они известны в степных районах Челябинской области: в Брединском районе по берегам реки Синтасты или Синташта (Могильная — *казах.*) у поселка Андреевского и у поселка Мирный, на реке Бирсуат (Единственный водопой — *казах.*), реке Камысты-Аят; в Карталинском районе — стоянки на реках Карагайлы-Аят, Сухая и других; в Варненском — на Верхнем, Среднем и Нижнем Тогузаке, Тееткане; в Верхнеуральском районе на реке Урал, озерах Большой и Малый Бугодак и, конечно, по берегам Карагайского озера. В Чесменском районе стоянки охотников рыболовов каменного века разбросаны по небольшим рекам, наподобие реки Черной. В Кизильском районе это стоянки на берегах реки Урал и его притоков, например, на реке Бахта; В Троицком — на реке Уй у сел Степное, Стрелецкое, Чернореченское, у поселка Березовского и во многих иных местах.

Так что, почти на любом озере и на берегах реки можно поднять с дороги каменную пластинку-вкладыш составного лезвия охотника мезолитического периода или изящный скребок, которым так удобно чистить пойманную рыбу — осколки давно ушедшей жизни. К сожалению, в большинстве своем остатки жизни древних обитателей Южного Урала сильно потревожены, особенно в ходе современного земледельческого освоения этих территорий.

Изменения в хозяйственной жизни. Люди быстро приспособились к изменившейся природе и климату. Мезолитические южноуральцы стали охотниками, рыболовами и собирателями. Для этого нашлись и возможности. Во-первых, благодаря мощному луку с каменными и костяными наконечниками стрел, разнообразным ловушкам они вполне успешно могли охотиться в одиночку или небольшими группами. Отпала необходимость жить вместе для успешной добычи продуктов при охоте загоном.

Рис. 122. Рыболовство в мезолите Южного Урала

Во-вторых, именно в это время началась история рыболовства в реках и озерах Южного Урала (рис. 122).

Жили люди относительно небольшими группами родственников. В пределах территории одной родовой общины (все пространства степей и лесов, реки и озера к этому времени были поделены между общинами) были как круглогодично обитаемые поселения (например, Янгелька под Магнитогорском) на проточных озерах, с основательными полуземляночными постройками, так и разбросанные вокруг них по охотничьим или рыбным местам сезонные стоянки — охотничьи или рыболовецкие лагеря.

Каждая из общин, по мнению специалистов, владела пространством в радиусе нескольких десятков километров от основной стоянки, расположенной, как правило, на реке или проточном озере. В пределах этого пространства, по окрестным рекам и озерам были разбросаны сезонные стоянки, где охотники-рыболовы этой родовой группы проводили какое-то время, добывая определенного зверя или рыбу. Так на Южном Урале утвердился способ жизни, который затем почти не изменялся вплоть до начала II тыс. до н.э., то есть до бронзового века.

По данным археолога Юрия Борисовича Серикова, мезолитические обитатели Зауралья охотились на самых разнообразных животных: лосей и северных оленей, медведя, волка, пушных зверей и водоплавающих птиц. Важно заметить, что уже в то время людям на охоте помогали собаки.

У населения разных районов Урала соотношение хозяйственных отраслей было различным. Особенно важно то, что впервые в истории Урала именно в мезолитическую эпоху люди стали широко использовать рыбные богатства уральских рек и озер. Найденные при раскопках каменные грузила для сетей (иногда даже завернутые в бересту), крупные костяные и роговые гарпунные остроги, каменные орудия, пригодные для изготовления лодок, говорят о бытовании различных способов ловли рыбы (на удочку, с помощью сетей, острог, с помощью лука и стрел и т.д.).

Изменения в жизни мезолитических обитателей Урала потребовали и изменений в ее обеспечении. Особенностью изготовления каменных орудий в мезолите Урала было то, что во всех районах Урала они изготавливались из миниатюрных каменных пластинок с параллельными краями (научное название — микролиты). Широко распространились изобретенные еще в позднем палеолите вкладышевые орудия с выполненными каменными пластинками составными лезвиями (рис. 123–124), лук со стрелами, а также орудия для обработки дерева, в том числе шлифованные топоры и тесла.

Рис. 123. Мезолитический наконечник стрелы с составным лезвием. Реконструкция И.В. Горащука

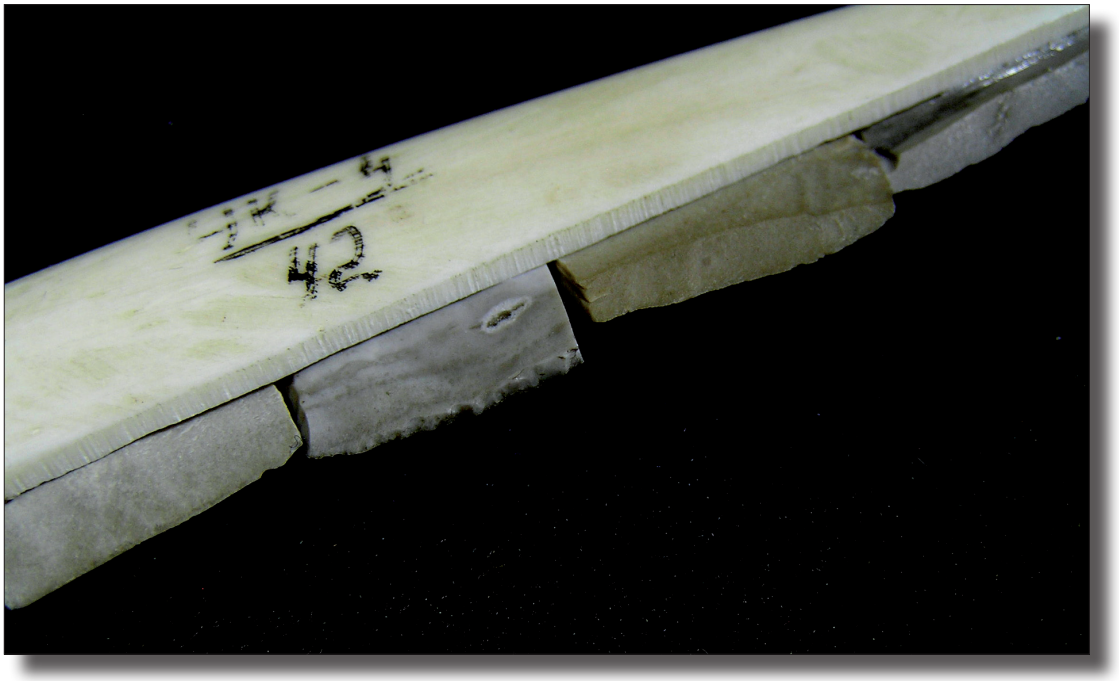

Рис. 124. Составное лезвие мезолитического наконечника стрелы. Реконструкция И.В. Горащука

Сокровища из торфяников. Настоящим сокровищем для археологов Урала стали так называемые торфяниковые стоянки на болотах, где слои с остатками жизни людей, в том числе и мезолитических, благодаря круговороту климатических изменений, оказались погребены под толщей торфа. Во влажной среде, без доступа воздуха, сохранились даже древние деревянные, костяные, роговые предметы, принадлежавшие древним уральцам. Подобное невозможно представить для обычных стоянок и погребений, где они, благодаря притоку воздуха, давным-давно истлели. Так наши современники узнали о том, что мезолитические уральцы уже в повседневной жизни пользовались такими изобретениями, как лыжи, легкие сани, управляли лодками с помощью весел, имели мощные деревянные луки, мастерили берестяные коробки-туеса и даже изображения почитаемых духов делали из дерева. В Свердловском областном краеведческом музее, в Государственном Историческом музее в Москве и в Эрмитаже в Петербурге в экспозициях вы найдете деревянные и костяные вещи из древних торфяниковых стоянок Урала. Теперь самое время назвать их: I Висский торфяник (Северное Приуралье), Шигирский торфяник под Екатеринбургом, Горбуновский, Кокшаровский торфяники у Нижнего Тагила и целый ряд других. Для нашего очерка очень важно мнение о том, что подобные торфяниковые памятники могут быть найдены и на Южном Урале.

Археологи полагают, что на Южном Урале уже в мезолитический период жили люди, принадлежавшие к нескольким археологическим культурам. Это янгельская культура в Южном Зауралье, романовско-ильмурзинская культура в Южном Приуралье. Каждая из этих культур своеобразна. Для каждой характерен особый набор типов орудий труда, сырья и т.д. Вместе с тем ученые подчеркивают и черты их взаимодействия. По одной из гипотез, в этот период население Южного Урала вновь пополнилось за счет переселившихся сюда групп людей из Прикаспия.

Мезолитические святилища. В мезолитическое время обитатели Южного Урала продолжали использовать в качестве святилищ пещеры в горах. Рисунки, выполненные охрой и отнесенные к мезолиту, известны в Идрисовой пещере на р. Юрюзань и в Мурадымовской пещере на реке Большой Ик в Башкирии. В отличие от палеолитических пещерных святилищ, рисунки в них изображают преимущественно людей. Вместе с тем именно тогда появляется новый тип святилищ, о чем свидетельствуют рисунки на прибрежных скалах у рек и озер.

Выводы по периоду:

• В это время население Южного Урала впервые живет практически в современных природных условиях. Их формирование было связано с концом ледниковой эпохи.

• В мезолите сложился образ жизни охотников-рыболовов, который предполагал жизнь небольших общин близких родственников как в круглогодично обитаемых поселениях, так и на сезонных стоянках.

• В мезолите Южного Урала сырье для изготовления каменных орудий могло посредством многоступенчатого обмена, распространяться на многие сотни километров от места добычи.

• Для всех районов Южного Урала в мезолите характерно использование в качестве заготовок для изготовления различных типов орудий небольших по размерам пластинок (микропластинок) с параллельными краями, сколотых с призматических нуклеусов.

• Археологам удалось выделить для различных районов Южного Урала несколько мезолитических культур, носители которых достаточно тесно общались друг с другом.

• Происхождение мезолитических культур исследователи связывают с местным палеолитом, не исключая и миграций из соседних районов.

• Свидетельства существования у мезолитических южноуральцев сложного духовного мира археологи видят в остатках разнообразных святилищ.

Литература

Основная:

Мосин В.С. Каменный век // Древняя история Южного Зауралья: в 2 т. — Челябинск: ЮУрГУ, 2000. — Т. 1. — С. 53 — 80.

Мосин В.С. Древние охотники Урала (археология и жизнь). — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. — 511 с.

Дополнительная:

Сериков Ю.Б. Первобытная техника, хозяйство и быт мезолитического населения Среднего Зауралья // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. — Екатеринбург, 1993.— С. 16—25.

Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. — Н.-Тагил, 2000. — 431 с.

Сериков Ю.Б. Камень Дыроватый — уникальное пещерное святилище на р. Чусовой (первые результаты исследований) // РА. 1997. — № 3. — С. 121—140.

История башкирского народа: в 7 т. Т. 1. — М.: Наука, 2009. — 400 с.

Вопросы

1. Кратко опишите изменения, происшедшие в природе в конце палеолитического периода.

2. В мезолитический период древней истории Южного Урала оформился новый, в сравнении с поздним палеолитом, образ жизни людей. Кратко охарактеризуйте его.

3. Попытайтесь объяснить причины образования т.н. «торфяниковых» памятников на Урале, в которых следы жизни древних людей оказывались погребенными под мощным слоем торфа.

4. Есть ли отличия каменных орудий мезолитического периода от палеолитических? Если есть, то в чем они?

5. Назовите имя первооткрывателя мезолита на Южном Урале.

ГЛАВА 8. НЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА

Каменный век Южного Урала завершает неолит — новый каменный век (VI–IV тыс. до н.э.). Около 7500 лет назад климат вновь изменился. Он стал очень теплым и влажным. Ученые называют этот период в истории климата атлантическим. Широколиственные леса проникли на восточные склоны гор Южного Урала, как полагают ученые, километров на 150–200 восточнее, чем сейчас. О климатических изменениях «рассказали» результаты анализа остатков растений той эпохи. Представьте, широколиственные леса в то время росли в окрестностях г. Нижний Тагил!

На юге Урала именно в новом каменном веке появляется, наряду с охотой и рыболовством, древнейшее скотоводство (с этим тезисом не все археологи согласны).

Именно к неолиту ученые относят разделение бытовавшего у различных народов Урала прежде единого языка — далекого предка современных, на которых говорят некоторые уральские народы: манси, ханты, коми, удмурты, на отдельные родственные языки. Специалисты по изучению языков — лингвисты — называют их финно-угорскими, а языковую семью, к которой они относятся, — уральской.

Для неолитического периода археологи выделяют для Южного Зауралья южноуральскую (чебаркульскую). Дело в том, что именно на озере Еловое, когда-то соединявшемся с соседним озером Чебаркуль, в начале 1950-х гг. археолог Н.П. Кипарисова (1900–1958) изучила первую в Южном Зауралье неолитическую стоянку Чебаркуль I.

Люди, как и прежде, селились родовыми общинами. Их образ жизни продолжал традиции, заложенные в мезолите. Однако в жизни обитателей степей и лесостепей Южного Приуралья в неолитический период произошли изменения. Дело в том, что в ходе раскопок стоянок нового каменного века в Оренбуржье археологи встретили кости... домашних животных. Это означает, что мы можем говорить о возможном проникновении сюда домашних животных и навыков ухода за ними.

Так что, возможно, именно со времени неолита на Южном Урале, как, впрочем, и в ряде других районов Евразии начинается история сосуществования и противоборства двух направлений развития древних обществ. Охотники-рыболовы-собиратели самой природой были принуждены жить с ней в согласии, не отбирая у нее слишком много, чтобы не погибнуть в будущем самим. Скотоводы, напротив, постепенно, не в неолите, а позднее, станут истреблять природу, сводя «на нет» степную растительность неумеренным выпасом разросшихся стад.

Надо заметить, что в диком виде в степях Казахстана и Южного Урала из домашних животных водились лишь лошади. Прародина всех остальных, как считают специалисты, находится далеко на юге — в Закавказье, в Малой Азии — и попали они на юг Урала как результат многоступенчатого обмена. Не все еще понятно ученым в проблеме древнейшего животноводства. Не единодушны они и в вопросе времени появления скотоводства на юге Урала.

Рис. 125. Собирательная картина образа жизни неолитических обитателей Южного Зауралья. Картина Ю. Шмелёва

Все, что касается древнейшего животноводства, относится лишь к обитателям степей и лишь отчасти лесостепей Южного Урала. У лесных народов, жителей горных долин жизнь строилась по-прежнему на основе охоты, рыболовства и собирательства, как и у их предшественников. Широко известны раскопки неолитических стоянок и мастерских по обработке камня в Башкирском Зауралье (стоянка Сабакты III), на озерах у Ильменских гор (стоянка Латочка) и даже на берегах высокогорных озер, таких как Зюраткуль (стоянка Каменный Мыс). Некоторые ученые утверждают, что жители Южного Урала уже в неолите... обменивали каменное сырье на нужные им предметы у соседей, а горное дело было одним из основных хозяйственных занятий. Кажется, подтверждают это мнение находки предметов из южноуральских яшм на стоянках неолитического времени, расположенных за сотни километров севернее и восточнее месторождений.

Стоянки среднего и нового каменного века (мезолита и неолита) на берегах озер Чебаркуль и Еловое, Большое Миассово – исследовали археологи Нина Павловна Кипарисова, Лия Яковлевна Крижевская, Вадим Сергеевич Мосин и Евгений Мирович Беспрозванный. Основным видом жилища этих периодов археологи пока считают переносный шалаш-чум с каркасом из жердей, покрытым пластами бересты или шкурами. Тепло давал разведенный внутри костер, на котором готовилась и пища. Рядом с шалашами работали мастера по изготовлению каменных орудий, женщины лепили остродонные либо круглодонные сосуды, чтобы после обжига варить в них пищу. На костер сосуд ставился при помощи подставки из трех-четырех камней, поставленных по кругу. Время от времени на стоянку воз-

вращались мужчины — охотники и рыболовы — с мясом и шкурами лосей, косуль, с добытой рыбой.

Обитатели гор и предгорий Южного Урала, связанные тысячами «нитей» с природой, зависевшие от нее в полной мере, обожествляли ее. Поэтому вершины гор, необычные одинокие скалы или группы скал, выделявшиеся на местности на тысячелетия становились у них культовыми местами, святилищами, предназначенными для различных обрядов.

Погребения жителей Зауралья конца каменного века крайне редки. Большинство погребений этого времени было открыто в пещерах и гротах горно-лесного Среднего и Южного Урала: на реке Чусовой (в гроте на Дождевом Камне), на реке Юрюзань (в Бурановской пещере и других), на реке Сим (в гроте у Каменного Кольца у с. Серпиевка), а также на одном из островов Аргазинского водохранилища и на берегу озера у д. Шатрово в Еткульском районе. Все эти погребения похожи по нескольким признакам. В абсолютном большинстве погребения обнаружены в пещерах и гротах. Тела погребенных укладывались сородичами в положении вытянуто, на спине, реже скорченно. Одежду украшали каменные шлифованные подвески из мягких пород камня с отверстиями для прикрепления к одежде, подвески, изображавшие птиц, резцы животных, а также бусы из створок раковин речных моллюсков. Иногда в могилах заметны следы посыпки красной охрой. Известный уральский археолог Юрий Борисович Сериков считает, что в этих погребениях захоронены шаманы. Почему? Археологи считают, что у лесных народов Урала в каменном веке господствовал обряд погребения, не предполагавший предания тела умершего земле. И лишь выдающиеся люди — шаманы — хоронились в земле. Да и украшения одежды из этих погребений очень схожи с шаманскими более поздних времен.

Начало истории гончарства. Именно в неолите наши далекие предшественники совершили очень важное открытие. Около 8 тыс. лет назад обитатели Южного Урала, как и большинство других народов Евразии, впервые стали использовать в быту обожженную на огне глиняную посуду, то есть керамику (рис. 126). Многие тысячелетия до этого для того, чтобы согреть или вскипятить воду, на костре нагревали камни и опускали их затем в кожаное ведро с водой. Изобретение керамики умножило возможности древних кулинаров и благотворно сказалось на здоровье наших далеких предшественников. Вареная пища лучше усваивается организмом человека. Изобретение керамики заслуживает внимания также и потому, что это один из первых искусственных материалов на планете, созданных человеком. Древнейшие глиняные сосуды изготавливались из глины с определенными свойствами, а если точнее, то из специально приготовленного глиняного теста. Для этого в основное сырье — глину — добавляли определенные примеси: песок, дробленые камешки, измельченные куски стенок старых сосудов, истертый мелко тальк, кусочки створок раковин речных моллюсков, но ранее всего — птичий помет. Делалось это для того, чтобы получить посуду с заранее заданными свойствами. Особенность древнейшего гончарства состоит в том, что гончарные знания в письменном виде не передавались, а о физике, химии и других нужных науках гончары и не слышали. Просто они много экспериментировали с глиной и результаты опытов передавали из поколения в поколение. Ученые полагают, что гончарство было женским делом, а обучение его навыкам — частью воспитания девочек.

Очень важное значение древнее гончарство имеет для археологов вот еще почему. Дело в том, что у каждого из древних народов были свои представления о том, как надо готовить глиняное тесто, какие примеси и в каком количестве добавлять, каким способом надо лепить сосуды и орнаментировать их, как обжигать. Поэтому-

Рис. 126. Поселение Шершни I в черте современного Челябинска. Фрагменты неолитических и энеолитических сосудов

то для археолога обломки древней керамики — желанная находка. Ведь они позволяют определить, какой народ жил здесь и когда.

Предполагается, что древнейшие гончары использовали жгуты или ленты из глины. Сначала окончание жгута сворачивалось спиралью-«пуговкой». Затем тем же жгутом по спирали гончар выводил стенки будущего сосуда до верха. При этом спирали жгута плотно слеплялись друг с другом. Жгуты могли скрепляться друг с другом и иначе. Стенки сосудов заглаживались и затирались специальными инструментами. Затем сосуд орнаментировался специальными инструментами. Очень важный элемент формы — верхний край — венчик. В неолите-энеолите он срезался под плоскость с наклоном внутрь сосуда. Это делалось, надо думать, для лучшего соприкосновения деревянной крышки с глиняным сосудом. Сосуды тщательно просушивались, затем обжигались. Археологи считают, что обжиг тогда проводился на открытом костре. Сначала сосуды ставились по краям костровой ямы, затем постепенно передвигались все ближе и ближе к огню, чтобы, наконец, на несколько часов оказаться среди пылающих углей.

Сосуды, изготовленные описанным способом, напоминали по форме огромное куриное яйцо, у которого аккуратно срезан тупой конец, с округлым или острым дном. По размерам они были различны. В быту подобные сосуды ставились в вырытые в земле ямки или на круговые выкладки из камней. Для людей конца каменного века, охотников или рыболовов, часто менявших место стоянки, это было удобно. Лишь в Зауралье, у людей, пришедших туда с юга, из степей Казахстана или При-

каспия, принадлежавших к бабарыкинской культуре, уже в неолите керамические сосуды имели плоское дно.

Уже в неолите керамика населения разных районов Урала различалась, прежде всего, по орнаментации и способу ее нанесения. В Южном Зауралье, например сосуды тогда орнаментировали прочерчиванием торцом палочки.

Следует отметить, что древнейшее гончарство само по себе не являлось просто лишь изготовлением сосудов. Для древних людей гончарство было не технологией, а волшебством, поскольку мягкая глина под воздействием огня становилась твердой, наподобие камня. Объяснить это изменение создатели сосудов могли лишь участием духов или божеств.

И рисунки на неолитической керамике это не столько украшательство, сколько волшебство, ограждающее содержимое сосуда от козней злых сил. По сути, орнамент — магическая охранительная формула, не произнесенная, но изображенная. И не случайно орнаменты опоясывают сосуд, не оставляя зловредным силам малейшей лазейки, чтобы проникнуть к содержимому.

Изменения в традициях изготовления каменных орудий. Большие изменения произошли в неолите и в традициях изготовления каменных орудий. В неолите повсеместно в качестве полуфабрикатов для изготовления различных типов каменных орудий использовались пластины с параллельными краями, сколотые с призматических нуклеусов (рис. 127–128). На подобных пластинах с помощью различного вида ретуши создавались рабочие поверхности различных орудий: скребков (рис. 129); резцов (рис. 130–131), острий для использования в сверлильном устройстве (рис. 132–133). В позднем неолите и в начале века металлов южноуральцы отказались от использования орудий, изготовленных из ножевидных пластин, и перешли

Рис. 127. Нуклеус и две пластины, снятые с него. Реконструкция И.В. Горащука

Рис. 128. Пластины и орудия на пластинах из неолитических памятников на Аргазинском водохранилище

Рис. 129. Концевой скребок на пластине. Рабочая поверхность

к технике изготовления каменных орудий на отщепах – уплощенных кусках кремня или яшмы. На отщепах стали изготавливать, например, скребки (рис. 134). Все более широко стала использоваться так называемая двусторонняя ретушь. В этом случае ретушь наносилась не только по краю орудия, который работал. Ретушью с двух сторон покрывалось все орудие, оно как бы «строгалось» ею, делалось той формы и той толщины, какие задумал мастер.

Даже позднее, в бронзовом веке, продолжали бытовать каменные наконечники стрел, выполненные в древней – даже для того времени – технике двусторонней ретуши. Наконечники крепились к древку стрелы с помощью сухожилий животных. Долгая жизнь каменных наконечников имела веские причины. Причина эта не в дефиците металла, а в свойствах камня, делавших этот вид оружия беспощадным.

В том же каменном веке (начиная с палеолита, в мезолите и особенно в неолите и энеолите) у южноуральцев, как и у других народов, распространяются шлифованные орудия и украшения. Они использовались и позднее, в меднокаменном веке. Шлифованные топоры и тесла были сделаны из мягких пород камней, например, из змеевика и закреплялись в деревянных рукоятях, были основными орудиями для обработки дерева (рис. 135–136). Как уже говорилось выше, разгадка эффективности их работы – в угле заточки лезвия. Он не позволял рабочему краю орудия выкрашиваться.

Наскальные рисунки Южного Урала неолитического периода. Не только керамика и ее орнаменты повествуют нам о богатом духовном мире неолитических южноуральцев. Как сокровища древних культур нужно понимать наскальные рисунки-

Рис. 130. Угловой резец на пластине

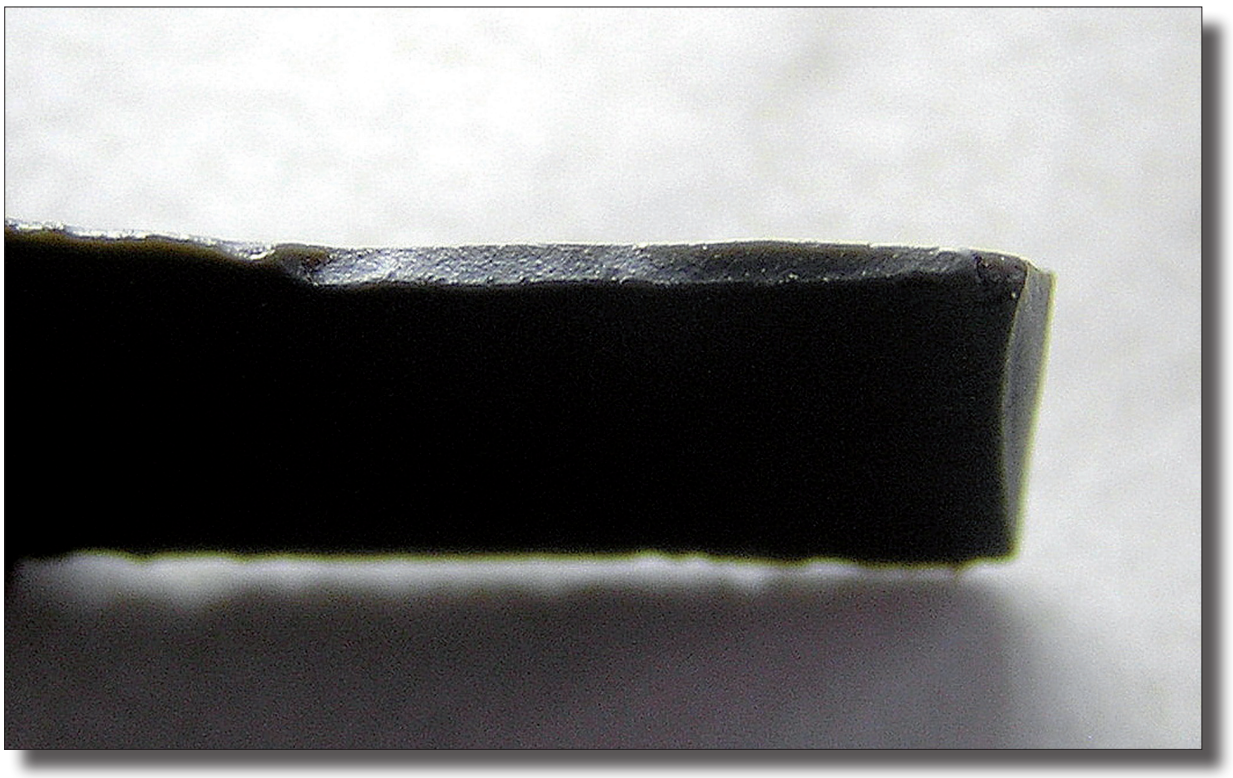

Рис. 131. Резцовый скол углового резца на пластине

Рис. 132. Рабочая часть каменного сверла на ножевидной пластине

Рис. 133. Процесс сверления керамики каменным сверлом

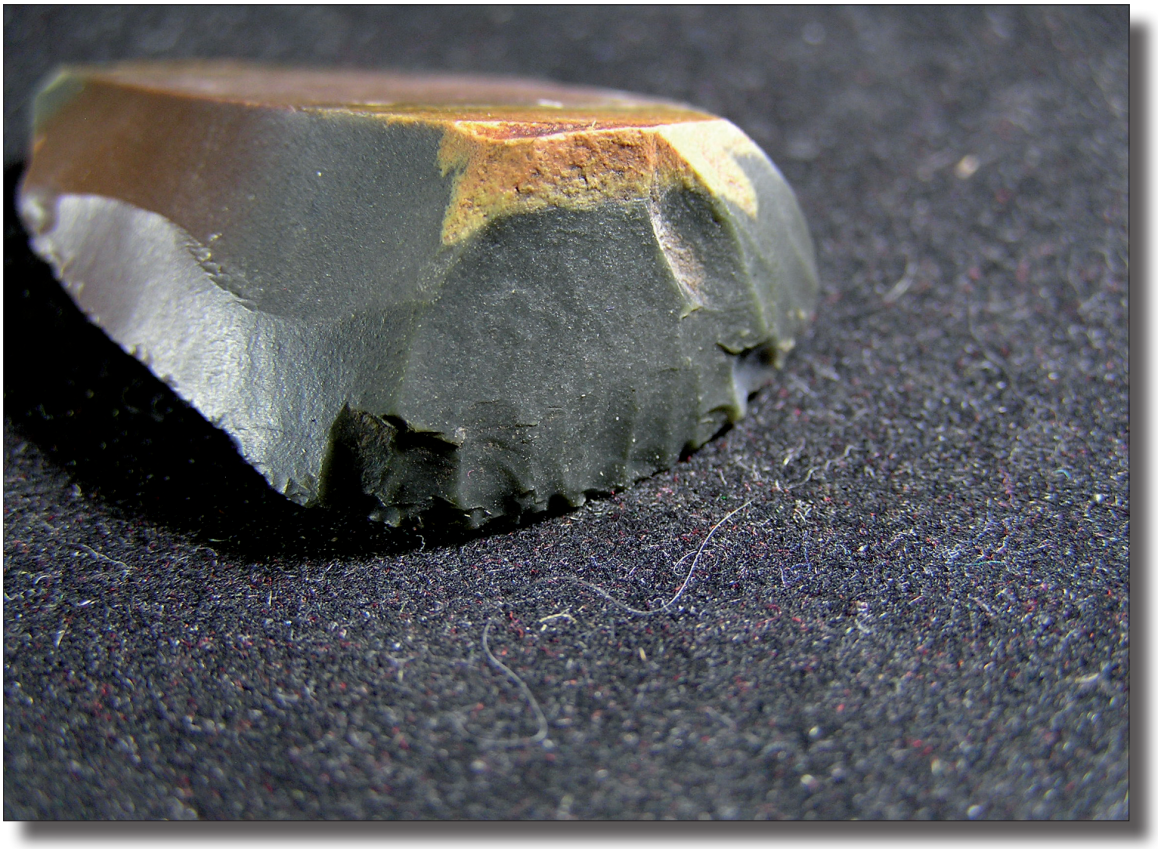

Рис. 134. Скребок на отщепе. Рабочая поверхность

Рис. 135. Шлифованный топор. Берег Карагайского озера. Неолит

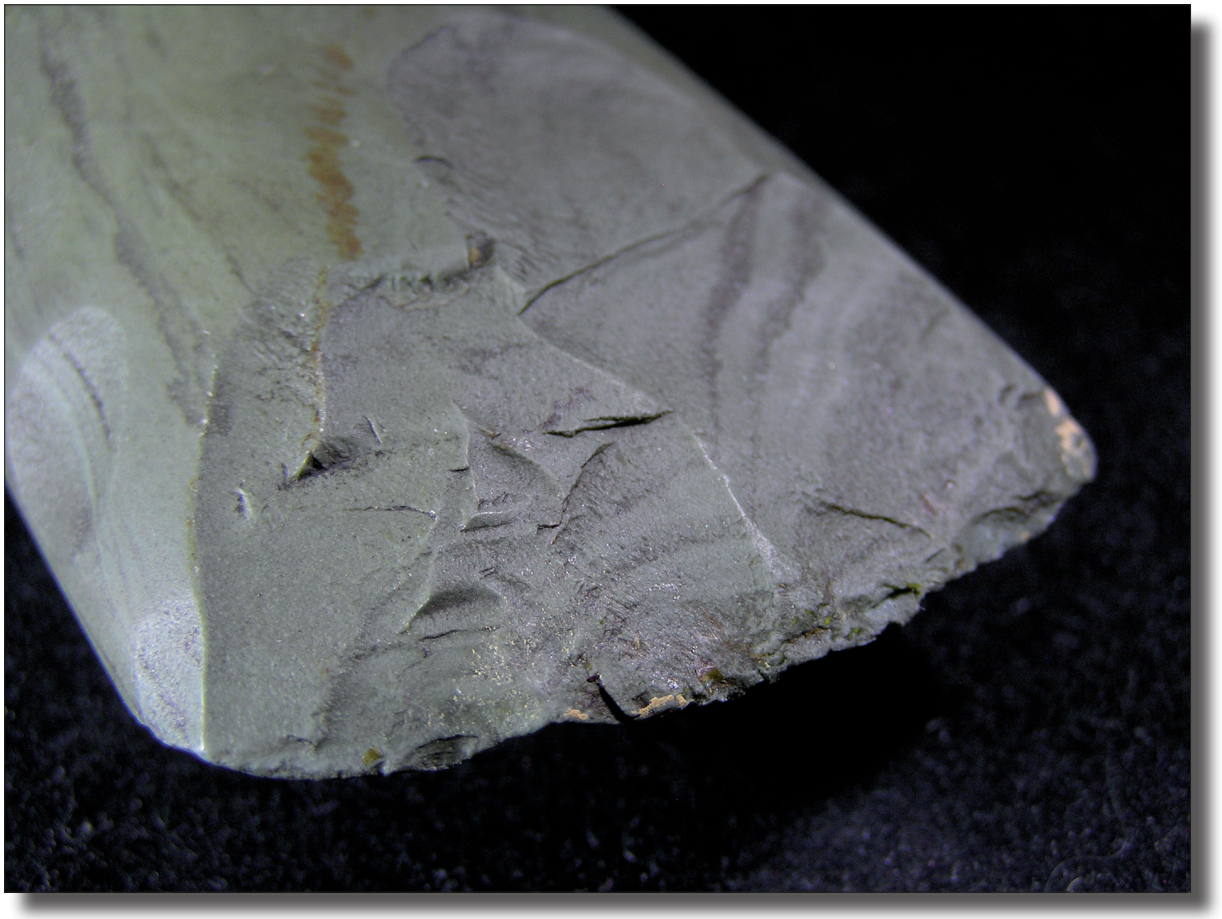

Рис. 136. Рабочая поверхность шлифованного топора

«писаницы» в святилищах той поры. К неолиту почти окончательно исчезает традиция использовать в качестве святилищ пещеры, во всяком случае совершать в них обряды, предполагавшие нанесение рисунков. Святилища переместились на берега рек и озер, где на ровных участках скал до сих пор видны полузамытые рисунки той поры. Они, как и раньше, выполнялись охрой. Но содержание рисунков изменилось по сравнению с более древними временами. Южноуральцы каменного века предпочитали рисовать на скалах своих святилищ изображения косули и особенно людей в различных позах. По берегам рек и озер Южного Урала (Ай, Уфа, Юрюзань и другие) известны десятки святилищ с наскальными рисунками. Часть из них действовала с перерывами в течение нескольких тысяч лет, начиная со среднего или нового каменного века.

Вас, конечно, мучает вопрос: как можно говорить о времени создания рисунка, если рядом нет написанной художником даты? Археологи используют разные методы установления времени нанесения рисунков, из которых наиболее распространенным является метод датировки рисунков по древним вещам, найденным в раскопе под скалой с рисунками. Давайте посетим одно из древних южноуральских святилищ. Вы уже знаете о том, что в глубокой древности люди верили, что у всего живого и у предметов, которые можно потрогать, есть «душа». Увидеть ее нельзя. После смерти человека его душа вселяется в другого, еще не родившегося человека. Считалось, что какое-то время душа была свободной от тела. Наши далекие предшественники считали, что и в этот промежуток времени у души должно быть пристанище. Они делали его в виде птицы из различных материалов (из кожи, дерева), а позднее, с появлением

металлов,- из меди. Изображение этой птицы-души какое-то время хранилось в особом месте – в святилище. Подобную ситуацию археологи встретили на вершине горы Азов у г. Полевского на юге Свердловской области. Там подобное святилище было сооружено намного позднее неолита – в раннем железном веке.

Святилище на озере Большие Аллаки. Одно святилищ было найдено в начале прошлого века на озере Большие Аллаки, на севере Челябинской области (рис. 137). Позднее выяснилось, что таких святилищ на этом озере было несколько. Местные жители называют эти места Каменными палатками. За тысячелетия ветра и дожди придали этим гранитным скалам фантастический вид. Будто здесь долго-долго трудились древние волшебники. Семь-пять тысяч лет назад на поверхности этих скал впервые появились рисунки. Они выполнялись природной краской – охрой. Изображения разнообразны. Ученых удивила одна из групп рисунков. Под скальным «козырьком» была изображена вереница пляшущих мужчин в странных головных уборах, снабженных как бы отростками-антеннами (рис. 138). Но скорее всего это схематично изображенные рога животных – покровителей этой общины. Подобные головные уборы (чаще шаманские) у других древних народов Сибири снабжались и масками. Ученые считают, что здесь, в древнем святилище у озера Большие Аллаки, шаманы-жрецы так изображали предков, могучих шаманов, которые вместе с потомками как бы плясали волшебный танец, помогая им добыть благополучие в делах, охраниться от козней злых духов. Рядом со скалами святилища в начале нынешнего века был найден и упоминавшийся уже «идол» в виде изображения человеко-птицы из меди – вместилище чьей-то души. У скал святилища археологи заложили раскоп и извлекли из него каменные ножи, каменные и бронзовые наконечники стрел. Если судить по ним, то святилище действовало с перерывами на протяжении нескольких тысячелетий. Кстати, раскопки под скалой с рисунками

Рис. 137. Каменные останцы на озере Большие Аллаки. Вид с востока

Рис. 138. Наскальные изображения на озере Большие Аллаки

дали еще один неожиданный результат. Большинство наконечников стрел имело характерные повреждения острия, не оставляющие сомнения в том, что в скалу с рисунками стреляли со стороны озера. Это был своеобразный обряд. Подобное ученые наблюдали при изучении святилища на Камне Дыроватом на реке Чусовой и святилища на Лысой горе, что на озере Большой Теренкуль.

Выводы по периоду:

• Неолитический период древней истории Урала в целом и Южного Урала в частности, в основном совпадает с атлантическим периодом климатической истории Земли.

• Новые черты в жизни неолитических южноуральцев связаны с появлением в их жизни древнейшей керамики, с изменениями в технологии изготовления каменных орудий (изменение размеров кремневых или яшмовых пластин – заготовок для изготовления орудий, постепенная замена пластинчатых орудий орудиями на отщепах; распространение двусторонне ретушированных и шлифованных орудий).

• На Южном Урале и в неолите люди жили за счет охоты, рыболовства и собирательства. Появление на южных границах региона следов древнейшего скотоводства пока не вполне документировано.

• Неолитические памятники Южного Урала содержат большую, в сравнении с мезолитом, информацию о духовном мире древних людей. Это и древнейшие погребения, интерпретируемые как шаманские, и разнообразные типы святилищ (писаницы, рисунки которых свидетельствуют о существовании культов промысловых животных), магическое содержание орнаментов на керамике и костяных изделиях.

Литература

Основная:

Мосин В.С. Каменный век // Древняя история Южного Зауралья: в 2 т. Т. 1. — Челябинск: ЮУрГУ, 2000. — С. 81—148.

Мосин В.С. Древние охотники Урала (археология и жизнь) / В.С. Мосин. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. — 511 с.

Дополнительная:

Дубровский Д.К., Грачев В.Ю. Уральские писаницы в мировом наскальном искусстве. — Екатеринбург: Грачев и партнеры, 2010. — 216 с.: ил.

История башкирского народа: в 7 т. Т. 1. — М.: Наука, 2009. — 400 с.

Вопросы

1. Каким временем датируют археологи неолитический период на Южном Урале?

2. Кто был первооткрывателем неолита Южного Урала, исследовавшим первую неолитическую стоянку на оз. Еловое?

3. Назовите важнейшее открытие неолитических людей на Южном Урале.

4. Почему погребения с каменными подвесками и бусами из створок раковин моллюсков в пещерах горно-лесного Урала некоторые археологи считают принадлежавшими шаманам?

5. Какие изменения произошли в неолите Южного Урала в технологии изготовления и типах каменных орудий?

ГЛАВА 9. ЮЖНЫЙ УРАЛ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА

В энеолите, то есть в меднокаменном веке (IV—III тыс. до н.э.), на Южном Урале в большинстве своем жили охотничье-рыболовецкие народы — потомки местных неолитических предшественников. Ученые считают, что они говорили на диалектах угорских языков. В их антропологическом типе сочетались европеоидные и монголоидные признаки.

Ученые выделяют в лесостепях и лесах Южного Урала несколько археологических культур, относимых к меднокаменному веку (суртандинская — суртандинско-кысыкульская) в Южном Зауралье, агидельская в Южном Приуралье). В Северном Казахстане в этот период протекала история носителей ботайской и терсекской археологических культур. Археологи объединяют все перечисленные (за исключением агидельской) археологические культуры в единую общность.

Удивительно, но специалисты полагают, что территорию от Южного Урала до Аральского моря и Каспийского моря в энеолите занимали народы, говорившие на диалектах языков уральской языковой семьи.

Коренные южноуральцы и в меднокаменном веке, как и раньше, жили охотой, рыболовством и собирательством. Вы спросите, как же ученые отличают энеолитические поселения и могильники от неолитических? Дело в том, что ко времени энеолита произошли определенные изменения в гончарстве (в форме и орнаментации сосудов). Керамические сосуды изготавливались без помощи гончарного круга (вручную). Правда, технологии формовки сосудов у носителей разных археологических культур отличались. Например, ботайская и терсекская керамика часто несет на внешней стороне отпечатки текстиля или их имитацию. Сосуды по-прежнему отличало острое или скругленное дно. В Зауралье, за исключением керамики липчинской культуры, украшенной оттисками шнура, и Северном Казахстане сосуды в этот период украшали поясами сложной геометрической орнаментации, выполненной с помощью оттисков гребенчатых штампов.

Археологи видят отличия энеолита Южного Урала от неолита и в типах каменных орудий, технологии их изготовления. На смену типам орудий, изготовленных на пластинах, отделенных от нуклеуса, характерных для неолита, в энеолите пришли орудия на уплощенных кусках поделочных пород (отщепах). Кроме того, продолжали повсеместно использоваться шлифованные топоры, тесла, долота из мягких пород камня.

Редкие погребальные памятники местных энеолитических культур Урала известны на территории современной Башкирии (Кара-Якуповский могильник на реке Дема, могильник Муллино на реке Ик и некоторые другие). Над погребениями представителей местных энеолитических народов не возводились земляные курганы, как это было принято у древнеямных скотоводов. В отличие от курганных, археологи называют такие могильники грунтовыми.

Особенность меднокаменному периоду древней истории Южного Урала придает то, что жившие в энеолите местные народы III тыс. до н.э. соседствовали с про-

двинувшимися в степи Оренбуржья с запада скотоводческими древнеямными племенами, жившими уже в бронзовом веке. С юга, из степей, из областей, обжитых древнеямными племенами, к местному населению южноуральских лесов в медно-каменном веке металл проникал лишь в виде отдельных изделий в результате обмена. Редко на лесных поселениях этого времени встречаются следы плавки меди (скорее, переплавки медных предметов и лома).

С появлением в степях Южного Урала многочисленных, хорошо организованных, подвижных скотоводческих племен население лесостепей и южной части лесов Урала затем, на протяжении тысячелетий, постоянно испытывало их давление и влияние.

Выводы по периоду:

• В энеолитический период население Южного Урала вступило примерно в IV тыс. до н.э. Закончился он в степной полосе Южного Урала в различное время: в Оренбуржье, в связи с миграцией из Поволжья ямных скотоводческих племен, – около XXV в. до н.э.; в южноуральских степях – около XX в. до н.э. В лесной полосе переход к бронзовому веку произошел еще позднее – в первые века II тыс. до н.э.

В энеолите местные (аборигенные) археологические культуры Южного Урала и Северного Казахстана продолжали строить свою жизнь на основе комплексного присваивающего хозяйства, в котором в различных для разных культур пропорциях сочетались охота, рыболовство и собирательство. Вопрос о наличии в экономике степного населения Южного Урала и Северного Казахстана скотоводства по прежнему остается дискуссионным. Даже профильные специалисты не единодушны по этому поводу.

• Важные изменения произошли в это время в технике обработки камня. Большая часть орудий уже изготавливались на отщепах – уплощенных кусках поделочных пород нужных размеров. Большое распространение получает двусторонняя ретушь, шлифованные деревообрабатывающие орудия, орудия на сланцевых плитках.

• Керамическое производство претерпело, в сравнении с неолитом, определенные изменения. Распространение получает круглодонная или остродонная глиняная посуда, украшенная сложными геометрическими композициями, выполненными оттисками гребенчатых штампов.

• В районе вдоль восточных склонов Урала и в степях Казахстана в этот период формируется общность родственных культур, получившая различные названия (Зауральско-Северо-Казахстанская или общность культур «геометрической керамики»), объединенная как сходным набором типов каменных орудий, так и, что особенно важно, весьма сходным обликом керамической посуды.

• Ученые полагают, что область между Аралом-Каспием и Зауральем в III тыс. до н.э. была занята населением, говорившим на диалектах финно-угорского праязыка. Причем, лингвисты полагают, что именно в энеолите произошел распад финно-угорского праязыка на финскую и угорскую ветви.

• Важным событием, происшедшим в эпоху энеолита может считаться первый непосредственный контакт уральских прафинно-угорских народов с индоевропейским населением в лице носителей древнейшей в зоне Южного Урала скотоводческой древнеямной культуры, с которой в регион были принесены не только навыки скотоводства, но и металлургические знания, началась разработка древнейших медных месторождений, в первую очередь, Каргалинского в Оренбуржье, Таш-Казган и Бакр-Узяк в Южном Зауралье. Необходимо заметить, что жившие одновременно еще в энеолите праугорские народы Урала и ямные племена Оренбуржья, у которых

уже наступил бронзовый век, начали в этот период общение между собой по поводу металла. Местные энеолитические культуры играли в этом общении, скорее всего, роль металлопотребляющей периферии, в сравнении с металлопроизводящим ямным Оренбуржьем.

Литература

Основная:

Мосин В.С. Древние охотники Урала (археология и жизнь) / В.С. Мосин. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. — 511 с.

Мосин В.С. Энеолит // Древняя история Южного Зауралья: в 2 т. Т. 1. — Челябинск: ЮУрГУ, 2000. — С. 149–241.

Дополнительная:

Мосин В.С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск: Изательский центр ЮУрГУ, 2003. — 220 с.

Мосин В.С. Энеолит Южного Зауралья //Археология, этнография и антропология Евразии. — 2004. — № 2. — С. 79–93.

Мосин В.С. Стоянка Шатанов 3 на озере Иртяш (классификационный и археолого-исторический подходы). — Челябинск: ЦИКР «Рифей», 2011. — 108 с.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: Проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. —182 с.

Дубровский Д.К., Грачев В.Ю. Уральские писаницы в мировом наскальном искусстве. — Екатеринбург: Грачев и партнеры, 2010. — 216 с.: ил.

История башкирского народа в 7 т. Т. 1. — М.: Наука, 2009. — 400 с.

Вопросы

1. Как археологи датируют энеолитический период на Южном Урале?
2. Кто, когда исследовал первую энеолитическую стоянку на озере Кысы-куль в черте г. Миасса?
3. Археологи утверждают, что на Южном Урале в III тыс. до н.э. можно было наблюдать сосуществование местных энеолитических народов с пришлыми народами бронзового века. Объясните это утверждение.
4. В какой степени металлургические знания были известны коренным энеолитическим обитателям Южного Урала?
5. Какие изменения в сравнении с неолитом произошли в гончарстве энеолитических обитателей Южного Урала?

ГЛАВА 10. УРАЛ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

С первых веков **III тыс. до н.э. и до VII в. до н.э. часть древних народов Южного Урала** жила в бронзовом веке. Более чем на тысячу лет основным материалом для изготовления орудий труда и предметов вооружения стал сплав меди с другими металлами, преимущественно с мышьяком или оловом, называемый бронзой.

Бронзовый век в различных районах Южного Урала наступил в разное время. В оренбургских степях (древнеямная культура) – с начала III тыс. до н.э. В степном Южном Зауралье – лишь с конца **III тыс. до н.э.; в горнолесной части Южного Урала** – в первые века II тыс. до н.э.

Природа и климат региона в бронзовом веке. Жизнь людей в бронзовом веке, как и прежде, сильно зависела от природно-климатических условий и их изменений. Данные различных наук для степей Северного Казахстана и Южного Зауралья говорят о том, что во второй половине III – во II тысячелетии до н.э. климат несколько раз менялся. Последние века **III и особенно рубеж III–II тыс. до н.э. ознаменовались** сильнейшей многолетней засухой, вызвавшей дальние и массовые миграции обездоленных скотоводческих племен. Оптимально влажный и теплый климат установился лишь примерно 3600 лет назад. Водоразделы между речными долинами вновь покрылись сочными травами. В значительной степени благодаря этому обстоятельству несколько столетий по берегам рек степей Южного Зауралья процветали племена скотоводов-пастухов алакульской культуры. Но, около середины II тыс. до н.э. в степях Казахстана вновь разразилась многолетняя засуха и из района бедствия во все стороны, в том числе и в Южное Зауралье, вновь хлынули стремительно терявшие скот племена. Позднее сильное падение уровня грунтовых вод археологи зафиксировали в памятниках Южного Зауралья в последние века II – в начале I тыс. до н.э. (по высоте площадок поселений этого времени относительно современного уровня воды в реках). Площадки поселений этого времени находятся порой лишь на полметра выше современного уровня воды в реке. Так что раскапывать их невозможно, поскольку в раскоп польется вода. Такие поселения автор наблюдал в окрестностях с. Неплюевка на берегу р. Яндырка в Карталинском районе Челябинской области и на поселении Устье, на берегу реки Нижний Тогузак. Конечно, сказанное нельзя применять к жителям горных долин и даже предгорий Южного Урала с их многочисленными микроклиматами. С другой стороны, ученые объясняют причины передвижений лесных народов бассейна р. Оби – Иртыша на Южный Урал в конце бронзового века значительным увлажнением климата, выгнавшим обитателей таежных просторов на юг Урала.

Народы Южного Урала в бронзовом веке, в зависимости от природного контекста, вели совершенно разный образ жизни. В глухих таежных районах, как и в прошлые эпохи, жили охотники-рыболовы. На юге зоны лесов Урала в хозяйстве населения сочетались как охота, рыболовство, так и проникшее сюда к этому времени из степей скотоводство. Степные племена Южного Урала на протяжении почти всего этого периода занимались исключительно скотоводством. Лишь в конце

бронзового века на степных поселениях южноуральцев появляются следы занятия земледелием. У археологов наличие земледелия у древнего населения доказывается находками обугленных зерен злаковых культур (поселение Черкасы на юге Челябинской области).

Начало металлопроизводства на Южном Урале. Жизнь большинства неолитических южноуральцев — жизнь охотников — рыболовов, представляла собой дальнейшее развитие традиций, заложенных в предшествующую эпоху мезолита. Однако на рубеже IV—III тыс. до н.э. на юге Урала впервые в его истории проникает население, владеющее навыками добычи медных руд, получения металла и изготовления из него разнообразных предметов.

Вы наверняка уже знаете о том, что 300 лет назад железо, чугун, медь, выплавленные из уральских руд на уральских заводах, впервые помогли русской армии стать непобедимой. С тех пор почти любой уралец знает о Демидовых — целой династии владельцев металлургических заводов в XVIII—XIX вв. Но мало кто знает, что русские заводчики получили в наследство от древних обитателей Урала... месторождения руд.

Почти все заводы той поры работали на руде из месторождений, открытых по «чудским» или «ордынским» копям — следам более древних горных разработок. Русские рудознатцы отмечали их по всему Уралу.

Вот что писал тогда талантливый ученый-путешественник Иоганн-Петер Фальк о древних горных разработках в Оренбуржье: «Вся холмистая страна между Каргалинскими ручьями... исполнена обвалившимися копями древней чуди и оставленными горными работами, состоявшими по большей части или в ... ямах ... или в порядочных горных копях, со штольнями, штреками».

160 лет назад историк Петр Андреевич Словцов со слов ученого путешественника Ивана Ивановича Лепехина, писал о следах древних горных работ на севере современной Челябинской и юге Свердловской областей: «При открытии Гумешевского рудника (у современного города Полевского) в 1731 г. были найдены старинные выработки, рвы и углубления, а в них полусгорелая лучина, в стену воткнутая, рукавица и сумка из лосиной кожи, кайлы, молоток и тому подобные, из меди сделанные. В 1770 г. на том же руднике найдена круглая шапка с собольим околышем... При соединении речек Багарыка и Синары замечены старинные копи на левом берегу последней». Часть этих медных месторождений разрабатывалась только в древности.

Археологи до сих пор находят карьеры, оставшиеся от древних горняков. Один из таких карьеров (местные жители называют это место «Воровская яма») недавно был изучен учеными у поселка Зингейского в Кизильском районе Челябинской области. В 2012 г. карьер для добычи медьсодержащих минералов открыли у с. Новониколаевка на реке Караталы-Аят. Целое «ожерелье» из древних медных месторождений открыто в XX в. в Восточной Башкирии: Никольское, Таш-Казган, Бакр-Узяк и др. В Оренбуржье это Ишкининский рудник, древние рудники в Еленовском районе, на реке Ушкатта. Медные рудники древних обитателей Южного Урала десятками открыты современными исследователями в Мугоджарах. Археологи уже приступили к их планомерному изучению. Еще большее количество древних копей уничтожено более поздними горняками за последние 300 лет.

Древние горняки и металлурги Южного Урала получали медь из содержащих этот металл минералов — бледно-зеленого малахита и ярко-синего азурита (рис. 139) или из так называемых медистых песчаников.

Если вы думаете, что месторождения этих минералов есть везде, вы ошибаетесь. Соседние с Южным Уралом древние народы не имели своего металла. Так что Ураль-

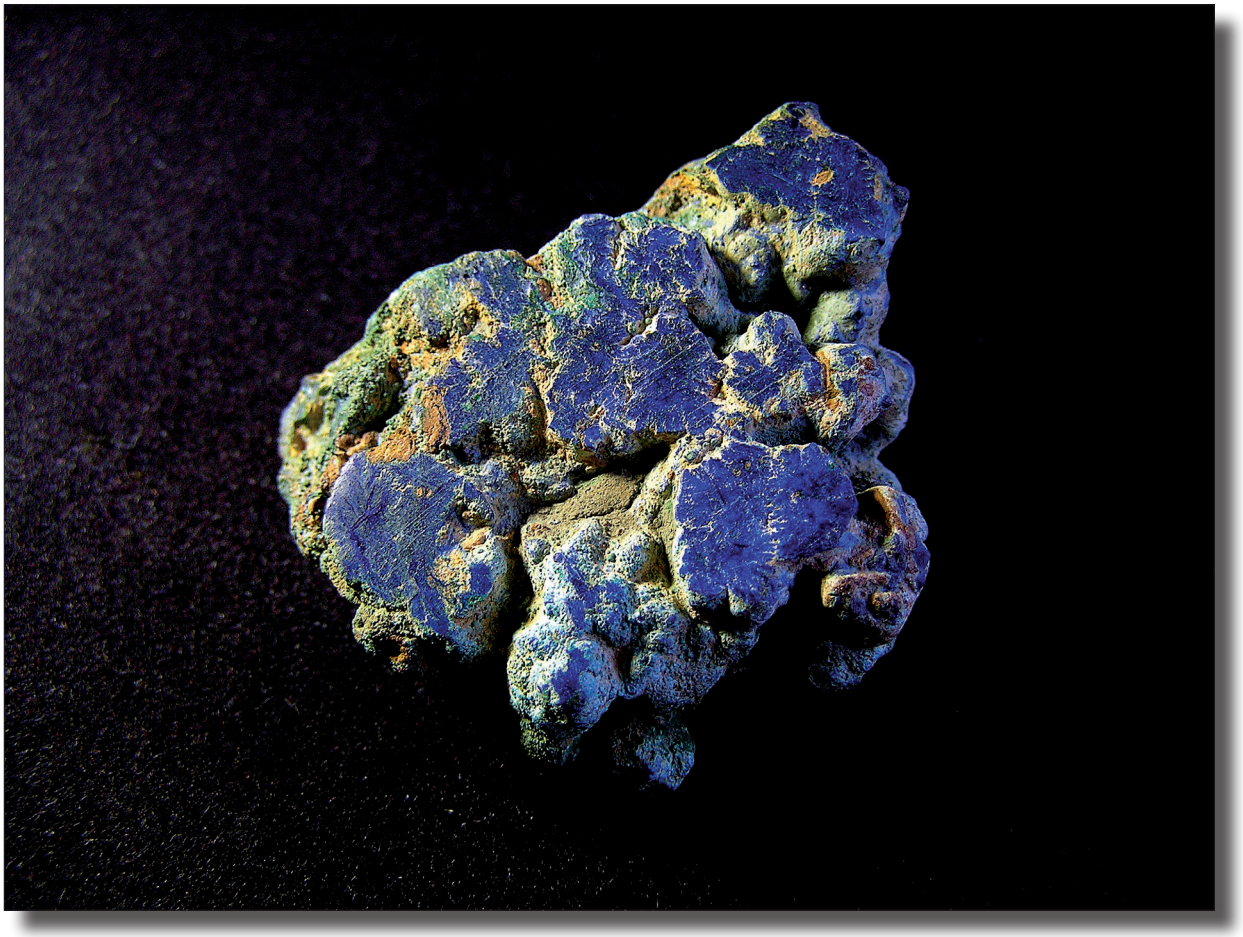

Рис. 139. Азурит — медьсодержащий минерал

ские горы стали поистине кладовой полной сокровищ для древних южноуральцев. «Малахитово-азуритовый пояс» месторождений, протянувшихся вдоль восточных отрогов южноуральских гор, более 5 тыс. лет назад был замечен людьми и оказал большое влияние на их жизнь. Здесь нужно сказать, что открытие это было сделано не местными охотниками-рыболовами.

Древнеямная культура в Оренбуржье. В описываемое время долины степных рек Оренбуржья и предгорья гор Южного Урала с многочисленными речушками и ручьями стали родиной для продвинувшихся сюда из Поволжья племен древнейших скотоводов, которые, в отличие от местных южноуральских племен, жили уже в бронзовом веке, вели подвижный (кочевой?) образ жизни, передвигаясь со стадами с пастбища на пастбище по строго определенному для каждой родовой общины маршруту в течение всего года. Лишь зимнее время они пережидали на сезонных зимних поселениях. Открывший в начале XX в. первые могильники этих племен известный русский археолог В.А. Городцов, за способ погребения умерших соплеменников в грунтовых ямах, назвал их «древнеямными».

Люди древнеямной культуры Волго-Уральского района по антропологическому облику были похожи на современных европейцев, в отличие от других современных им уральских народов. Как считают некоторые ученые, древнеямные племена и были теми загадочными «индоевропейцами», прародину которых искали многие десятилетия.

Древнеямные племена предпочитали разводить мелкий рогатый скот и лошадей, которые более пригодны для передвижения с пастбища на пастбище и, кроме

того, способны сами добывать корм зимой, разгребая снег до прошлогодней травы. Древнейшие повозки, колесный транспорт в районе Южного Урала появились впервые именно с приходом сюда древнеямного населения.

Древнейшие скотоводы Оренбуржья были первыми в районе Урала строителями дерново-земляных надмогильных сооружений – курганов. Археологи изучили в Оренбуржье довольно много древнеямных могильников (Болдыревский, Тамар-Уткуль, Герасимовка, Увак и другие). Сравнивая размеры курганов, сложность конструкции гробниц в них, облик и степень «богатства» вещей, сопровождавших погребенных, они сделали вывод о том, что общество древнейших скотоводов Южного Урала уже знало неравенство. Это и не удивительно. Борьба за пастбища в условиях неустойчивого климата с его периодическими засухами и другими проблемами неизбежно приводила к образованию больших военно-политических союзов, возглавляемых талантливыми, удачливыми вождями. Только соединенные военные ополчения племен вместе могли отстоять права и защитить от врагов отдельные скотоводческие семьи и роды. Сам подвижный облик их жизни предполагал частые контакты с соседями и, как следствие, обмен различными достижениями культуры и техническими открытиями.

Археологи убеждены в том, что древнеямные металлурги-кузнецы заимствовали знания металлургии и металлообработки меди у кланов металлургов-кузнецов из района Кавказа. Почему именно у них? Дело в том, что у древнеямных скотоводов Южного Предуралья бытовали металлические изделия тех же типов, как и на

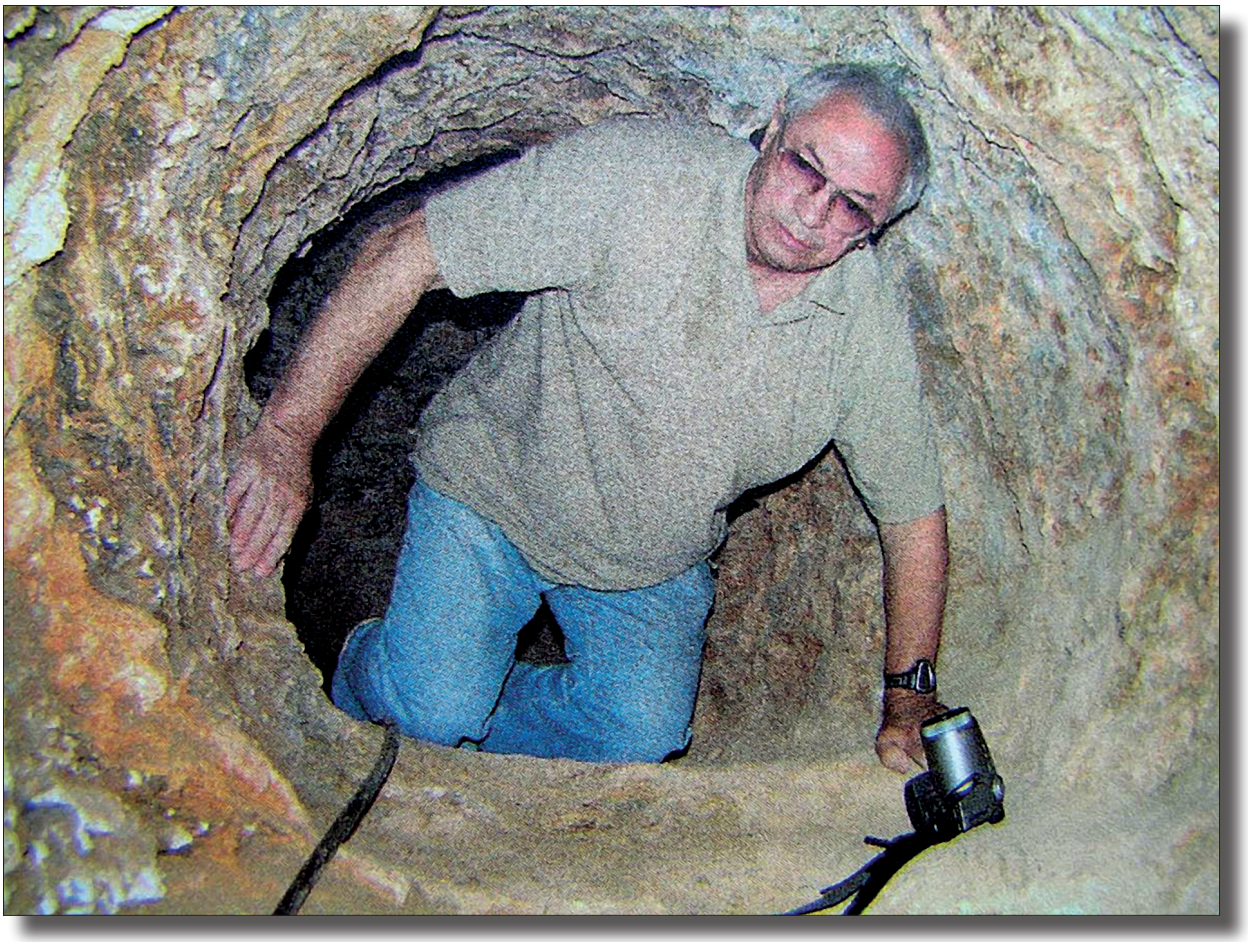

Рис. 140. Археолог Е.Н. Черных

Кавказе. Сходны они и по химическому составу металла. И на Кавказе и в Южном Предуралье в состав металла добавлялся мышьяк. Но на Кавказе эти предметы появились раньше, чем на Южном Урале.

Какая-то часть вчерашних кочевников «осела» на землю в предгорьях Южного Урала. Сейчас это место находится в 50 км севернее Оренбурга, вдоль речушки Каргалы. Здесь находятся гигантские по площади (500 кв. км) древние и старинные разработки медных руд (примерно 15 тыс. шахт и карьеров), которые с перерывами разрабатывались в III–II тыс. до н.э. и в XVIII в. Начало разработке Каргалинских рудников положили горняки-металлурги именно древнеямной культуры Волго-Уралья. Но наиболее активно эти рудные источники разрабатывались во второй половине II тыс. до н.э., в позднем бронзовом веке. Известный ученый-археолог и историк металлургии Евгений Николаевич Черных изучил здесь уникальное поселение древних металлургов – Горный I и установил, что оставлено оно было людьми так называемой «срубной культуры» (рис. 140). В ходе раскопок этого поселения было обнаружено большое количество обломков медных горнопроходческих орудий типа кирок. С их помощью горняки выбирали линзы медьсодержащих минералов на глубину до 45 м. Археологи исследовали на поселении Горный I рудный двор, где складировалась и готовилась к плавке руда, и своеобразные святилища древних горняков. Южноуральцы бронзового века впервые основательно потревожили залежи медьсодержащих минералов. Только на Каргалинских рудниках в бронзовом веке было добыто от 1 до 3 млн. тонн медной руды и было выплавлено из них более 200 тыс. тонн меди (рис. 141–142). Это потребовало особой организации общин, занимавшихся металлургией и металлообработкой. Но об этом позднее. Древнеямные кузнецы уже в III тыс. до н.э. были настолько искусны, что могли изготавливать предметы, в которых одна часть была из меди, а другая – из метеорного железа. Эти изделия изредка находят в погребениях выдающихся людей древнеямной культуры. Е.Н. Черных, изучив Каргалинские древние рудники, считает, что именно здесь необходимо создать заповедник, где современники могли бы убедиться в том, что история их древних предшественников была и достойной и славной (рис. 143).

Интересно и то, что восточнее территории, занятой древнеямными скотоводами, в одно и то же с ними время жили фактически еще в каменном веке, а, по мнению археологов, в меднокаменном веке, потомки местного населения – носители ботайской, терсекской, и суртандинско-кысыкульской энеолитических археологических культур Северного Казахстана и Южного Урала. Казалось бы, и у них, с такими соседями, как древнеямные племена, также должна быть хорошо развита металлургия меди. Однако на их поселениях медные предметы и следы плавки меди почти не известны. Некоторые археологи думают, что местные народы, жившие здесь и прежде, говорившие на праугорских языках, и пришельцы – древнеямные племена, которых часть ученых считает древнейшими индоевропейцами, стали непримиримыми врагами и практически не общались.

Бронзовый век – первая эпоха в истории Южного Урала, когда археологи могут уверенно говорить о переселениях сюда больших групп людей из разных районов. Для большей части степей и лесостепей Южного Зауралья и Северного Казахстана бронзовый век – это история живших во времени относительно последовательно групп племен, известных археологам как алакульские, федоровская и алексеевская археологические культуры (рис. 144). Формированию алакульских культур Южного Зауралья, Северного Казахстана, предшествовала краткая, но очень яркая история сравнительно немногочисленной группы населения, переселившейся сюда из степей между Волгой и Уралом, оставившей после себя поселения и могильники так называемого «синташтинского типа».

Рис. 141. Медный топор. Случайная находка у пос. Княженский. Средний бронзовый век (проекция А)

Рис. 142. Медный топор. Случайная находка у пос. Княжеский. Средний бронзовый век (проекция Б)

Рис. 143. Собирательный образ металлопроизводства в бронзовом веке Южного Зауралья

Рис. 144. Поселение Архангельский Прииск I на реке Черной. Котлованы построек

Новые пришельцы обживают степи Южного Зауралья. С 1980-х гг. археологи изучают в степях Южного Урала укрепленные рвами и оборонительными стенами древние поселения. Их относят ко времени бронзового века между 4100—3800 лет от наших дней. Особую известность приобрели тогда раскопки поселения и могильника на реке Синташта на юге Челябинской области.

Археологам тогда очень помогли... специалисты по расшифровке снимков поверхности Южного Зауралья, сделанных с самолета. А подобные снимки имеются у геологов на все районы страны. Именно приборы аэрофотодешифровщиков — стереоскопы — позволили открыть, казалось, навсегда потерянную в веках историю людей, которые имели странное обыкновение жить исключительно за оборонительными стенами.

Поздней осенью — ранней зимой 1986/1987 г. автор этих строк познакомился с двумя милыми женщинами-геологами: Ией Михайловной Батаниной и Нинель Викторовной Левит. Они занимались дешифровкой аэрофотоснимков для нужд южноуральской геологии, а наша экспедиция к тому времени уже несколько лет раскапывала укрепленное поселение бронзового века Устье I на границе Карталинского и Варненского районов Челябинской области. И мне было любопытно увидеть, как руины планировки древнего Устья выглядят на аэрофотоснимке. По этому поводу мы и встретились с И.М. Батаниной несколько раз. Она нашла нужный аэрофотоснимок, и мы вместе насладились невероятным для археолога зрелищем — общим видом укрепленного поселения Устье: светлым фототоном развалов оборонительных стен, темными полосками рвов. Через неделю Ия Михайловна позвонила мне и сообщила, что нашла 14 подобных объектов.

Так зимой 1986/1987 г. было сделано выдающееся открытие — одно из самых ярких не только в археологии страны, но и в мировой археологии XX в. (рис. 145). И сделала это открытие геолог, дешифровщик аэрофотоснимков Ия Михайловна Батанина. Следующим летом (1987 г.) мы со студентами-археологами и коллегами-топографами с естественно-географического факультета ЧГПИ уже снимали инструментальные планы нескольких открытых И.М. Батаниной укрепленных поселений (Устье, Родники) в Варненском и Карталинском районах, Черноречье III в Троицком районе (рис. 146) и произвели разведку на укрепленном поселении Ягодный Дол на реке Бирсуат в Брединском районе. Археолог Владимир Петрович Костюков выполнил эту работу для укрепленного поселения Журумбай в Карталинском районе.

Укрепленное поселение Аркаим. Тем же летом 1987 г. в засушливых степях на юге Челябинской области двое школьников, работавших в археологической экспедиции ЧелГУ, зажгли звезду Аркаима. Если говорить более приземленно — они случайно наткнулись на развалины, которые археологами были определены как руины еще одного укрепленного поселения, существовавшего около 4 тыс. лет назад, в бронзовом веке. Возвращаясь к укрепленному поселению Аркаим после всего сказанного выше, отметим вот что. До находки Аркаима, названного так исследователями по названию расположенной неподалеку горы, укрепленные поселения бронзового века такой степени сохранности, практически без следов разрушений его современными людьми, археологам еще не встречались. На аэрофотоснимках еще до раскопок просматривалась четкая концентрическая структура — почти идеальный круг.

Проблема была в другом. Найденный памятник находился в зоне затопления практически построенного Караганского водохранилища, должен был быть затоплен и, конечно, по этой причине потерян для науки. Археологи ЧелГУ, опираясь на широкую общественность, сделали невозможное. Правительство страны оста-

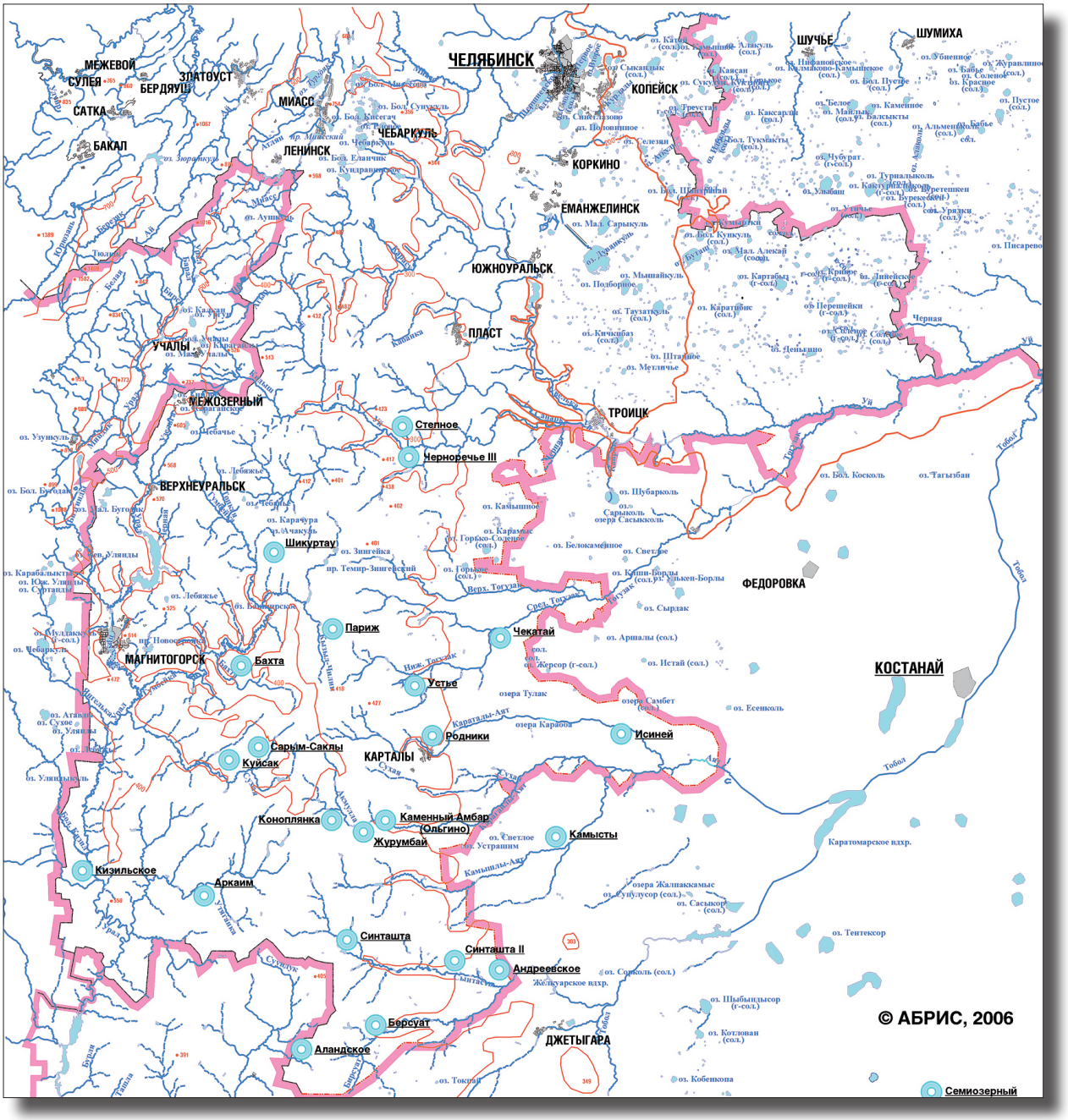

Рис. 145. Синташтинские укрепленные поселения на карте Южного Зауралья (по М.С. Гитису)

новило стройку. Укрепленное поселение было спасено для науки. В период неопределенности исхода борьбы за Аркаим археологи приложили максимум усилий для его изучения. Объединенными усилиями было спешно исследовано более 8000 кв. м площади поселения – невиданные масштабы раскопок для памятников бронзового века в наших местах.

Нельзя сказать, что ранее укрепленные поселения бронзового века в Южном Зауралье не были известны. Еще в конце 1940-х гг. археолог Константин Владимирович Сальников изучал у Магнитогорска так называемое Мало-Кизильское селище с явными следами оборонительных укреплений. В начале 1970-х гг. археолог Владимир Савельевич Стоколос раскапывал укрепленное поселение бронзового века у с. Кизильское, на старичной протоке реки Урал.

Укрепленное поселение на р. Синташта. В начале 1970-х гг. археологами Уральской археологической экспедиции под руководством выдающегося уральского археолога Владимира Федоровича Генинга было начато исследование Синташтинского укрепленного поселения на р. Синташта (Сынтасты) в Брединском районе Челябинской области (рис. 146). Название реки, кстати, с казахского переводится как «Могильная».

К сожалению, большая часть поселения была за прошедшие тысячелетия уничтожена — смыта разливами реки. Но и то, что сохранилось, потрясло археологов. Первоначально округлая площадка, как установили ученые, была опоясана двумя линиями обороны. Каждая состояла из уступчатого рва и расположенной за ним стены сложной конструкции. При ее возведении использовались не только дерево, земля и дерн, но и, как считают исследователи, глиняные блоки. Внешняя стена была как бы составлена из бревенчатых срубов, поставленных по кругу, заполненных землей и покрытых с наружной стороны глиной. Никогда до этого времени в южноуральских степях ни один народ не строил ничего подобного! Ученые полагают, что стены Синташтинского укрепленного поселения в высоту достигали 3,5 м. Несколько ворот позволяли свободно проезжать разнообразным повозкам. К линиям обороны изнутри были пристроены трапециевидные в плане помещения, стены которых, как полагают исследователи, выкладывались из глины. Продольные стены были общими для соседних помещений. Внутри каждого из помещений — по нескольку комнат, составлявших жилую часть. Но в каждом из помещений была и хозяйственная часть, где размещался колодец, печи купольного типа, а также ямы хозяйственного назначения. В каждом из описанных помещений, по мысли исследователей, жило по 20—30 человек из нескольких поколений близких родственников.

Рис. 146. Укрепленное поселение Синташта I. Аэрофото

Укрепленное поселение у с. Черноречье. Другое подобное укрепленное поселение этого же типа известно археологам у с. Черноречье в Троицком районе, при впадении в реку Уй реки Черной (рис. 147). Здесь площадка, ограниченная оборонительными стенами и рвами, прямоугольная в плане. Вдоль внутреннего края оборонительных стен расположены «массивы» помещений, разделенных засыпными стенами. Древние строители для усиления системы обороны, равномерно подрезали край площадки поселения, обращенный к реке Черной, сделав его более крутым. Рядом было достаточно места для обустройства кладбища, но обитатели древнего Черноречья предпочли основать его... на противоположном берегу реки Черной, что, согласитесь, более неудобно и трудоемко, если говорить об организации погребений, поминальных обрядов и т.д.

Ученые видят в этом факте отражение верований, согласно которым мир живых и потусторонний мир – мир мертвых, должна разделять водная преграда, как позднее считали древние греки и римляне.

Синташтинский могильник. Недалеко от стен Синташтинского поселения, к северу от него, археологи практически случайно открыли могильник, принадлежавший жителям поселения. Могилы располагались группами. Каждую группу отличало тяготение могил, расположенных по краям, к некоему центру. Скорее всего, каждая из этих групп была кладбищем одной большой семьи, занимавшей на поселении одно помещение.

Деревянными клиньями древние строители отделяли пласты твердой глины с камушками, отрывая, таким образом, огромные по объему ямы, в которых собирали подготовленные заранее срубы или конструкции из бревен и тесаных досок – порой двухэтажные гробницы – «дома мертвых». Скорее всего, их стены украшали войлоками. Ими же выстилали и дно.

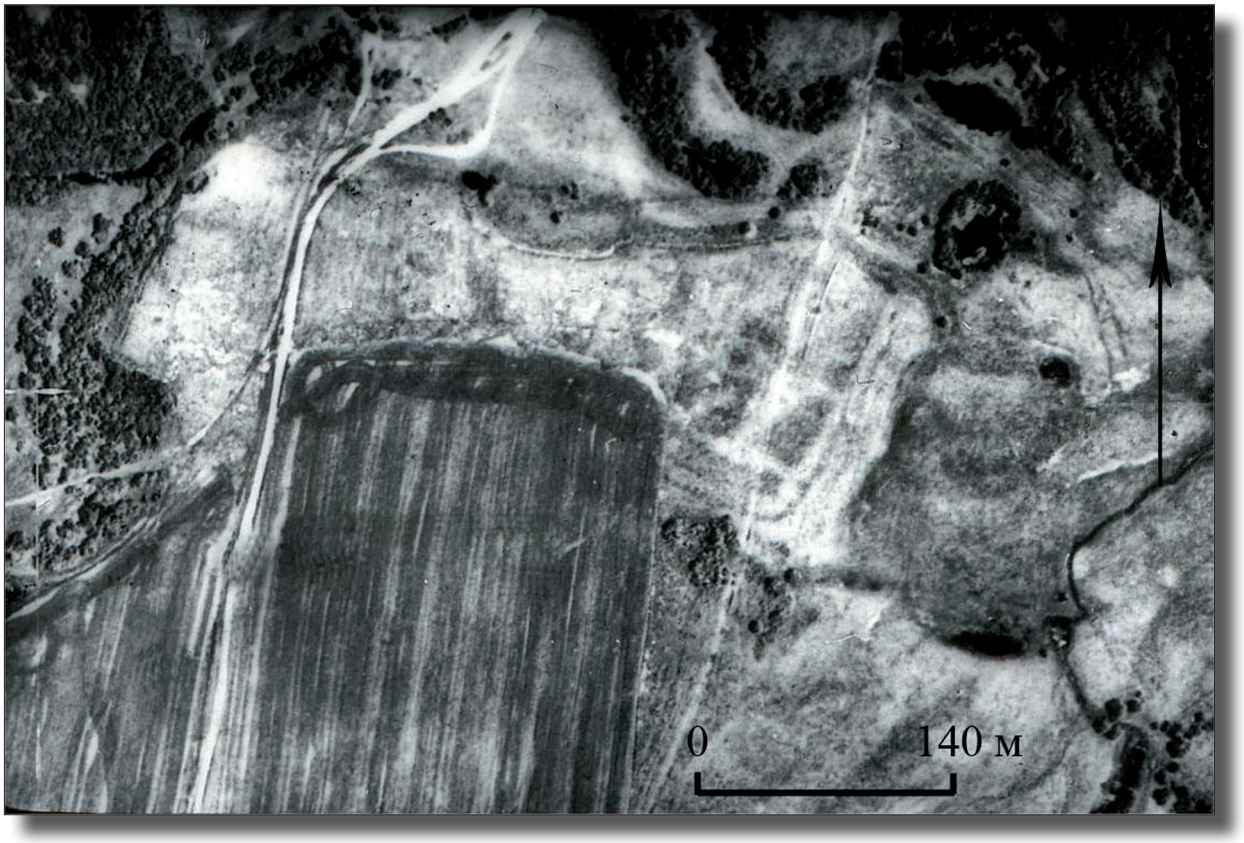

Рис. 147. Укрепленное поселение бронзового века у пос. Черноречье. Аэрофотоснимок

Погребенных людей хоронили в одежде, с украшениями, орудиями труда или вооружением либо «в позе спящего» на боку скорченно, с кистями рук у лица, либо на спине с поднятыми в коленях ногами. Два погребения вообще изумили археологов. Кости людей, видимо погибших вдали от родных мест и похороненных не сразу, были аккуратно сложены в некую кожаную, деревянную (или из коры?) емкость. Сверху поместили череп погребенного. В остальном здесь все было, как и в других погребениях.

В углубления пола нескольких деревянных гробниц Синташтинского могильника были поставлены по два деревянных колеса, снабженных спицами (рис. 148; 149). Интересно то, что в противоположной от колес стороне пола подобных гробниц часто устанавливались на основания головы двух коней (рис. 150). Рядом парами укладывались их обрубленные ноги, и все это сооружение покрывалось конской шкурой. У голов коней находились и уцелевшие через тысячелетия остатки узды — роговые диски с отверстием в центре и шипами с одной стороны (рис. 151; 152). Смысл этого ритуала и облик самих повозок не ясны и до сих пор.

Одни ученые считают, что в гробницы ставили самые настоящие боевые колесницы, а погребенные в них были знатными воинами, управлявшими жизнью общины. Тем более что в этих же могилах часто находились и дорогостоящие предметы вооружения — увесистые боевые бронзовые топоры с бойком на тыльной части обуха (рис. 153). Такими топорами можно было и с врагом справиться и применить для лишения жизни коня или быка при совершении священных ритуалов. Изящные бронзовые наконечники копий (рис. 154), обоюдоострые кинжалы (рис. 155), каменные и бронзовые наконечники стрел дополнили представления археологов о вооружении древних воинов (рис. 156–157).

Рис. 148. Синташтинский «грунтовый» могильник. Отпечатки двух колес, вкопанных в дно погребальной камеры

Рис. 149. Синташтинский «грунтовый» могильник. Отпечаток нижней части колеса, вкопанного в дно погребальной камеры

Рис. 150. Синташтинский «грунтовый» могильник. Имитация пары колесничных коней в погребальной камере могильной ямы № 30

Рис. 151. Могильник Кривое Озеро.
Роговой псалий-нащечник — деталь узды колесничного коня

Рис. 152. Могильник Кривое Озеро.
Роговой псалий-нащечник — деталь узды колесничного коня (оборот)

Рис. 153. Синташтинский «грунтовый» могильник. Бронзовый боевой «вислообушный» топор

Рис. 154. Синташтинский «грунтовый» могильник. Бронзовые наконечники копий

Рис. 155. Синташтинский II могильник. Археолог В.Ф. Генинг за расчисткой остатков колчана стрел

Рис. 156. Укрепленное поселение Устье I. Бронзовый нож-кинжал.

Однако другие археологи полагают, что речь может идти, скорее, не о помещении полностью двухколесных повозок в эти гробницы, а о том, что это были лишь колеса, вкопанные на четверть диаметра в пол. «Кузовом» подобной повозки, как думали древние люди, была... сама деревянная гробница, которую вместе с погребенным «кони» влекли в «Страну мертвых». Она, судя по тому, в какую сторону горизонта были повернуты головами погребенные взрослые люди и морды коней, находилась в северной части горизонта. В гробницах были найдены и специально устроенные деревянные отсеки-лари, забитые головами, ногами (и шкурами?) домашних животных. Туши убитых бойками боевых топоров коней укладывали и на деревянное перекрытие гробниц (до шести в одной могиле). Кроме коней для жертвоприношений использовали быков, овец и собак. Они должны были возродиться в следующей жизни или стать приношением могучим богам.

Раскапывая этот могильник и подобные ему этого же времени и народа археологи не переставали удивляться, насколько сложны здесь погребальные обряды и богат инвентарь. Было выдвинуто предположение, что найденный на реке Синташта древний могильник содержал лишь погребения знатных людей, прежде всего воинов-колесничих, которые не только храбро сражались, но и руководили жизнью общины. Но с этим утверждением согласны не все.

Могильник Кривое Озеро у с. Черноречье Троицкого района. Археологи Челябинского государственного педагогического института еще в 1980-е гг. изучили в этом могильнике, названном по близко расположенной старице р. Черной «Кривое Озеро», четыре кургана, а под ними более 50 синташтинских погребений и могил чуть более позднего, но связанного с «синташтинцами» петровского этапа истории алакульской культуры Южного Зауралья.

Раскопки могильника порадовали археологов. Остатки нескольких колесниц, помещенных в деревянные, порой двухэтажные, гробницы, 11 роговых псалиев-нащечников — деталей узды колесничных коней, бронзовые кинжалы, наконечник копья, разнообразные украшения, около 200 керамических сосудов — все эти остатки исчезнувшей давно жизни стали активно изучать ученые различных специ-

Рис. 157. Синташтинский II могильник.
Бронзовые и каменные наконечники стрел в колчане

альностей: археологи, археозоологи, антропологи, историки металлургии и многие другие (рис. 158–161).

Схожую картину увидели и археологи, исследовавшие синташтинские могильники на р. Карагайлы-Аят в урочище Каменный Амбар, у с. Степное на реке Уй,

Рис. 158. Могильник Кривое Озеро. Синташтинский сосуд

Рис. 159. Могильник Кривое Озеро Синташтинский сосуд с рельефной орнаментацией

Рис. 160. Могильник Кривое Озеро. Рельефная орнаментация синташтинского сосуда

Рис. 161. Могильник Кривое Озеро. Миниатюрный сосуд

Большекараганский могильник на реке Караганке в окрестностях известного укрепленного поселения Аркаим.

В Северном Казахстане на рубеже 1960—1970-х гг. археолог Геннадий Борисович Зданович открыл целую серию укрепленных поселений позднего бронзового века: Петровка II, Новоникольское I, Боголюбово I. Первым из них было поселение Петровка II, поэтому подобные памятники стали называть «петровскими». Со временем выяснилось, что люди, оставившие их, жили чуть позднее, чем «синташтинцы» в Южном Зауралье.

Загадочные строители укрепленных поселений. К настоящему времени известно 23 подобных Синташте, Аркаиму укрепленных поселения, оставленных одним и тем же населением примерно в одно и то же время. Полосой с севера на юг расположились они вдоль восточных предгорий Южного Урала: от реки Уй до севера Оренбургской области. Ученые вели большие работы на семи из них.

Кем были и откуда пришли строители загадочных укрепленных поселений? Они пришли в Южное Зауралье с запада примерно в XXI в. до н.э. Мы никогда не узнаем, как они в действительности себя называли, — нет данных. Но, едва появившись, они выстроили впервые в истории этих степей огромные поселения, обнесенные стенами и рвами. Если посмотреть на них сверху, то окажется, что стены и рвы окружали округлую или овальную площадку. В помещениях, расположенных рядами вдоль стен с внутренней стороны, могло жить одновременно по разным подсчетам от 800 до нескольких тысяч человек.

Привыкшие жить небольшими группами родственников на столь же небольших стоянках, местные жители присматривались к огромным по меркам того времени крепостям. Можно только догадываться, какие они испытывали чувства при этом: удивление, страх или почтение? И было от чего! Если местные народы были охотниками-рыболовами и собирателями, то завоевателей кормило скотоводство и производство меди-бронзы.

Уже первые раскопки выяснили, что большинство из синташтинских поселений обживались и перестраивались, по меньшей мере, дважды. Часто после разрушения синташтинских поселений на их месте строились подобные. Предметы, оставленные в них, убедили ученых в том, что поселения были вновь отстроены уже петровским (раннеалакульским) населением.

Укрепленные поселения строились по заранее разработанным планам. Почему археологи так считают? Вот некоторые из доказательств. Размеры помещений в пределах одного поселения практически одинаковы. Колодцы, имевшиеся в каждом помещении, находятся каждый на строго размеченном месте, и, если встать перед одним из них, все колодцы окажутся на одной линии. Это возможно только при условии, что линия колодцев была размечена до строительства стен.

Использовались разнообразные строительные материалы: дерево, камень, глина, земля. Во рвах этих поселений имелись проходы к воротам. Сами стены устраивались по-разному. В качестве их каркаса применялись деревянные или глинобитные конструкции. Затем эти каркасы засыпались грунтом. Вдоль стен изнутри пристраивались дома. Их справедливее назвать помещениями, потому что они не стояли отдельно друг от друга. Их разделяли засыпные стены, а соединяли проходы в этих стенах. Помещения были перекрыты общей кровлей.

Если укрепления поселения оконтуривали округлую в плане площадку, то помещения строились трапециевидные в плане. Они располагались также по кругу вдоль стены или в два круга с незастроенной площадкой в центре. Если укрепления ограничивали прямоугольную площадку, то два ряда прямоугольных помещений пристраивались с внутренней стороны вдоль длинных стен. Между ними располагалась

центральная улица. Если ряды помещений ориентировались вдоль коротких стен, то улиц было несколько. Для сооружения каждого из подобных помещений отрывался неглубокий котлован. Вдоль его краев вкапывались вертикальные столбы, которые удерживали горизонтальные бревна стен. Из помещений можно было выйти на внутреннюю улицу. Выходы не имели ступенек и выглядели как пологие подъемы — пандусы. Полы выполнялись из дерева, стены в жилой части, возможно, штукатурились. Кровля над этими помещениями, скорее всего, была плоская, с аклоном внутрь поселения. Вряд ли можно себе представить помещение без световых окон в кровле, легких перегородок, деливших его на отсеки. Предполагается, что в каждом помещении жила большая семья из нескольких поколений близких родственников.

По разным причинам и в разное время эти укрепленные поселения были оставлены людьми. Аркаим, например, пришел в запустение вскоре после сооружения. На других поселениях, существовавших дольше, остались следы обычной жизни. Люди, жившие здесь тогда, занимались пастушеским скотоводством. В их стадах был крупный и мелкий рогатый скот, лошади. Тысячи костей домашних животных подтверждают это. Обломки керамики, костяные и каменные изделия повествуют о жизни, обычной для степных народов того времени.

До сих пор над развалинами этих укрепленных поселений витает дух волшебства-колдовства. Раскапывая похожее на Аркаим укрепленное поселение Устье на границе Варненского и Карталинского районов Челябинской области, ученые встретили странные скопления костей домашних животных. Представьте себе аккуратно уложенные под полом помещения в глубокой яме по кругу 12 черепов коров, лошадей и овец. Внутреннее пространство круга было заполнено плотно уложенными костями ног тех же животных. Конечно, перед нами жертвенник — остатки ритуальной трапезы обитателей поселения, а кости принадлежали жертвенным животным. По древним верованиям в подобной трапезе незримо участвовали и боги. Подобные жертвенники многочисленны, встречаются как на поселениях, так и на могильниках и имеют различный вид (рис. 162–163). Это может быть и захороненная перед входом в помещение собака. Внутри помещений, под полами были найдены погребения детей. Это также остатки обрядов, при совершении которых определенные дети при определенных условиях должны были быть похоронены именно здесь.

Металлопроизводство в жизни обитателей укрепленных поселений. Одно обстоятельство удивило археологов во время изучения загадочных укрепленных поселений бронзового века в Южном Зауралье более всего: огромное количество находок, связанных с металлургией и обработкой бронзы. Это были куски медьсодержащих минералов — малахита и азурита, металлургические шлаки (рис. 164), слитки металла (рис. 165), заготовки (рис. 166) и разнообразные готовые орудия: обломки рудотерок, каменные песты и молотки разных размеров, керамические изложницы (неглубокие тарелки, в которые разливался расплавленный металл) и другие предметы.

Во всех помещениях рядом с колодцами они постоянно находили округлые выкладки из прокаленных камней, от которых к колодцам шла канавка. Оказалось, что выкладки — это основания небольших глинобитных печей. Их свод имел вид полусферы. В подобных печах не только готовили пищу, но и плавили металл. В этом случае печь загружалась древесным углем вперемешку с готовым к расплаву ломом металла, либо порцией истертой до порошкообразного состояния медной руды. Для достижения необходимой температуры в печь вдували воздух при помощи специального меха, соединенного с печью глиняной или деревянной трубкой — соплом. Воздух мог поступать в печь и из колодца. Археологи и историки металлургии выяснили, что при определенных условиях это было возможно, благодаря разнице температуры у поверхности воды в колодце и наверху.

Рис. 162. Укрепленное поселение Устье I.
Жертвенник под полом помещения (кости животных)

Рис. 163. Синташтинский «грунтовый» могильник. Жертвенный комплекс

Рис. 164. Укрепленное поселение Устье I. Металлургический шлак

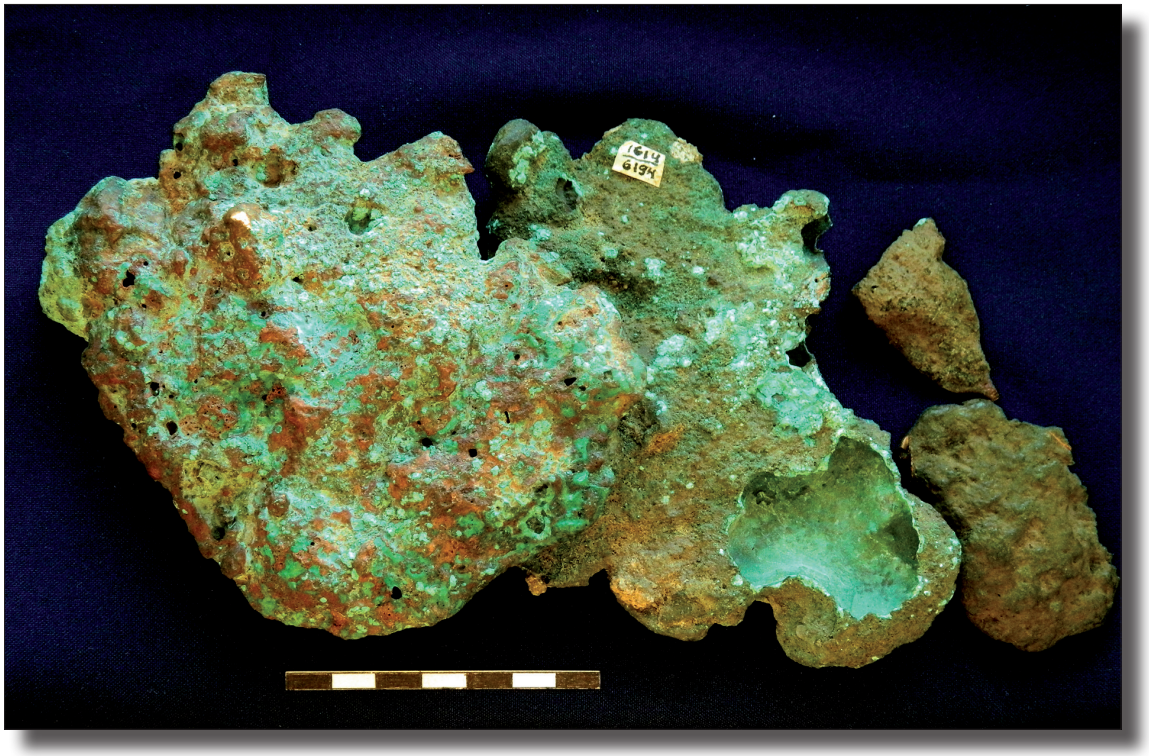

Рис. 165. Укрепленное поселение Устье I. Слитки черновой меди

Рис. 166. Укрепленное поселение Устье I. Медные и бронзовые заготовки-полуфабрикаты

Итак, в каждом помещении — по металлургической печи. Древние мастера умели ковать бронзовые предметы, отливать их в каменных или керамических формах, сваривать. В раскопанных около укрепленных поселений могильниках изредка встречаются погребения мастеров — металлургов. По данным ученых, в каждом пятом погребении людей этого народа находятся инструменты металлопроизводства, медная руда или металлургический шлак. В окрестностях некоторых из укрепленных поселений найдены и древние рудники. Геологи сравнивали добытую из них руду с образцами руды из развалин укрепленных поселений. По составу они оказались очень близкими.

Так что уже около 4 тыс. лет назад в степях Южного Зауралья жил народ, одним из основных занятий которого, помимо скотоводства, была металлургия и обработка бронзы.

Кланы металлургов-кузнецов. Помните, мы уже говорили, что любой древний народ имел свое «лицо» (определенным образом обустраивал жилье и могилы, использовал одни и те же по форме и орнаменту глиняные сосуды и так далее)? «Синташтинцы» — обитатели укрепленных поселений, будто решили посмеяться над археологами! В орнаментах их глиняной посуды переплелись черты нескольких народов. Некоторые ученые объясняют это тем, что описанные поселения были оставлены переселявшимися в то время с запада на восток народами с различной керамикой. Но есть и другое предположение. Дело в том, что древние металлурги и кузнецы передавали тайны своего ремесла по наследству, из поколения в поколение.

Этнографы, изучавшие, как живут и работают кузнецы у народов, чей образ жизни еще недавно был близок к древнему, установили, что даже жен кузнецы предпочитали брать только из семей кузнецов, даже если это был клан кузнецов соседнего народа, чтобы тайны ремесла не стали известны непосвященным. Перейдя жить в семейный клан мужа, жена продолжала изготовлять глиняную посуду, как это было принято у женщин ее народа. Может быть, этим и объясняется разнообразие орнаментов на посуде из загадочных поселений? Возможно, основное население укрепленных поселений и составляли члены кланов горняков-металлургов-кузнецов?

Знаете ли вы, чем отличается ремесло от волшебства? Подумаем вместе. Конечно, волшебство предполагает власть колдуна над кем-то или чем-то, предполагает общение с духами, богами. Именно волшебством и были в глазах современников древняя металлургия и обработка металлов. В самом деле, как можно спокойно относиться к превращению зеленого камня в расплавленное «солнце», а затем — в золотистую бронзу! Конечно, это сплошное волшебство, колдовство. Так и воспринимали кузнецов-литейщиков народы, которые еще сравнительно недавно жили жизнью, похожей на жизнь древних людей. Древние металлурги считали металл «ребенком», родившимся от брака металлургической печи с воздухом, который нагнетался в нее при помощи мехов. Волшебными и, конечно, живыми, равноправными с мастером участниками колдовства считались и инструменты, особенно литейные формы и сопла (глиняные или деревянные трубки, соединявшие меха с печью). Раскапывая укрепленные поселения начала бронзового века в Южном Зауралье, археологи не перестают удивляться тому, что среди многочисленных следов работы с рудой и металлом почти нет литейных форм и сопел. По раскопкам в других местах известно, что вышедшие из строя сломанные литейные формы и другие принадлежности металлургии древние мастера хоронили так, как людей. Находка подобного «клада» обломков литейных форм заключительного этапа бронзового века, была сделана на берегу Первого озера в черте г. Челябинска.

Ученые считают, что уже в эту эпоху мастера могли создавать различные виды бронзы: один состав для изготовления оружия, другой — для украшений. Какие же это «дикари»! Это сейчас у нас в распоряжении и книги, и приборы. Знания древних предшественников приобретались в ходе многочисленных опытов, превращаясь в обряд, колдовство. Огненное ремесло и тогда было невозможно без мер и весов, без знания пропорций. Это отразилось не только во внешнем виде предметов той поры, но и в правильности очертаний поселений в целом, строгости внутренней застройки. Конечно, оборонительные укрепления, прежде всего, использовались для защиты поселений от врагов. Но было у них и другое назначение — выполнять роль своеобразной магической черты, границы, которая отделяла мир колдунов-металлургов от обычных людей, смотревших на них со страхом и поклонением.

«Синташтинцы» не только изготавливали бронзовые предметы, но и были участниками караванов (с металлическими изделиями?) к соседним и весьма далеким народам. Откуда мы узнаем об этом? Дело в том, что они (вынужденно?) оставляли могилы своих сородичей далеко от родных мест, на чужих кладбищах от Западной Сибири до Поволжья. Почему там эти могилы должны считаться могилами южноуральцев? Каждый народ хоронил своих умерших сородичей по-своему, и археологи, увидев почти полное их сходство с южно-уральскими, поняли, что эти люди туда пришли с Южного Урала.

Около 3800 лет назад строительство укрепленных поселений металлургов-кузнецов в Южном Зауралье прекратилось и в бронзовом веке более не возобновлялось. По каким-то причинам необходимость в них отпала. Нет, огненное ремесло не исчезло. Просто оно стало другим, по-другому организованным. Вряд ли ученые

придут к одному мнению, обсуждая причины прекращения строительства этих поселений. Но поразмышлять над этим стоит. По поводу назначения укрепленных поселений бронзового века на Южном Урале существуют и другие точки зрения. Не удивляйтесь, встретив их. Постарайтесь сопоставить мнения и принять чью-либо точку зрения. И последнее об укрепленных поселениях. В районах восточнее Южного Зауралья – в Северном Казахстане и в Среднем Притоболье традиция сооружения укрепленных поселений продолжалась еще несколько веков.

Археологи видят синташтинское общество по-разному. Одни полагают, что это скотоводческое общество с сильной степенью милитаризации, руководимое военной элитой. Другие считают, что общество синташтинцев было обществом равных, что не исключало власти вождей, хотя и по этому вопросу среди ученых нет единства мнений. Наконец, есть мнение, что причины равенства и непомерного богатства всех членов синташтинского общества нужно опять-таки искать в металлопроизводстве, в его магическом оформлении.

Синташтинцы не только создали уникальное общество колдунов – металлургов и кузнецов. Они были одними из первых народов в степях Евразии, создавших легкую деревянную двухколесную колесницу, запряженную двумя конями. Они изобрели и оригинальную упряжь для колесничных коней. Ее центральной частью были роговые пластины (диски или сегменты) – нащечники с одним или несколькими отверстиями и шипами с одной стороны. Шипы прилегали к губам лошади. Нащечники, соединенные с ремнями узды и поводьями, позволяли строго управлять одновременно парой лошадей. Одни археологи считают, что колесницей мог управлять один воин-возничий. Чтобы эффективно управлять лошадьми колесницы ему было необходимо обмотать поводья вокруг пояса, освободив, таким образом, руки для оружия (копья, лука). Другие ученые полагают, что в кузове колесницы находилось два человека. Один из них управлял конями. Второй выполнял функции воина.

Достижения культуры синташтинцев (технология строительства отдельных домов и поселений в целом, планировка и устройство могильников и отдельных гробниц в них, навыки скотоводства, технология гончарства, производства металлов) – все это было чрезвычайно быстро воспринято местными племенами. По принципу эстафеты культурные достижения южноуральских «синташтинцев» распространились на степи Северного, Центрального Казахстана. Вчерашние охотники-рыболовы очень быстро превратились в пастухов алакульских культур отдельных территорий, живших оседло и унаследовавших от «синташтинцев» тайны «огненного ремесла».

Абашевская культура бронзового века на Южном Урале. В то время, когда «синташтинцы» осваивали богатое медными месторождениями Южное Зауралье, в лесостепях современной Башкирии уже жили пришедшие с запада, из Поволжья другие завоеватели – племена абашевской культуры. До сих пор ученые не могут определенно сказать, откуда они пришли в Поволжье и с какой целью. Археолог из Уфы, Владимир Степанович Горбунов считает, что абашевские племена родом из Центральной Европы, а пришли они на Южный Урал по лесостепям все за тем же металлом, что и «синташтинцы». Через Поволжье они прошли так быстро, что не оставили даже поселений, только курганные могильники, под которыми в могилах захоронены в необычной позе – на спине, с поднятыми в коленях ногами, погребенные «абашевцы».

На Южном Урале они устроились основательно. Хорошо известны их поселения с обильными следами как скотоводства, так и металлургии бронзы (Береговские поселения, поселение Тюбяк и другие) и могильники, где, помимо самих погребенных, найдена необычная для здешних мест, богато орнаментированная ке-

рамика. «Абашевцы» не просто соседили с «синташтинцами», но и активно с ними смешивались. Скорее всего, были ими поглощены.

Небольшая часть абашевских металлургов-кузнецов была оттеснена в горно-таежные районы Южного Урала. Археологи узнали об этом во время исследования городища раннего железного века Серный Ключ у г. Нязепетровска. Здесь, под руинами городища раннего железного века неожиданно обнаружились остатки металлургического горна, характерная абашевская керамика, принадлежности металлурга и готовые металлические предметы, отложившиеся здесь ранее на тысячу лет.

Абашевское время на Южном Урале длилось очень недолго. В Южном Зауралье достоверно известно лишь одно поселение — сгоревшее в пламени пожара и военного конфликта(?) «Мало-Кизильское селище», расположенное недалеко от современного города Магнитогорска. Керамика из культурного слоя этого поселения определена как абашевская. Здесь же еще в 1920-е гг. случайно был найден так называемый «Верхне-Кизильский клад» — собрание самых различных металлических вещей. Скорее всего, «клад» был своеобразной сокровищницей, копившейся в течение длительного времени и спрятанной в сложные дни его истории. Основная территория расселения «абашевцев» находилась в более западных районах Башкирии.

Алакульская культура бронзового века. «Синташтинцы» очень серьезно повлияли на процесс формирования нескольких групп археологических культур бронзового века степей Южного Зауралья и Казахстана, в частности, сразу нескольких алакульских культур, объединенных исследователями в алакульскую культурно-историческую общность. Каждая из алакульских культур прошла за свою историю несколько этапов. Какое-то время население алакульских культур Южного Зауралья и Северного Казахстана продолжало традицию строительства укрепленных поселений.

В Южном Зауралье масштабно изучено укрепленное поселение Устье I. Верхняя часть его культурного слоя содержит руины укрепленного поселения алакульской культуры (раннего — петровского этапа его истории). В это время на внутренней, прямоугольной в плане площадке, ограниченной стенами и рвами, вдоль внутреннего края длинных сторон обводной стены были сооружены два массива помещений под единой кровлей (рис. 167—169). Помещения разделяли засыпные стены (рис. 170—171). Внутреннее пространство каждого помещения было разделено на жилую и хозяйственную части. Центром хозяйственной части был колодец и расположенная рядом печь. Легкие вспомогательные навесы, пристроенные к помещениям, были обращены к своеобразной улице между массивами помещений. В оборонительных укреплениях было не менее двух проходов — проездов для колесного транспорта и проходов для людей. Исследование Устья показало, что алакульское население Южного Зауралья переняло и творчески переработало синташтинское культурное наследие.

Десятки не укрепленных алакульских поселений (селищ) и курганных могильников известны ученым в степях и лесостепях Южного Зауралья. И сейчас по берегам степных рек, например, Караталы-Аят в Варненском районе, в окрестностях сел Кулевчи, Катенино, у современных сел Карталинского района (Вишневка, Красный Яр), по реке Черной в Чесменском районе и в других степных районах Южного Зауралья можно увидеть руины поселений бронзового века — оплывшие за тысячелетия котлованы построек, расположенные то в «улицу» вдоль берега, то беспорядочной, на первый взгляд, группой.

Древние Кулевчи. Одно из подобных поселений, условно названное «Кулевчи III» в конце 1970 — начале 1980-х гг. археологи Геннадий Борисович Зданович и Николай Борисович Виноградов исследовали на левом берегу реки Караталы-Аят в 9 км восточнее современного села Кулевчи (рис. 172). Поселение существовало в брон-

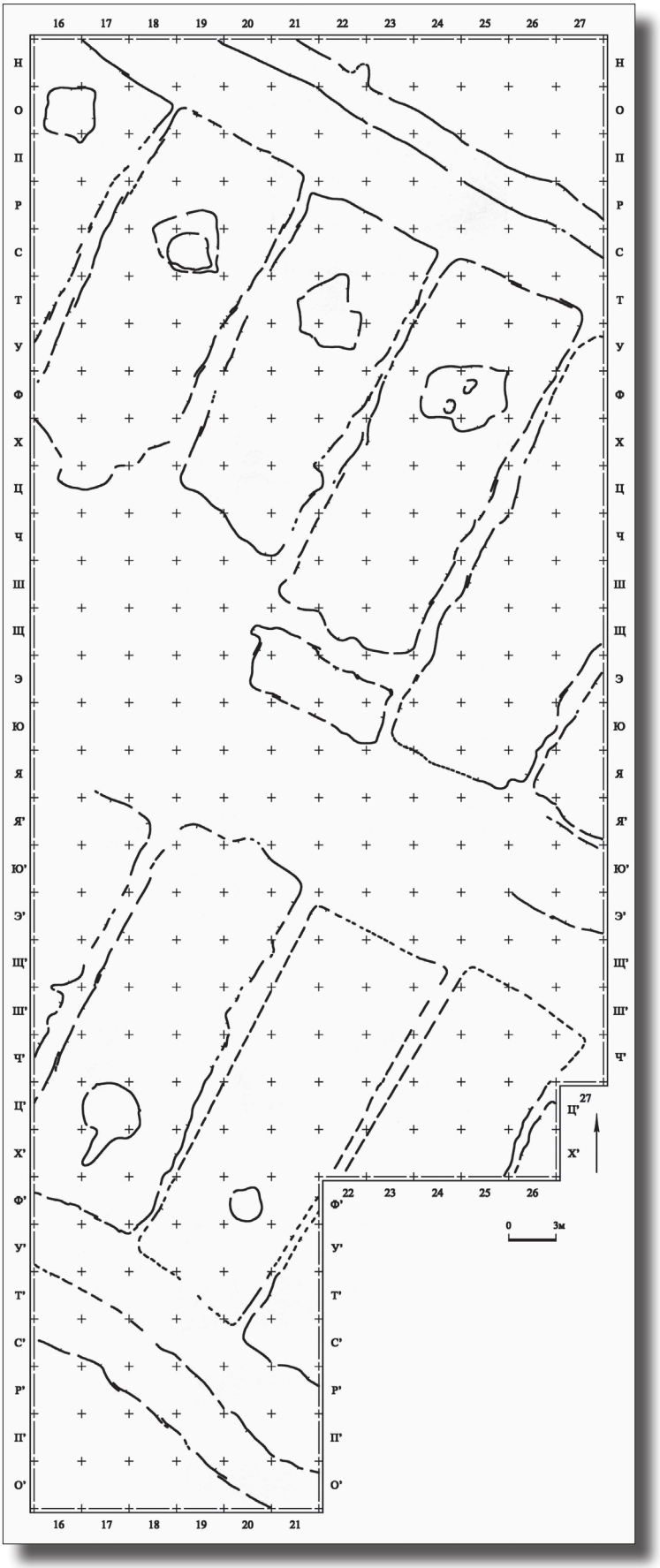

Рис. 167. Укрепленное поселение Устье I. Планировка петровского периода его истории

Рис. 168. Панорама остатков укрепленного поселения Устье I петровского этапа его истории

Рис. 169. Укрепленное поселение Устье I. Ров петровского периода истории поселения

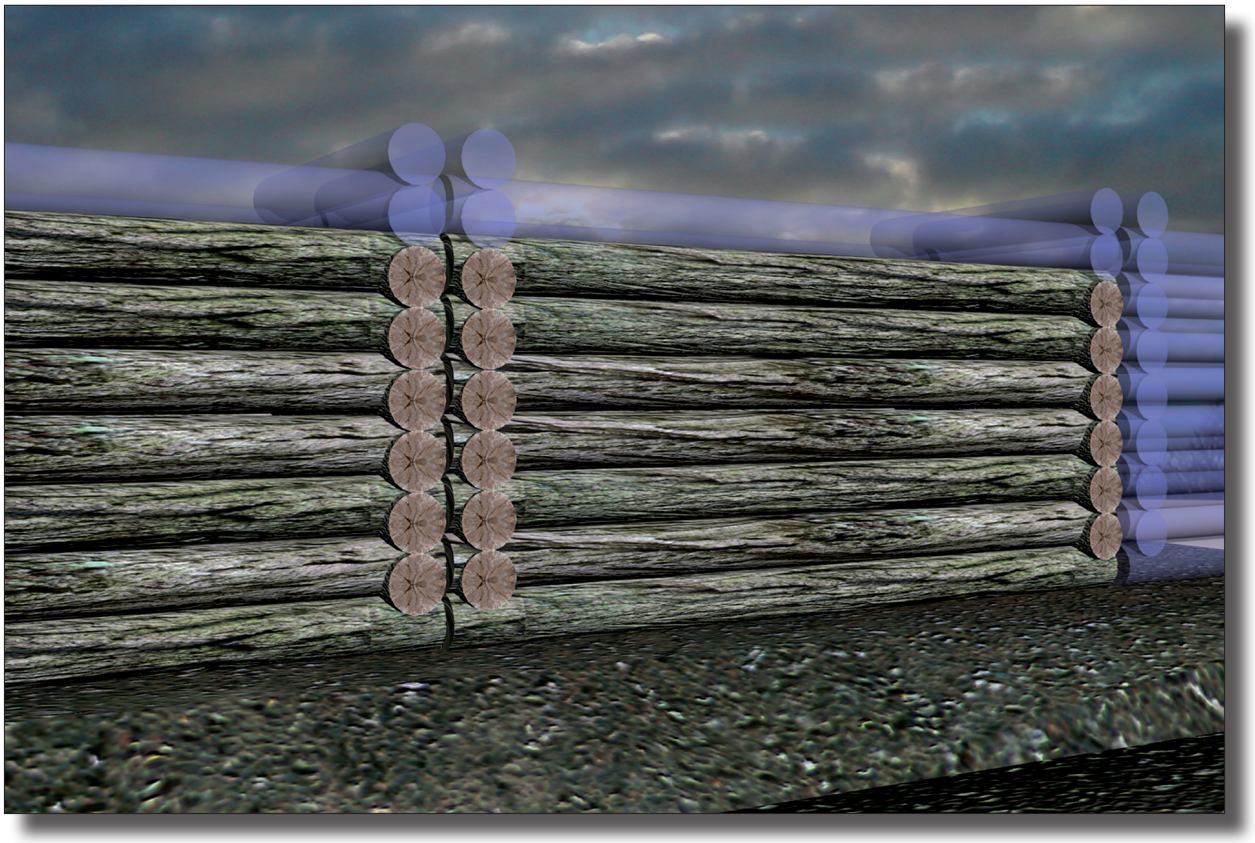

Рис. 170. Укрепленное поселение Устье I. Реконструкция внешнего вида обводной стены петровского периода истории поселения

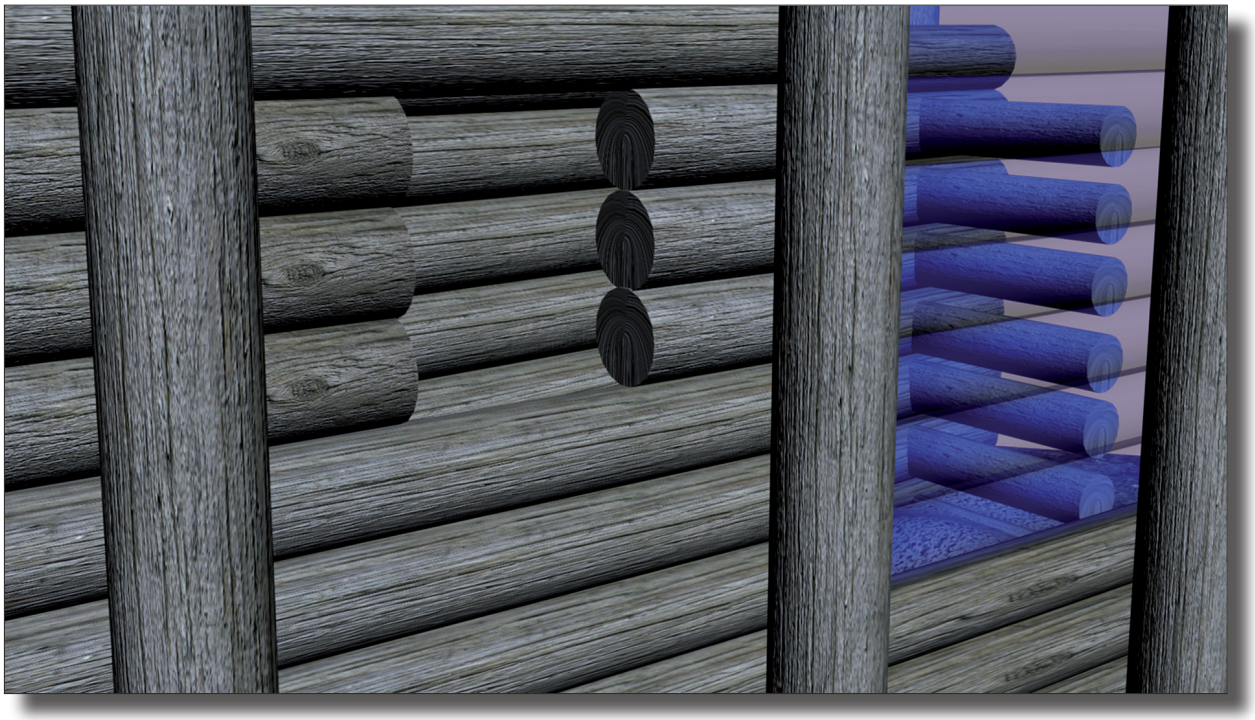

**Рис. 171. Укрепленное поселение Устье I .
Гипотетическое функционирование полой стены между помещениями как склада**

зовом веке, в течение нескольких столетий, примерно с XIX по XV в. до н.э., и связывается с различными этапами истории алакульской культуры Южного Зауралья.

Хозяйство людей из древних Кулевчей было основано на пастушеском скотоводстве. Тучные стада крупного рогатого скота, овец, коз паслись на приречных лугах. В ходе раскопок ученые обнаружили свидетельства поклонения домашним животным – жертвенники под полами построек, состоявшие из определенных частей туш животных, а также несколько погребений детей под полом помещений – также материальные остатки древних верований. Погребения детей под полами помещений были изучены археологами и во время раскопок укрепленного поселения Устье I. Что изумило исследователей – так это количество находок, связанных с производством меди – бронзы и изделий из них. Это, в первую очередь, небольшие металлургические печи с дымоходом. Исследование материалов этого поселения в различных научных центрах нашей страны показало, что назначение более ста каменных орудий, связано с металлургией и обработкой меди-бронзы: песты и плиты для дробления и растирания медьсодержащих минералов, различного веса и назначения молотки, молоты, разнообразные абразивы. Найдены медные слитки, проковки-заготовки, разнообразные медные и бронзовые орудия труда (ножи, ножи-пилы, серповидные орудия, долота-стамески, тесло, шилья, крюки), предметы вооружения (вислообушный топор) (рис. 173) и украшения (крестовидная привеска, пронизь).

Все сказанное выше в полной мере относится и к раскопанному Н.Б. Виноградовым могильнику Кулевчи VI, который был оставлен обитателями древних Кулевчей (рис. 174). Погребенные в могильнике девочки и молодые женщины были буквально усыпаны разнообразными металлическими украшениями, изготовленными искусными кузнецами (рис. 175).

Рис. 172. Поселение Кулевчи III.
Рабочий момент раскопок

Рис. 173. Поселение Кулевчи III. Бронзовый боевой «вислообушный» топор

Рис. 174. Могильник Кулевчи VI. Курган 5. Рабочий момент раскопок

Исследование металлических изделий из раскопок древних Кулевчей, проведенное историками древней металлургии и металлообработки, показало, что большинство металлических предметов изготовлено из чистой меди, без легирующих добавок. Среди них преобладают слитки и полуфабрикаты. Готовых изделий меньше. Древние кулевчинские кузнецы изготавливали металлические изделия преимущественно с помощью холодной и горячей ковки или литья с последующей проковкой. Знали они и сварку, в том числе и пакетную.

Изобилие медных и бронзовых предметов в руинах древних Кулевчей могло быть, скорее всего, следствием доступности металла и близости месторождений меди. Однако вплоть до недавнего времени медные месторождения, снабжавшие обитателей древних Кулевчей металлом, не были известны. Считалось, что металл доставляли сюда из Оренбургских степей. И лишь летом 2012 года на той же реке Караталы-Аят, что и древние Кулевчи, у современного села Новониколаевка были обнаружены разработки на медь, относящиеся к бронзовому веку. Так что, очень может быть, кулевчинская медь – не из дальних мест, как считали ранее, а своя, – та, которую уже в наши дни, почти через 4 тыс. лет, уже наши современники намерены добывать в варненских степях.

Начали изучать археологи и алакульское поселение у с. Кинзерское на реке Увельке в Троицком районе. Остатки подобных же, но не изученных раскопками поселений мы знаем на берегу озера Травяное у с. Буланово; рядом с пос. Березовским на реке Уй в Октябрьском районе и во многих прочих местах.

Как хоронили умерших сородичей носители алакульской культуры? Большие патриархальные семьи хоронили умерших сородичей на отдельных от других площадках. Более поздние земляные сооружения над отдельными могилами, пристраивались к сооруженным ранее, со временем разрушаясь смыкались, образовывая единый, как сейчас кажется, курган.

Рис. 175. Могильник Кулевчи VI. Реконструкция головного убора девушки алакульской культуры

Люди алакульской культуры сооружали для умершего сородича деревянную гробницу в относительно неглубокой яме, в которую укладывали тело умершего на левый бок в «позе поклонения» — с согнутыми в локтях руками и согнутыми в коленях ногами, головой на запад, восток или юг. Умерший сородич сопровождался различными (в зависимости от возраста и пола) предметами, орудиями труда, украшениями. В черте города Троицка, на площадке строящегося коттеджного поселка, в 1990-е гг. археологи Владимир Петрович Костюков, Андрей Владимирович Епимахов и Дмитрий Владиленович Нелин раскопали подобный могильник бронзового века.

Еще один могильник, в том числе и с алакульскими погребениями, в окрестностях с. Миасского (Красноармейский район) на левом берегу реки Миасс, назван Миасским и был изучен археологами из Свердловска (так раньше назывался г. Екатеринбург) под руководством известного ученого, доктора исторических наук Владимира Федоровича Генинга в конце 1960-х гг. Первоначально могильник выглядел как группа земляных насыпей — курганов. Под ними — около 70 погребений в небольших по объему деревянных гробницах-срубах, перекрытых деревом и очень сильно разрушенных грабителями еще в древности. Археологам, однако, досталось около 90 глиняных сосудов, характерных для алакульской, федоровской и срубной культур, а также редкие бронзовые украшения в обломках, фаянсовые бусы и бронзовое шило.

Скотоводы-пастухи жили в степях Южного Зауралья на протяжении всего бронзового века. Облик скотоводства менялся под сильным воздействием изменения климата, но оно продолжало оставаться основой хозяйства. Следов земледелия до последних веков II тыс. до н.э. нет.

Находки в горных пещерах Южного Урала, сделанные археологами в последние годы, показали, что в бронзовом веке (II — начало I тыс. до н.э.) горные долины посещали и жители степей. Обломки именно их керамических сосудов обнаружены в горных пещерах. И здесь самое время вспомнить, что некоторые археологи помещают священную гору степных пастушеских племен Евразии — Хара Березайти, соединявшую «миры» Земли и Неба, на Южный Урал. Они полагают, что на эту роль более всего подходила известная среди южноуральцев и самая высокая гора Иремель. По верованиям древних скотоводов рядом со священной горой находилось священное озеро. И действительно, в нескольких десятках километров от горы Иремель находится озеро Зюраткуль. И хотя пока это только догадка, придумка, может быть, будущие исследователи древнего прошлого горной страны найдут доказательства этой гипотезы в раскопках древних поселений и святилищ.

Срубная культура бронзового века на Южном Урале. С историей срубных племен связана почти вся эпоха бронзы на территории степей Оренбуржья, степей и лесостепей современной Башкирии. Сотни срубных поселений и могильников открыты и изучены здесь несколькими поколениями ученых. Оказалось, что срубные племена Южного Приуралья и алакульцы Южного Зауралья, жившие одновременно, очень похожи друг на друга (по облику своему, языку, занятиям скотоводством и металлургией бронзы, культуре), но это сходство далеко не полное. Если в постройках срубных и андроновских племен можно найти много общих черт, то погребальные их обряды сильно разнятся. Например, срубные племена хоронили умерших сородичей под курганами, в деревянных гробницах, вставленных в неглубокие ямы. Тела укладывали на бок, скорченно, головой в основном на север, а алакульцы (самые древние из андроновцев) — головой преимущественно в широтном направлении. Гончарство тех и других очень разное (рис. 176—177). А вот по отношению к металлургии они похожи. Именно срубные племена в позднем бронзовом веке владели знаменитыми Каргалинскими рудниками. Поселение горняков — Горный I в Орен-

Рис. 176. Сосуд срубной культуры бронзового века Южного Зауралья

Рис. 177. Сосуд срубной культуры бронзового века Южного Зауралья

буржье, которое изучал археолог Е.Н. Черных, было оставлено горняками именно срубной культуры.

На всем протяжении своей истории срубное население Южного Зауралья по бассейну реки Урал соседствовало с периферией другого степного «гиганта» позднего бронзового века — алакульской культурно-исторической общности. В результате в зоне контактов образовалось смешанное население, в культуре которого переплелись алакульские и срубные черты.

Федоровская культура бронзового века на Южном Урале. Скорее всего, из казахстанских степей, не ранее XV века до н.э., появились в Южном Зауралье группы федоровского населения. Название это связано со знаменитым Федоровским могильником, частично изученным в 1936 году основателем южноуральской археологии — доктором исторических наук Константином Владимировичем Сальниковым у поселка Федоровка, что на р. Миасс в окрестностях аэропорта «Баландино» в окрестностях Челябинска.

Из Казахстанских степей федоровское пастушеское население, вероятнее всего, выгнали грозные изменения в природе — многолетнее усыхание климата, сделавшее невозможной там эффективную скотоводческую жизнь. Поначалу археологи пытались выделить то федоровский этап истории андроновских племен, то федоровский тип памятников, то федоровскую культуру. В настоящее время ученые все увереннее приходят к выводу о том, что пришлое степное казахстанское федоровское население довольно быстро растворилось среди местных алакульских племен, привнеся в их культуру на какое-то время ряд своих особенностей (погребение по способу кремации, «тюльпановидные» погребальные сосуды, богато и аккуратно орнаментированные «ковровыми» орнаментами, выполненными оттисками гребенчатого штампа). Что особенно интересно, так это то, что богато орнаментированные сосуды у «федоровцев» считались ритуальными, а в быту они пользовались другой — менее нарядно украшенной — керамикой.

В отличие от «алакульцев», хоронивших тела умерших в праздничной одежде, «федоровцы» предпочитали их... сжигать на погребальном костре, пепел аккуратно собирали и захоранивали в обширной деревянной или каменной гробнице (рис. 178—179). Иногда пережженные кости погребенного человека измельчали, зашивали в сделанное по этому случаю объемное изображение человека — «куклу» и захоранивали вместе с вещами в могилу настолько обширную, как будто она приготовлена была для захоронения тела умершего. Самое яркое погребение подобного облика было исследовано археологами в могильнике Кулевчи VI в Варненском районе Челябинской области. Одна из могильных ям содержала остатки двух «кукол» с зашитыми в них пережженными костями людей. Погребенные были сопровождены небывалым количеством бронзовых украшений, помещенных первоначально, скорее всего, в две некие емкости: 18 бронзовых браслетов, 8 привесок в 1,5 оборота, большое налобное украшение из 5 крестовидных привесок и многое другое. Это погребение до сих пор является самым «богатым» для позднего бронзового века степей Южного Зауралья и Казахстана. Этому загадочному обряду пока нет понятного объяснения.

Порадовали археологов итоги раскопок могильника бронзового века на р. Уй, у пос. Подгорный на западе Троицкого района Челябинской области, условно названного «Приплодный Лог». Археолог Татьяна Сергеевна Малютина раскопала здесь 14 курганов со сложными порой внутримогильными конструкциями, возведенными из камня. Существование могильника связывается с несколькими археологическими культурами позднего бронзового века, в том числе и с федоровской.

Алексеевская культура бронзового века степей Южного Зауралья. Замыкает бронзовый век степей Южного Урала история населения алексеевской культуры (названа так

Рис. 178. Могильник Солнце-Талика. Деталь деревянной гробницы с остатками кремации внутри

Рис. 179. Могильник Солнце-Талика. Погребение по способу кремации

Рис. 180. Могильник Кулевчи VI. Остатки «коробочки» с женскими украшениями в погребальной камере

по Алексеевскому поселению и могильнику в верховьях Тобола у современного города Кустаная). В конце II – начале I тыс. до н.э. (XII–VIII вв. до н.э.) обитатели степей Южного Зауралья стали участниками грандиозного по своим последствиям процесса – перехода населения степей от оседлой пастушеской жизни, столь характерной для всего II тыс. до н.э., к новому образу жизни – кочевничеству. Ученые считают, что, возможно, именно неблагоприятные для ведения прежнего хозяйства природно-климатические условия стали причиной перехода к кочевой жизни.

Именно в это время в степи Казахстана из Центральной Азии проникают кочевые ираноязычные племена, которые включили в свой состав местные оседлые скотоводческие племена Казахстана и Южного Зауралья, в том числе и алексеевскую культуру. Ее носители какое-то время участвовали в процессе сложения кочевничества. Это доказывают материалы изученных алексеевских поселений.

Поселения и могильники заключительного этапа бронзового века в Южном Зауралье изучены плохо. Известно буквально несколько хотя бы частично раскопанных поселений этого времени. Одно из них – поселение Кинжитай в Варненском районе Челябинской области. Археологи хорошо определяют даже до раскопок развалины алексеевских поселений по берегам наших степных рек. Дело в том, что у «алексеевцев», живших в период достаточно сухого климата и вызванного им понижения уровня воды в реках, бытовала традиция устройства жилищ, которые скорее, можно назвать подземными. Огромные, просторные, почти на всю высоту стен, они были спрятаны в глубокие котлованы. Стены и пол облицовывались деревом. Обложенная дерновыми пластами крыша опиралась, с одной стороны, на края котлована, с другой – на вертикальные столбы в центральной части постройки. Крыша обязательно имела светодымовое окно, служившее и запасным выходом. По стенам находились лежанки для сна, ниши-углубления для домашней утвари. За-

частую из дома прямо к берегу реки вел крытый коридор. Хозяйкам было удобно.

Одна из загадок алексеевской культуры – почти полное отсутствие погребений. Известные единичные погребения можно перечислить по пальцам. Ученые пока не могут понять этого. Может быть, причину нужно искать в изменениях в скотоводстве. Если у более ранних древних южноуральских народов бронзового века оно было пастушеским, придомным, то в алексеевское время стада, состоявшие преимущественно из лошадей и мелкого рогатого скота, по одной из гипотез, начинают на лето отгонять на дальние богатые травой пастбища, где они находились до холодов. Может быть, на этих пастбищах и стоит искать алексеевские могилы?

Интересен курган, исследованный у пос. Белоключевка на р. Уй в Троицком районе археологом Владимиром Петровичем Костюковым. Под небольшой земляной насыпью были скрыты две могильные ямы. Захороненные в них люди были положены в могилы в скорченных позах со скромным, в сравнении с предыдущими временами, погребальным инвентарем. Над одной из могил из каменных плит выложено схематическое изображение повозки.

К этому же времени относится и курганный могильник, изученный в конце XX в. археологом Вадимом Александровичем Булдашовым у развилки дорог, соединяющих с. Каракульское, д. Уйско-Чебаркульская и д. Камышное, что в Октябрьском районе. В неглубоких могильных ямах находились костяки людей, похороненных в положении сильно скорченно, на боку со скромным погребальным инвентарем (глиняные сосуды, украшения).

В то же время «алексеевцы» были одним из первых народов Южного Урала, в памятниках которого обнаружены следы древнейшего здесь земледелия. При раскопках поселений в культурном слое находят не только земледельческие орудия труда, но и зерна пшеницы (поселение Черкасы на юге Челябинской области). Так что земледелию на Южном Урале никак не менее 3 тыс. лет.

Среди глиняных сосудов алексеевской культуры иногда встречаются явные подражания среднеазиатской керамике того времени – явное свидетельство как знакомства «алексеевцев» с гончарными изделиями далеких земель, так и доказательство существования уже в ту пору караванных путей, соединявших Южное Зауралье и Среднюю Азию.

* * *

Поздний бронзовый век в лесном Южном Зауралье представлен черкаскульской и межовской культурами.

Черкаскульская культура бронзового века. Население черкаскульской культуры считается потомками людей аятской культуры раннего бронзового века. Широко известны черкаскульские поселения, такие как Нижняя Макуша, Липовая Курья, Березки V – всего более 50. По большей части эти поселения состояли из наземных построек, часто значительных по площади, с внутренними перегородками, открытыми очагами. В них могла жить не только большая семья из нескольких поколений родственников, но и содержаться молодые домашние животные в зимний период. В целом такие поселки могли быть местом обитания родовой общины.

О том, как черкаскульцы хоронили своих сородичей, известно мало. Могильники их выглядят на поверхности как каменные оградки, курганы с кольцом из камней вокруг могилы под насыпью или как земляные курганы. Стенки и дно могил в южных районах распространения черкаскульцев обкладывались каменными плитами или деревом. Погребенные могли быть уложены в могилу либо на боку скорченно, либо на спине вытянуто, либо тела умерших людей сжигались на погребальном ко-

стре. Вещей в могилах, как правило, немного. В основном это — глиняные сосуды (горшки, блюда). Керамика — один из основных признаков, по которым археологи отличают черкаскульскую культуру от других. Также в погребениях встречаются кости преимущественно домашних животных (мелкого рогатого скота, лошадей).

Исследователи до сих пор не могут решить ряд вопросов, связанных с изучением черкаскульской культуры. Прежде всего, это проблема происхождения черкаскульцев, точнее, участия в этом процессе уже известных вам степных федоровских скотоводческих племен. Одни археологи считают, что это федоровцы, смешавшись с местными лесными народами, создали черкаскульскую культуру. Среди разделяющих эту точку зрения специалистов устойчиво мнение о двуязычии «черкаскульцев» (протоугорский и иранский диалекты). Другие убеждены в местном происхождении черкаскульцев. Почему стала возможна такая неопределенность? Дело в том, что вопросы, связанные с происхождением, устройством общества и духовным миром древних народов, которые изучаются по археологическим материалам, самые сложные для какого-то однозначного решения.

На позднем этапе своей истории черкаскульцы распространились из лесов Южного Урала на юг, в лесостепи и даже в степи Южного Урала, где смешались с местными племенами.

Межовская культура бронзового века. Потомками черкаскульцев, замыкающими историю лесного юга Зауралья в бронзовом веке считается население, оставившее поселения с полуподземными и наземными постройками и курганные могильники межовской культуры по берегам зауральских озер. Позднее межовцы расселились и в Приуралье. Раскопками установлено, что межовцы вели оседлый образ жизни, зани-

Рис. 181. Городище у с. Миасское (Каменный Стульчик). Фрагмент керамики бархатовской культуры

Рис. 182. Бронзовый нож-кинжал заключительного этапа бронзового века. Случайная находка в окрестностях с. Степного

Рис. 183. Старо-Кумлякское селище. Бронзовый косарь заключительного этапа бронзового века

маясь скотоводством и, возможно, земледелием. Помимо бронзы «межовцы» научились использовать и железо. Известны следы его плавки на межовских поселениях.

Бархатовская культура конца бронзового века. Другие обитатели Южного Зауралья в конце бронзового века — местное население — бархатовская культура, как ее называют археологи. Иногда пришельцы (носители гамаюнской культуры) и местные жители жили вместе. Так произошло в окрестностях с. Миасского в Красноармейском районе Челябинской области, на правом берегу р. Миасс, где археологи изучили древнее городище, названное Миасским. Изучив найденную здесь глиняную посуду, ученые предположили, что на Миасском городище эти люди жили вместе, отгородившись на обрывистом мысе деревянно-земляными укреплениями (рис. 181).

Заключительный этап бронзового века в Южном Зауралье характерен и только для этого времени присущими типами бронзовых изделий (рис. 182–183).

У начала истории караванных путей. Первые, робкие и самые ранние свидетельства существования караванных путей, связывавших Южный Урал со Средней Азией, мы находим в археологических памятниках Южного Урала второй половины II тыс. до н.э. — в позднем бронзовом веке. Именно тогда дальняя периферия зоны высоких раннеземледельческих цивилизаций максимально продвинулась на север, в Южное Приаралье, где была представлена памятниками известной тазабагъябской культуры позднего бронзового века с ее неоспоримыми следами самого северного орошаемого земледелия. Именно носители этой культуры непосредственно контактировали с тогдашними властелинами степей Центрального Казахстана — нуринскими (федоровскими) скотоводческими племенами. Контакты эти отложились в культурном слое поселков степных скотоводов в виде обломков сосудов, сделанных на гончарном круге, которым сами степные скотоводы не пользовались никогда. Посуда эта по типу отнесена ко времени Намазга VI, что соответствует на юге Средней Азии позднему бронзовому веку.

Караванные пути, связывавшие скотоводов степей Казахстана бронзового века и земледельцев Южного Приаралья, уже тогда продолжились дальше, на север, до Южного Урала. В 1980 г., во время раскопок могильника Кулевчи VI в Варненском районе, в одной и той же могиле были обнаружены типичные для местной культуры сосуды, а вместе с ними и изящные глубокие тонкостенные миски, сделанные вручную, но явно по круговым прототипам в традициях юга Средней Азии позднего бронзового века. В развалинах существовавшего на рубеже II–I тыс. до н.э. поселения Кинжитай в Варненском районе вновь была найдена импортная керамическая посуда из Южного Приаралья вместе с типичными для наших мест сосудами. Так что караванные пути продолжили существовать и тогда.

Выводы по разделу:

• Бронзовый век на Южном Урале в целом охватывает период с начала III по первые века I тыс. до н.э.

• Изменения в природе и климате на протяжении бронзового века неоднократно были одной из главных причин массовых миграций и изменения состава населения.

• Лесные народы Южного Урала в бронзовом веке, скорее всего, были протоугроязычными и продолжали вести преимущественно охотничье-рыболовецкое хозяйство.

• В III тыс. до н.э. в степи Оренбуржья перемещаются древнейшие индоевропейцы — племена древнеямной культуры.

• Древнеямные племена — древнейшие скотоводы, металлурги и строители монументальных дерново-земляных надмогильных сооружений (курганов) в степях Южного Урала.

• В период с XXI по XVIII в. до н.э. в степях Южного Зауралья протекает история пришлого индоиранского синташтинского населения, которое принесло новый образ жизни, заимствованный от них местными народами.

• Особенность синташтинскому населению придает, помимо пастушеского скотоводства, большая роль горного дела, металлопроизводства в хозяйственной жизни.

• Синташтинцы входили в число народов, использовавших древнейшие на планете колесницы, запряженные парой лошадей.

• В бронзовом веке скотоводческие степные народы юга Урала все более активно воздействуют на народы южной части лесов Урала.

• В бронзовом веке впервые начинают функционировать караванные пути, связывающие юг Урала и Западной Сибири со Средней Азией.

Таким образом, бронзовый век принес народам Южного Урала большие изменения, вызванные как природно-климатическими особенностями развития местных народов, продолжавших совершенствовать охотничье-рыболовецкую жизнь, так и резко усилившимся проникновением в район Урала с разных сторон пришлого, в основном ираноязычного, скотоводческого населения.

• Особенность истории Южного Урала в это время также придают: специализация отдельных групп населения на металлургии и металлообработке бронзы, проникновение скотоводства и металлургии все дальше в лесную зону, образование в южной части уральских лесов в результате давления степных скотоводческих племен групп смешанного населения и усложнение языковой ситуации в этом регионе.

Может быть, к этому времени и относится появление в языках угроязычных народов Урала целого ряда заимствований из иранских языков, связанных с металлургией и скотоводством.

• И еще один очень важный вывод: вероятно, именно со времени появления в бронзовом веке на Южном Урале древних металлургов нужно начинать и историю самой длительной на Земле... войны. Это война людей с природой. Мало того, что древние шахты и карьеры, как об этом пишет археолог, член-корреспондент РАН, Е.Н. Черных, иногда покрывали большие участки земли; огненное ремесло требовало огромных затрат леса. Вплоть до времени, отделенного от нас полутора веками металл плавили, используя древесный уголь. Упомянутый ученый пишет, что для выплавки одной тонны меди требовалось превратить в уголь в специальных печах полтора – два гектара качественного леса!

В степных районах Южного Урала, возможно, около бывших поселений металлургов-кузнецов бронзового века с тех пор стали безлесными склоны долин рек, где плодородный слой земли в результате вырубки березовых лесов оказался смытым.

Сейчас, видя мертвые горы в окрестностях медеплавильных заводов, почти мертвые реки после сброса в них стоков промышленных комбинатов, и многое другое, давайте задумаемся над тем, как легко сделать цветущую землю пустыней и стоит ли это делать.

Литература

Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа): монография. – Челябинск: Абрис, 2011. – 175 с.: ил.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. – 370 с.

Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. — Уфа: БГПИ, 1992.

Дубровский Д.К., Грачев В.Ю. Уральские писаницы в мировом наскальном искусстве. — Екатеринбург: Грачев и партнеры, 2010. — 216 с.: ил.

Древнее Устье. Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье: коллективная монография /отв. ред. Н.Б. Виноградов, науч. ред. А.В. Епимахов. — Челябинск: Абрис, 2013. — 484 с.: ил.

Зайков В.В., Юминов А.М., Зайкова Е.В., Таиров А.Д. Основы геоархеологии: учеб. пособие / под ред. проф. В.В. Масленникова. — Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2011. 263 с.

Зайков В.В., Юминов А.М., Ткачев В.В. Медные рудники, хромитсодержащие медные руды и шлаки Ишкининского археологического микрорайона (Южный Урал) // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2012. — № 2(50). — С. 37—46.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). — Кн. 1. — Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. — 192 с.

Епимахов А.В. Динамика коммуникаций бронзового века Урала // Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии / под ред. А.В. Епимахова; сост. В.А. Новоженов. — Алматы: Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым», 2014. — С. 125—145

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим — Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). — Челябинск: Крокус; Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. — 260 с.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. — Свердловск: УрГУ, 1988. —184 с.

История башкирского народа: в 7 т. Т. 1. — М.: Наука, 2009. — 400 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. — М.: Восточная литература, 1994. — 463 с.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. — Новосибирск: Наука, 1998. — 417 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. — М.: Наука, 1989.— 320 с.

Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 624 с.

Вопросы

1. Как археологи датируют бронзовый век Южного Зауралья?
2. Назовите самую древнюю культуру бронзового века Южного Урала.
3. Как изменения в природе влияли на состав населения и жизнь людей бронзового века на Южном Урале?
4. Назовите уникальное рудное месторождение на севере Оренбургской области, разработка которого была начата в III тыс. до н.э.
5. Как археологи доказывают, что месторождения медьсодержащих минералов разрабатывались уже в бронзовом веке?
6. Какие группы населения бронзового века Южного Урала строили укрепленные поселения?
7. К какому революционному открытию планетарного значения оказались причастны южноуральцы бронзового века?
8. Перечислите основные типы погребальных обрядов у различных групп населения бронзового века Южного Урала.
9. Как археологи доказывают существование торговых путей и караванной торговли населения позднего бронзового века Южного Зауралья с регионом Средней Азии?
10. Что известно о языковой принадлежности южноуральских народов бронзового века?

ГЛАВА 11. РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

В VII в. до н.э. и народы Южного Урала вступают в новый период своей истории. Он связан с началом массового производства изделий из железа – железный век. Его начало (период с VII в. до н.э. до II–IV в. н.э.) называется ранним железным веком. В течение первых веков I тыс. до н.э. у степных народов Евразии, в том числе и в изучаемом регионе, совершился исторический переход к более совершенной в тех условиях системе организации жизни – к кочевому скотоводству – особому образу жизни, при котором группы родственников со стадами и имуществом перемещались по сезонным пастбищам в течение всего года. По мнению ряда ученых, в переходное от бронзового века к раннему железному веку время в степи Казахстана из степей Центральной Азии, где раньше совершился переход к кочевничеству, переселились кочевые ираноязычные племена. Они покорили местные оседлые скотоводческие народы Казахстана и Южного Зауралья. В степях Казахстана и Южного Зауралья утвердился кочевой образ жизни.

Изменения климата сильно влияли на жизнь кочевых скотоводов. Засушливый климат начала I тыс. до н.э. к середине I тыс. до н.э. стал более влажным. Глубинные районы степей Южного Урала с весны до осени покрывались обильными травами, а граница лесов и лесостепей несколько сдвинулась к югу. К последним векам I тыс. до н.э. вновь установился засушливый климат. Ученые фиксируют, что в это время южноуральские степи обезлюдели. Курганы этого периода почти не известны. С этого времени памятники древних культур степей Южного Зауралья представлены лишь курганами, святилищами и ... караванными дорогами.

Ранние кочевники степей Южного Урала. Специалист по изучению раннего железного века Южного Урала, археолог Александр Дмитриевич Таиров считает, что **в VII–VI вв. до н.э. южноуральские степи были частью территории кочевой так называемой тасмолинской археологической культуры Казахстана.** Их культура была частью сакского мира степей Казахстана. Племена, жившие в степях Казахстана в этот период, в древних текстах и надписях именуются «саки».

В степях Оренбуржья в это время кочевали «савроматы». Несколько позднее (около IV в. до н.э.) в южноуральских степях оформляется культура ранних «сарматов».

Ученые полагают, что именно в раннем железном веке южноуральские кочевники начали широко использовать открытую еще в конце бронзового века систему жизнеобеспечения. Эта система жизнеобеспечения получила у археологов название «пастбищно-кочевой». Зимнее время кочевники проводили в районе Приаралья, по реке Сырдарье, в степях и полупустынях между Каспийским и Аральским морями. На лето перемещались со стадами за многие сотни километров к северу, к предгорьям Урала и лесостепям Зауралья. Эта система продолжала существовать и быть относительно эффективной, пока в степях Казахстана и Южного Урала жили кочевые народы, то есть до этнографической современности.

Военные угрозы, жизненная необходимость завоевания новых пастбищ для защиты своих кочевий от врагов во время природно-климатических катастроф и ряд других причин на протяжении тысячелетий подталкивали отдельные кочевые роды и племена к объединению в большие военно-территориальные союзы. Часто эти союзы создавали талантливые военные руководители — вожди и их дружины, составленные из профессиональных воинов, для которых война была единственным занятием. Обо всем этом археологи узнали, изучая могилы людей этого времени. В зависимости от положения умершего в обществе высота курганов над их могилами и устройство самих могил, набор предметов, положенных вместе с умершим в его гробницу, были различными.

Курганы над могилами вождей и сейчас достигают высоты десяти метров, а их диаметр в этом случае — до ста метров. Часто они окружались кольцевым рвом с проходом в нем. Подобные курганы сооружались из дерновых блоков, земли, камней и растительных материалов. Над их возведением трудилось, безусловно, огромное количество людей. Ученые доказали, что первоначально эти курганы выглядели как ступенчатые пирамиды или усеченные конусы. Часто внутри подобных курганов находят остатки склепов — некогда полых бревенчатых сооружений. Склепы могли служить семейными усыпальницами, где, помимо самого вождя, могли быть захоронены и члены его семьи. Для последующих захоронений устраивался специальный коридор — «дромос», по которому с поверхности можно было проникнуть внутрь склепа. Чем не древнеегипетские пирамиды? Примером подобного «царского» кургана может служить известный Бабий Бугор в Куртамышском районе современной Курганской области (рис. 184).

Рис. 184. Курган Бабий Бугор. Куртамышский район Курганской области. Ранний железный век

Ярким памятником раннего железного века в Южном Зауралье является Бобровский могильник в окрестностях современного села Бобровка, что в Троицком районе. Археолог Галина Ивановна Матвеева изучила здесь два кургана VII–VI вв. до н.э. Предметы из Бобровского могильника можно увидеть и сейчас в экспозиции краеведческого музея г. Троицка. Это кинжал, бронзовое зеркало, бронзовое кнутовище нагайки со скульптурным изображением головы кабана на окончании, металлические наконечники стрел, бронзовые украшения пояса воина.

Замечательные находки этого времени были сделаны археологом Сергеем Геннадьевичем Боталовым в Варненских курганах, на окраине современной Варны. Среди находок – замечательный костяной гребень с изображениями в «зверином стиле», каменный жертвенник, женские украшения – накосники. Ученые соотносят эти находки с кочевниками казахстанских степей.

Археолог Владимир Савельевич Стоколос исследовал курган VII–VI вв. до н.э. у мавзолея «Кесене», что в окрестностях поселка Варна. Одна из уникальных находок – деталь узды коны – роговой нащечник-псалий с изображениями животных (рис. 185). Ныне он украшает экспозицию Челябинского областного краеведческого музея.

Один из курганов, принадлежавших уже сарматской знати, – Большой Климовский курган, был раскопан археологом Александром Дмитриевичем Таировым у села Климовка, что в Чесменском районе Челябинской области. Он был огромен, этот курган, диаметром 50 м, высотой до 4 м. Его изучение растянулось на несколько лет! Археологи установили, что под земляной насыпью таилось сгоревшее деревянное сооружение из бревен особым образом скрепленных друг с другом. Оно служило семье знатных кочевников в качестве склепа, куда можно было попасть с поверхности по специальному коридору. Несмотря на то, что склеп был еще в древности ограблен и сожжен, помимо погребальной архитектуры, археологи нашли при раскопках удивительные вещи: бронзовые и железные пластины, крепившиеся на лоб коня, обломок бронзового котла, ковш, бронзовые наконечники стрел, керамический сосуд. Александр Дмитриевич Таиров считает, что курган был оставлен племенами кочевых сарматов, у которых были тесные связи со скифами Северного Причерноморья.

Рис. 185. Курган у Башни Тамерлана. Роговой псалий. Ранний железный век

Рис. 186. Филипповский могильник.
Золотые украшения в скифо-сибирском «зверином» стиле. Ранний железный век

Курганы военной и родовой знати были поменьше, чем у вождей, но также могли скрывать деревянный склеп. Один из курганов V–IV вв. до н.э. раскопан в одном из степных районов Челябинской области – Чесменском, у поселка Новотемирского. Здесь в склепе были похоронены, как думают археологи, члены одной знатной семьи. Среди находок в этом склепе – керамические сосуды, в том числе и из далекого Хорезма, железный наконечник копья, несколько колчанов стрел с бронзовыми, железными и костяными наконечниками, бронзовые котлы, бронзовое зеркало и украшения. Один из колчанов явно принадлежал похороненной рядом женщине. Это не удивительно. В то время, когда почти все мужское население отправлялось в военные походы, охрана имущества, детей, стариков ложилась на плечи женщин. Еще древние авторы записали легенду о женщинах – воительницах у кочевников – «амазонках». Очень часто находки в погребениях знатных людей того времени не радуют археологов, поскольку они еще в древности были ограблены.

Мужчина-кочевник, погребенный под курганом у с. Клястицкое (5 в. до н.э.) в Троицком районе Челябинской области, раскопанным археологом Ниной Павловной Кипарисовой, был сопровожден колчаном, полным стрел с бронзовыми наконечниками, коротким железным кинжалом и прочими принадлежностями воинского быта, столь нужными ему для жизни в загробном мире, в существовании которого древние кочевники не сомневались.

Подобно фараонам Древнего Египта, вожди южноуральских кочевников раннего железного века стремились обезопасить свои гробницы от грабителей или скрыть положенные вместе с умершим предметы. В Оренбуржье, у деревни Филипповки, раскапывая курган кочевой сарматской знати IV в. до н.э., археолог Анатолий Харитонович Пшеничнюк, наткнулся на тайники, которые не сумели найти древние грабители. В тайниках было множество настоящих золотых произведений искусства, созданных как местными мастерами, так и привезенными из Средней Азии и Ирана (рис. 186).

Простых воинов-кочевников и членов их семей хоронили куда скромнее.

Военно-территориальные союзы южноуральских кочевых племен раннего железного века контролировали караванные пути и получали от купцов транзитную пошлину. Кочевники Южного Урала активно участвовали в жизни лесостепных оседлых культур Зауралья раннего железного века. Некоторые специалисты полагают, например, что элита населения гороховской культуры (угроязычной в массе своей) была ираноязычной и происходила из степной кочевой среды. Кочевники раннего железного века степей Южного Зауралья, по мнению специалистов, контролировали обмен и продажу бронзовых и медных изделий, произведенных металлургами-кузнецами иткульской археологической культуры горнолесного Зауралья.

Все перечисленное выше делало объединения степных кочевников Южного Зауралья раннего железного века внушительной силой.

Загадка курганов «с усами». Настоящими сокровищами культуры древних кочевников являются их святилища, известные как курганы «с усами». Они полосой тянутся по степям от Центрального Казахстана до Южной Башкирии. На Южном Урале курганы с усами располагаются, как правило, на возвышенностях по-над реками, откуда почти во все стороны видны далекие дали. Почти всегда рядом с ними находятся древние могильники этого периода – курганы, сложенные из камней. Курганы в могильниках могли быть и земляными, но обязательно обложенными каменным «панцирем». Если подняться, лучше осенью, в бледно-синее небо высоко-высоко над курганом «с усами», то внизу, среди пожелтевших трав, увидим: от кургана с каменной насыпью к востоку проложены как бы две дороги из каменных плит, уложенных на землю. Как два гигантских «уса» (протяженностью иногда до 250 м) они тянутся по дуге к востоку, ограничивая большую площадку. Археологи знают на Южном Урале несколько разновидностей таких сооружений. Они различаются по количеству курганов, от которых начинаются каменные дороги (от одного до четырех); сами дороги тоже могут по-разному быть устроены, по-разному начинаться и оканчиваться. Но «усы» всегда направлены к востоку, а их восточные окончания никогда не смыкаются. Между ними всегда есть своеобразный вход – «ворота». Для кого или для чего? Чтобы выяснить этот вопрос, надо знать, что казахстанские археологи неоднократно раскапывали курганы с усами. В Казахстане такие курганы часто имеют одну особенность: восточнее центрального кургана находится курган поменьше. Под большим курганом ученые часто обнаруживали погребение человека, а под малым курганом – погребение коня или его кости. Рассуждая о смысле этих находок, археологи вспомнили, что писали о саках их современники. Один из них, грек Геродот, живший около 2500 лет назад, в своей «Истории» писал: «Единственный бог, которого они почитают, это солнце. Солнцу они приносят в жертву коней, полагая смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить самое быстрое существо на свете...» Живший несколько позднее Геродота другой ученый, Страбон, вторит ему: «Богом они почитают одно только солнце и приносят ему в жертву коней...»

Не случайно «усы» открыты на восток, на восход солнца. Может быть, для него, для Солнца, точнее солнечного божества, и оставлены эти «ворота»? Значит, здесь древние властелины степей совершали в его честь обряды? И кости коня в казахстанских курганах с усами объяснимы. Многие древние народы, особенно степные, обожествляли коня, почитали Солнце в образе коня.

Курганы «с усами», служили также и местом погребения выдающихся людей в тогдашнем обществе. Курганы с усами древних кочевников Южного Урала только-только начали раскрывать свои тайны. Прежде чем расстаться с загадочными курганами, подумаем над одним сообщением ученых о них. Много лет изучал природу

степей Казахстана известный энтомолог Павел Иустинович Мариковский (1912–2008). И, конечно, неоднократно встречал в степях курганы с усами. Однажды он почти случайно обратил внимание на то, что ранним утром солнце взошло в такой точке, что, оказалось, возможно провести прямую линию от центрального кургана через окончание одного из «усов» к точке восхода Солнца. П.И. Мариковский предположил, что при сооружении этого гигантского памятника древние располагали его так, что в определенное время года Солнце вставало над определенной частью кургана «с усами». Так ведь это уже астрономическая обсерватория, гигантские «часы», по которым можно узнать время года! Возможно ли? В то время? Для чего? Слишком много вопросов. Молчат пока гигантские святилища, посвященные солнечному божеству и затерянные ныне не только в степях Южного Урала и Казахстана, но и в памяти людей. В самом деле, кто о них знает? Современные люди о них и не ведают. Но ведь они существуют, эти загадочные «усатые» курганы, очередная загадка древней истории. Курганы эти бережно хранят свои тайны.

Ученые не единодушны, когда речь идет о создателях этих удивительных сооружений и их датировке. Одни продолжают считать, что эти объекты – творение кочевых ираноязычных народов раннего железного века. Другие уверены в том, что курганы «с усами» сооружали тюркоязычные кочевые народы уже в раннем средневековье – в I тыс. н.э.

Древние караванные пути. Южноуральские кочевники раннего железного века были хорошо знакомы с населением древнейших государств Средней Азии, прежде всего, Хорезма (южный берег Аральского моря, в низовьях рек Аму-Дарья и Сыр-Дарья). Знакомство это состоялось не только благодаря зимовкам кочевников в окрестностях земледельческих оазисов. Десятки торговых караванных путей уже тогда соединяли район Средней Азии и южную кромку лесов Урала и Западной Сибири. Кочевые племена степей Южного Урала, как считает археолог А.Д. Таиров, были посредниками в торговых связях лесного населения Прикамья и обитателей Средней Азии. Помню, как меня заинтересовала заметка известного уральского археолога К.В. Сальникова, посвященная находке в 1939 г. близ устья реки Миасс, при впадении ее в реки Исеть, небольшого (12,5 см высотой) серебряного хорезмийского кувшинчика (рис. 187). Его хорезмийское происхождение доказывало... клеймо – знак, который был хорошо известен нумизматам, занимающимся монетным делом античной Средней Азии. Полная аналогия этой тамге имеется на медных хорезмийских монетах, обнаруженных при раскопках знаменитого дворца Топрак-кала в Южном Приаралье. Датируются эти монеты II–III вв. н.э., а сама тамга принадлежит династии Сиявушидов – шахов античного Хорезма. На первый взгляд, можно было бы предположить, что кувшинчик попал в Зауралье как товар. Но собственность царствующего дома шахов Хорезма вряд ли могла стать товаром. Скорее, как считает К.В. Сальников, сосуд отражает некие политические отношения Южного Урала с далеким античным государством и был направлен как дар одному из властных лиц той эпохи в Зауралье. Находки хорезмийских монет и серебряной хорезмийской посуды случались и в Прикамье. В Хорезм уводит нас и находка керамической вьючной фляги, обнаруженной А.Д. Таировым при раскопках склепа семьи знатных кочевников под курганом у пос. Новотемирский в Чесменском районе. В исследованном относительно недавно могильнике раннего железного века у с. Кичигино, под Южноуральском археологами также были найдены агатовые и сердоликовые бусы из Индии, попавшие в наши края по караванным дорогам через Среднюю Азию.

Автор этих строк сильно удивился в свое время, прочитав, что целый ряд встреч казахских ханов с представителями российского правительства, в частности, с известным полковником Тевкелевым в XVIII в., происходили при впадении реки Уй

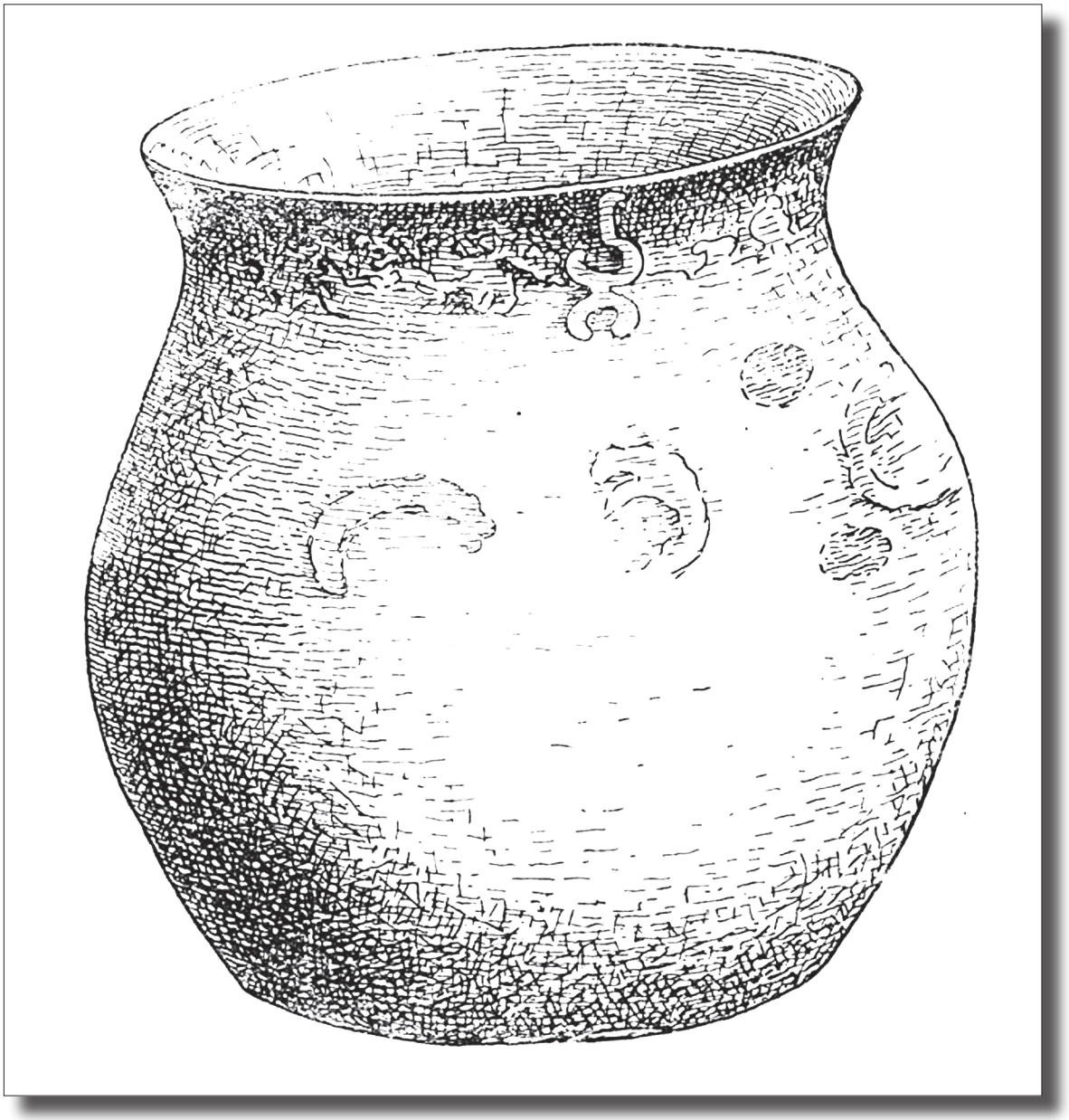

Рис. 187. Серебряный хорезмийский сосуд. Случайная находка у с. Усть-Миасского. Ранний железный век

в реку Тобол там, где сейчас село Усть-Уйское Курганской области. Составляя «Археологическую карту Курганской области», я обратил внимание на невиданную концентрацию древних могильников в районе Усть-Уйского. Теперь мне понятны причины такой скученности могильников разных периодов истории Зауралья. Подобно раннесредневековым Гнездовским курганам в Смоленской области, на «Пути из варяг в греки», эти курганы маркируют, скорее всего, один из важнейших перевалочных пунктов на «перекрестке» древнего караванного маршрута. Исследование самих этих маршрутов лишь начато.

Ближе к рубежу эр климат стал сухим. Иссушение климата стало, как считают ученые, одной из причин резкого сокращения кочевого населения в южноуральских степях. Они ушли отсюда. Куда? Воевать со скифами Северного Причерноморья и в поход в южные страны? Нет единого ответа.

Многочисленные предметы из погребений ранних кочевников Южного Урала говорят об их своеобразной и яркой культуре. Искусные мастера изготовляли совершенные изделия из бронзы и железа, в первую очередь, предметы вооружения: длинные и короткие мечи и кинжалы. В течение раннего железного века типы предметов вооружения воинов-кочевников изменялись (рис. 188–190).

Из бронзы отливали смертоносные наконечники стрел, детали конской упряжи, большие двуручные котлы, служившие, по одной из гипотез, символами власти вождей и старейшин. Женщины украшали себя разнообразными бусами из камней и непрозрачной стеклянной пасты. Знатные особы украшали себя диадемами и гривнами, изготовленными порой из драгоценных металлов. Бронзовые диски с заполированной поверхностью служили неплохими зеркалами. Их носили в кожаных, меховых или тканых сумочках-футлярах. Оригинальное декоративно-прикладное искусство кочевников Южного Урала раннего железного века – "звериный стиль" (изображения животных на украшениях одежды, оружии и снаряжении боевых коней) восхищает и наших современников своей необычностью и загадочностью. Ученые до сих пор спорят о том, где зародился этот стиль и что обозначают эти образы. Тесные связи установились у кочевников и с северными их соседями.

Гамаюнская культура. В начале **I тыс. до н.э. в горах Южного Урала появился но**вый народ. Археологи дали ему, как и другим, забытым в веках, условное название «гамаюнская культура» по месту первой находки остатков его культуры в Свердловской области. Пришельцы умели строить из дерева и земли городища, деревянно-земляные дома-крепости, но были хуже соседей знакомы с металлами и способами их получения. Среди их орудий много каменных. Гамаюнская керамическая посуда круглодонная и украшена орнаментом – рядами глубоких ямок в шахматном порядке и целыми «полями» «косых» крестов, похожих на знак умножения. Археолог Виктор Александрович Борзунов из Екатеринбурга считает, что люди гамаюнской культуры вынуждены были покинуть свои родные места на севере Урала из-за многолетних дождливых лет, в течение которых были затоплены их охотничьи угодья. Новую родину они нашли здесь, на Южном Урале. Здесь они выстроили свои укрепленные поселения – городища. Одно из них археологи изучили на реке Уфа. Оно занимало речной мыс, перегороженный двумя линиями обороны со стороны берега. Каждая линия обороны состояла изо рва и деревянной стены на валу за ним. В развалинах городища ученые наткнулись на остатки мастерских, где плавили медь и изготавливали разнообразные каменные орудия. Этот мыс на реке Уфа был настолько удобен, что и в последующий период – в средние века, здесь также было устроено городище.

Иткульская культура. Вдоль восточного макросклона гор Урала, в лесах по берегам рек и озер, там, где сейчас север Челябинской и юг Свердловской областей, в период с VII по III вв. до н.э. жило население, оставившие памятники иткульской археологической культуры. «Имя» они получили по названию озера Иткуль на севере нашей области. Именно здесь впервые археолог К.В. Сальников изучил следы их культуры. Археологам известны десятки иткульских городищ, поселений и несколько погребений. Городища располагались на возвышенностях у озер, а также на высоких мысах у рек (рис. 191). При этом рвы и стены либо пересекали мыс поперек, либо «подковой» отсекали часть площади высокого берега. Особенность городищ этого древнего уральского народа состоит в том, что часто они располагаются... парами: большое и совсем маленькое, с почти незаметным ныне рвом и валом. Часть малых городищ в этих «парах» явно были святилищами.

Археолог из Екатеринбурга Галина Викторовна Бельтикова (1945–2015) пишет, что некоторые из этих городищ имели до четырех (!) линий обороны. Земляные

Рис. 188. Биметаллический кинжал.
Случайная находка.
Ранний железный век

Рис. 189. Железный кинжал.
Случайная находка.
Ранний железный век

Рис. 190. Железный кинжал. Случайная находка у пос. Дубровка. Ранний железный век

валы дополнялись деревянной стеной. Со стороны реки или озера площадка городища надежно защищалась обрывом. Известны и неукрепленные поселения. Ученые считают «иткульцев» потомками местных лесных народов конца бронзового века, говоривших на языках, праугорских языках, близких языкам современных манси и хантов.

Раскопки иткульских городищ дали не только своеобразную глиняную посуду, но и ...огромное количество остатков, так или иначе связанных с выплавкой, плавкой и обработкой меди. Дело в том, что в распоряжении «иткульцев» оказались богатые рудой месторождения у современного города Полевского, который расположен на юге Свердловской области и много мелких месторождений на севере Челябинской области.

Представьте удивление археологов, когда они раскопали большую часть Иткульского 1 городища на озере Иткуль и обнаружили... около 30 (!) металлургических горнов в три ряда вдоль внутреннего края оборонительной стены — целый металлургический «цех»! Археолог Г.В. Бельтикова считает, что горны были каменными или глиняно-деревянными, одноразовыми или предназначенными для многократного использования. Сами плавильные камеры горнов чуть углублялись, изолировались от земли берестой, т.е. обустраивались так, чтобы как можно меньше было потерь тепла. Как и в эпоху бронзы, выплавка меди производилась с поддувом в печь воздуха с помощью мехов. Топливом служил древесный уголь.

В некоторых местах (Малый Вишневый остров на Аргазинском водохранилище, вершины нескольких гор у города Полевского и в другизх местах) у «иткульцев» были площадки для выплавки меди и святилища одновременно. Некоторые археологи считают, что на вершинах отдельных гор «иткульцы» устраивали святилища, где они хранили металлические предметы, принесенные в дар духам или воплощавшие души умерших сородичей.

Рис. 191. Большое Иткульское городище. Ров и руины обводной стены. Ранний железный век

Яркие находки подобного рода были сделаны в XX веке на горе Азов в окрестностях г. Полевского (современная Свердловская область), на Лысой горе, что на оз. Большой Теренкуль (Челябинская область) и еще в ряде похожих мест (рис. 192–195).

Но вот что, на первый взгляд, кажется странным. Находки железных предметов у «иткульцев» единичны и не сравнимы по количеству с медными. Почему? В железе, благодаря изобилию меди, не было необходимости. Еще несколько сторон жизни «иткульцев» удивили ученых. Во-первых, бронзовые предметы, прежде всего относящиеся к оружию, найденные при раскопках иткульских поселений, были похожи на аналогичные, бытовавшие в то время у степных кочевников. Во-вторых, в стадах «иткульцев», лесных(!) жителей, преобладали... лошади. Если бы это был степной народ, это обстоятельство не удивило бы ученых. Но «иткульцы» обитали по лесным озерам и рекам. И вот что поняли ученые. «Иткульцы», как некогда, почти за тысячу лет до них степные народы бронзового века Южного Зауралья, были народом, в жизни которого металлопроизводство играло большую роль. Археологи считают, что общины иткульских мастеров кузнецов-металлургов производили гораздо больше медных предметов, чем им было необходимо. Значит, излишки они обменивали. Кочевники пригоняли к стенам иткульских городищ табуны коней и увозили в степь аккуратно завернутые бронзовые предметы, отлитые и откованные лесными мастерами. Бронзовые предметы кочевники Южного Зауралья могли получать и в обмен ... на защиту «иткульцев» от врагов (рис. 196). Иткульский металл через кочевые степи проникал далеко на запад от Урала. Кстати, археологи, изучавшие иткульские поселения, пришли к выводу, что и в «иткульское время» металлур-

Рис. 192. Святилище «Лысая гора» на оз. Большой Теренкуль. Находки из культурного слоя. Ранний железный век

Рис. 193. Святилище «Лысая гора» на оз. Большой Теренкуль. Сосуд иткульской культуры. Ранний железный век

Рис. 194. Скульптурное изображение головы волка на бронзовой парадной секире из окрестностей г. Юрюзань. Ранний железный век

Рис. 195. Бронзовая парадная секира. Случайная находка в окрестностях г. Юрюзань. Ранний железный век

Рис. 196. Большое Иткульское городище. Ранний железный век. Картина Ю. Шмелёва

гия и обработка меди считалась... колдовством. Под основаниями плавильных печей ученые находили иногда глиняные или каменные диски с отверстием в центре — части приборов для добывания огня. Скорее всего, эти предметы использовались в магических ритуалах, связанных с духами — покровителями «огненного ремесла». Одно из предположений о назначении маленьких городищ рядом с большими — что они были святилищами. Рвы иткульских городищ вряд ли могли быть оборонительными рубежами, так как были слишком мелкими и узкими. Скорее всего, это были уже известные нам «волшебные границы», отделявшие мир, где колдуны-металлурги общались с духами, от мира обычных людей. Интригуют ученых и находки иткульских святилищ на вершинах гор в окрестностях медных месторождений, например, на вершине горы Азов у г. Полевского.

История народа великих плавильщиков меди прервалась около 2300 лет назад. Почему? В то время у всех народов Южного Урала широко распространились предметы из железа. А их, вероятно, умели делать не только «иткульцы».

Гороховская культура. Лесостепные племена «гороховской» культуры в Зауралье (современная Курганская область) V–III вв. до н.э., как и «иткульцы», строили городища на обрывистых берегах рек, но, в отличие от «иткульцев», и жили в одно-двухкомнатных полуподземных постройках, тесно заполнявших ограниченное оборонительными стенами пространство. Названа так культура по развалинам известного Гороховского городища (городище местные жители называют «Чудаки») у села Горохово на р. Юргамыш в одноименном районе Курганской области. Исследование городища связано с именами археологов К.В. Сальникова, В.Е. Стоянова и Г.В. Бельтиковой. На жизнь древних обитателей городища большое влияние оказывали могущественные кочевые степные соседи. Пытаясь защититься от вра-

Рис. 197. Воробьевское городище в Шадринском районе Курганской области. Ров и руины обводной стены. Ранний железный век

гов, люди гороховской культуры строили деревянно-земляные крепости-городища на высоких обрывистых берегах рек (рис. 197). Несколько таких городищ известно на реке Миасс, в окрестностях пос. Солнечный Сосновского района Челябинской области (рис. 198), а также рядом с дер. Косулино Щучанского района Курганской области, где оплывшие остатки оборонительных стен отгораживают участок обрывистого берега реки, упираясь в два глубоких лога.

В руки современников случайно попадают и редкие предметы той эпохи, например, бронзовые или железные кинжалы, каменные «жертвенники» со скульптурными изображениями головы барана.

«Гороховцы» занимались пастушеским скотоводством и земледелием. Умерших соплеменников хоронили под небольшими земляными курганами в положении вытянуто на спине, головой на север вместе с нехитрым погребальным инвентарем, в основном, круглодонными горшками. Археологи считают, что кочевники Северного Казахстана и «гороховцы» лесостепного Зауралья были очень тесно связаны, возможно, как иткульцы и сарматы – кочевники степей Южного Зауралья. Это видно как на примере бытования у них одних и тех же типов предметов вооружения, так и в элементах фортификации гороховских городищ (башни стен), идея которых могла попасть к «гороховцам» по караванным путям из Средней Азии. Специалисты даже утверждают о бытовании в гороховской среде двуязычия: угорского и иранского языков. В гороховском обществе археологи уже выделяют несколько социальных слоев (знать, воины, рядовые общинники). Более десятка одиноких, крупных по размерам земляных курганов, скрывающих остатки погребений знатных людей того времени, возвышаются среди полей в современных Кетовском и Куртамышском районах Курганской области. Практически все они давным-давно ограблены.

Рис. 198. Большое Баландинское городище на реке Миасс в окрестностях пос. Солнечный. Руины оборонительных укреплений. Ранний железный век

На позднем этапе своей истории «гороховцы» были оттеснены на запад, ближе к Уральским горам, усилившимся военно-территориальным союзом племен близкой по облику, саргатской культуры Западной Сибири.

Выводы по разделу:

• Ранний железный век — время формирования пастбищно-кочевой системы — основы принципиально нового образа жизни — кочевничества.

• На юге Урала в этот период складываются мощные военно-политические союзы степных кочевых племен с выделением военных вождей и военно-родовой знати.

• Ираноязычные кочевники Южного Урала были не только тесно связаны с древнейшими государствами Средней Азии. Они контролировали караванные пути из Средней Азии к лесам Урала и Западной Сибири, из Приуралья к греческим городам Приазовья и Северного Причерноморья, установили контроль над своими северными финно-угро-язычными соседями, жившими в южной части лесной зоны Урала.

• В горнолесном Зауралье у населения иткульской культуры сформировался особый тип хозяйства, где важное место занимала цветная металлургия и металлообработка (медь и бронза).

• В лесостепях Зауралья и в южной части лесов, в области распространения гороховской культуры, наряду с охотой и рыболовством, широко распространилось скотоводство и земледелие.

• Постоянная опасность вторжений степняков и внутренние неурядицы привели к появлению у носителей гороховской культуры городищ с порой сложной системой обороны. Эти же причины, дополненные неравным перераспределением произведенных продуктов труда привели к оформлению у лесостепных и южнолесных уральских народов союзов племен с выделением знати.

• Степные кочевые народы Южного Урала в раннем железном веке оказали влияние на своих лесостепных и лесных соседей даже в такой трудно поддающейся влияниям области, как верования. Распространение у лесостепных и лесных племен Южного Урала и прилегающих районов Западной Сибири предметов вооружения, украшений одежды и снаряжения коней, выполненных в «зверином стиле» подтверждает это.

Литература

Основная:

Таиров А.Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья: в 2 т. Т. 2.— Челябинск, 2000. — С. 3—206.

Бельтикова Г.В. Развитие иткульского очага металлургии // Вопросы археологии Урала. — Вып. 21. — Екатеринбург, 1993. — С. 93—106

Дополнительная:

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII—VI в. до н.э.: монография. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. — 274 с.: ил.

История башкирского народа в 7 т. Т. 1. — М.: Наука, 2009. — 400 с.

Комплексы кочевой аристократии Южного Урала: альбом / С.Г. Боталов, А.Д. Таиров, С.М. Арканов; под ред. С.Г. Боталова, Н.О. Ивановой. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. — 328 с.

Матвеева Н.П. Актуальные вопросы изучения древней караванной торговли (Западная Сибирь — Средняя Азия) // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. — Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014. — С. 100—109.

Дубровский Д.К., Грачев В.Ю. Уральские писаницы в мировом наскальном искусстве. — Екатеринбург: Грачев и партнеры, 2010. — 216 с.: ил.

Зайков В.В., Таиров А.Д., Зайкова Е.В., Котляров В.А., Яблонский Л.Т. Благородные металлы в рудах и древних золотых изделиях Южного Урала. — Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2012. — 232 с.

Викторова В.Д., Непомнящих В.В., Непомнящих О.З. Находки на горе Азов // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга: материалы науч. конф. Ч. 1: Из истории Уральской археологии: Духовная культура Урала. — Екатеринбург, 1999. — С. 96—103.

Вопросы

1. Укажите датировку периода раннего железного века в Южном Зауралье.

2. Какие серьезные изменения произошли в жизни степных племен Южного Урала на рубеже бронзового века и раннего железного века?

3. Какое содержание вкладывают ученые в понятие «пастбищно-кочевая система»?

4. Назовите несколько памятников ранних кочевников степей Южного Урала.

5. Как размеры надмогильных сооружений, конструкция погребального пространства, состав предметов погребального инвентаря указывают ученым на принадлежность погребенного к конкретному социальному слою кочевого общества?

6. Курганы «с усами». Что это? Проблема датировки.

7. В чем состоит специфика хозяйственно-экономической жизни носителей иткульской культуры раннего железного века Зауралья?

8. Что думают ученые по поводу языковой принадлежности населения гороховской культуры раннего железного века лесостепей Зауралья?

9. Какие материалы свидетельствуют об устойчивом функционировании в раннем железном веке караванных путей, связывающих Южное Зауралье со Средней Азией?

ГЛАВА 12. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА

«Эпоха великого переселения народов» и ее результаты для района Южного Урала. Во II–IV вв. н.э. в истории народов Урала началась новая эпоха – средневековье. Археологи связывают ее начало с «эпохой великого переселения народов» с востока. Открыло ее нашествие гуннов – тюркоязычных кочевников из Центральной Азии. Для района Южного Урала это случилось во II веке н.э. Саргатские племена (саргатская археологическая культура), населявшие тогда зауральские лесостепи, пытались защититься от невиданных ранее завоевателей из Центральной Азии – гуннов, возводя гигантские по трудоемкости возведения пограничные валы на границах своих земель. Остатки невиданных по масштабам трудозатрат пограничных оборонительных линий сохранились до сих пор, в частности, в Катайском и Куртамышском районах Курганской области. Усилия были напрасны.

Новые хозяева наших мест – кочевники-гунны, оставили свои редкие погребения. Одно из них, содержавшее украшения из низкопробного золота, украшенные вставками из гранатов кроваво-красного цвета, случайно было найдено в конце XIX в. у озера Тишки.

Доктор исторических наук Сергей Геннадьевич Боталов уже в наше время раскопал в этих местах средневековый могильник, названный им Граултры. С гуннами связывает он и ряд погребальных памятников в Агаповском районе Челябинской области, где в погребениях также были найдены украшения, выполненные в «полихромном» стиле.

Вторжение гуннов открыло целую эпоху завоеваний. Новые и разноязычные (тюркоязычные и угроязычные) народы двигались друг за другом через Зауралье в I тыс. н.э. с востока на запад. Благодаря этим массовым миграциям на протяжении I тыс. н.э. в степях Южного Урала несколько раз обновлялось население. Вслед за гуннами южно-уральские степи в I тыс. н.э. заполняли друг за другом различные тюркоязычные и угроязычные народы, поскольку грандиозные по своим масштабам волны переселения сорвали с места и угроязычные народы Западной Сибири. Памятников этого периода в нашем крае до обидного мало. Яркие материалы были получены археологом В.П. Костюковым при исследовании раннесредневековых курганов в урочище Каменный Амбар, что в современном Карталинском районе Челябинской области (рис. 199). В одном из этих курганов погребенного сопровождал... символический верблюд, точнее, его голова, ноги, покрытые шкурой. Значит ли это, что пришельцы продвинулись в наши степи из северных районов Средней Азии?

Завоеватели по пути собирали под свои знамена побежденные, иногда иноязычные народы, которые также шли вместе с победителями. Перемешивание в ходе переселений различных народов создает для современных археологов огромные трудности, когда они пытаются установить принадлежность тех или иных культур к конкретной языковой группе и определить, откуда пришли эти люди. Как правило, по каждой средневековой культуре Южного Урала по этим вопросам среди ученых имеются разногласия. Включение ираноязычных и угроязычных обитателей

Рис. 199. Могильник Каменный Амбар V. Керамический кувшин из раннесредневекового погребения

Урала в состав пришлых тюркоязычных кочевых объединений, вытеснение остатков ираноязычных народов на степные окраины и в лесную зону Урала привело к смешению их с местными народами и к образованию смешанных культур.

Период со II по VI вв. – время так называемой «тюркизации» Великой Евразийской степи и Южного Урала, в частности.

В VI веке в лесостепях Южного Зауралья появляется из Западной Сибири угроязычное население кушнаренковской культуры. За ними, также из лесостепей Зауралья в Южное Приуралье в середине VIII в. переселяются племена караякуповской культуры, которые прожили здесь до второй половины IX в. В караякуповцах исследователи видят... древних венгров, которые впоследствии переселились далее на запад пока, наконец, не обрели родину там, где находится сейчас государство Венгрия.

С историей древних венгров (мадьяр) в Южном Зауралье связывает известный южноуральский археолог Сергей Геннадьевич Боталов богатый на находки могильник на озере Уелги в Кунашакском районе.

Удивительный средневековый могильник конца I тыс. до н.э. был случайно открыт и доследован археологом Владимиром Савельевичем Стоколосом на берегу озера Синеглазово. Помимо разнообразных серебряных предметов из погребения извлекли остатки иранской шелковой ткани с вытканными на ней изображениями вооруженного всадника (рис. 200).

Начиная с X в. н.э. на жизнь народов Южного Урала стало оказывать все возраставшее влияние образовавшееся в Волго-Камье государство – Волжская Булгария. Об этом говорят находки булгарских предметов в погребениях южноуральских ко-

Рис. 200. Могильник на озере Синеглазово. Иранская ткань конца I тыс. н.э.

чевников этого времени: глиняной посуды, изготовленной не вручную, как тысячи лет до этого, а на гончарном круге, различных украшений, бус и монет.

С XI века южноуральские степи занимают тюркоязычные племена кочевников, принадлежавших к кипчакскому военно-политическому союзу (рис. 201). Их история была прервана монгольским вторжением и образованием в 40-х гг. XIII в. государства Золотая Орда.

Улус Шибана. В степях Южного Урала, где размещалась в это время одна из областей Золотой Орды – улус Шибана, в это время жили разноплеменные тюркоязычные кочевые племена, перемещенные монголами из различных районов Алтая и Сибири. Их культуру исследовал археолог Владимир Петрович Костюков.

Погребение кипчакского воина XIII–XIV вв. археологи раскопали на территории современного пос. Федоровка на реке Миасс. Погребенный воин был одет в халат, покрытый красным шелком с золотым шитьем. В могилу также положили снаряжение боевого коня, нож с костяной рукоятью, обтянутой тисненой кожей. На тканом поясе были прикреплены две кожаные сумочки – с деревянным гребнем и прибором для добывания огня (железное кресало и кремешок – «спички» той эпохи) (рис. 202).

Новые хозяева степей Южного Урала принесли сюда традиции своей родины. Помимо погребений тюркоязычных кочевников этого времени здесь известны и святилища, возведенные ими в честь предков. Святилища выглядели как зимние дома кочевников. Нижняя часть – из врытых вертикально четырех больших каменных плит, поставленных оградкой; верхняя часть достраивалась из дерева. Иногда внутрь оградки помещалось вертикально поставленное дерево, но не в качестве подпорки, а в соответствии с представлениями этих людей об устройстве мира. В его центре, как они считали, растет мировое дерево – дерево жизни, соединяющее наш мир с расположенным выше верхним миром. Перед оградкой вкапывалось выполненное из камня изображение предка, а чуть поодаль – каменные столбики-перевязи. Сибирский археолог Владимир Дмитриевич Кубарев попытался представить обряд поминок у подобного святилища. По его словам, родственники-мужчины приезжали на праздничный пир на конях, оставляя их у каменных коновязей. Каменный предок тоже принимал участие в пиршестве: ему мазали каменный рот бараньим салом. По окончании поминального пира родственники уезжали, иногда навсегда и никогда больше не возвращались. Святилище иногда сжигалось.

Южноуральские святилища средневековых кочевников похожи на алтайские, но не во всем. Нет здесь каменных коновязей. Зато вокруг некоторых оградок археологи нашли остатки вертикальных деревянных столбов. Может быть, это остатки подпорок для крыши святилища. Но вполне может быть, что на этих столбах были развешаны посвященные предку чучела коней. Этот обряд хорошо известен у многих кочевых народов. С восточной стороны южноуральских святилищ были вкопаны каменные плиты-стелы. На их восточных сторонах и были высечены лица усатых воинов-предков (рис. 203).

Распространение ислама. Лишь около 500–600 лет назад среди южноуральских кочевников, бывших язычниками, начинает распространяться ислам. По одной из гипотез именно в первые века II тысячелетия в результате сложных этногенетических процессов оформляется башкирская народность (рис. 204). Постепенно из обрядов погребения исчезает традиция помещать в могилу вещи. Погребенных сородичей начинают хоронить в соответствии с требованиями ислама. Безусловно, в распространении ислама большую роль сыграли миссионеры. Их деятельность осталась в народной памяти в виде легенд «о багдадских проповедниках», захороненных

Рис. 201. Скульптурная композиция «Кипчаки» учебного школьного археологического музея ЧГПИ

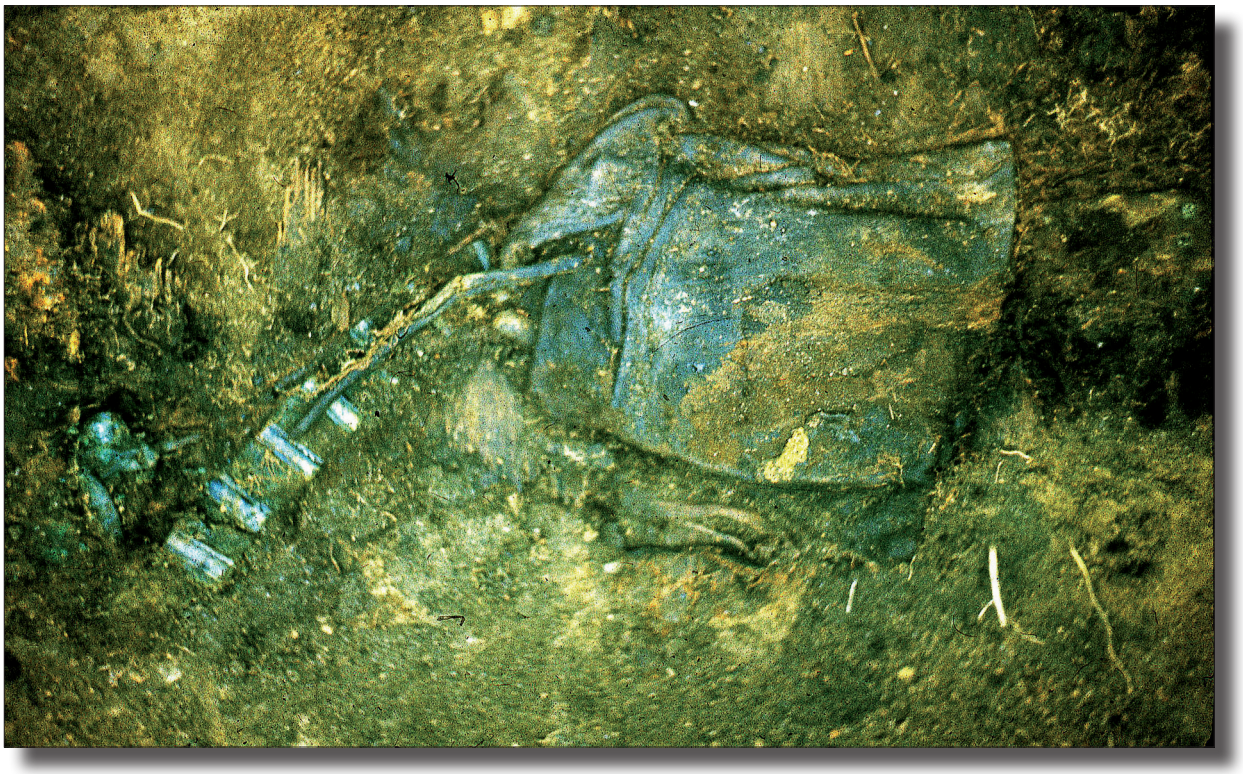

Рис. 202. Погребение XIII—XIV вв. в пос. Федоровка. Фрагмент пояса погребенного с кожаным кошелем

Рис. 203. Поминальный комплекс XIII—XIV вв. на реке Карагайлы-Аят

Рис. 204. Башкирское кочевье в горах Южного Урала. Картина Ю. Шмелёва

Рис. 205. Мавзолей «Кесене» (Башня Тамерлана) — историко-архитектурный ансамбль

на горе по-над озером Аушкуль в Башкирии и в серии мавзолеев по обе стороны гор Урала.

Исследователи древней истории еще в XVIII в. описали знаменитый ныне средневековый мавзолей – Башню Тамерлана. Знаменитый академик Петр-Симон Паллас специально заехал сюда, на возвышенность по-над озером Кесенэ-куль в 5 км от современного с. Варна. Мавзолей возведен из тонкого, в сравнении с современным, квадратного обожженного кирпича, на возвышенности, на площадке, ограниченной рвом и валом (рис. 205). Вокруг – многие сотни погребений. Мавзолей представляет собой сочетание различных объемов. Сверху – двенадцатигранная пирамида. Ниже – двенадцатигранная призма. Она покоится на невысоком цилиндре. Основное здание – кубической формы. Вход расположен с южной стороны и оформлен величественным порталом (рис. 206). К началу 1980-х гг. здание было полуразрушено. Кладоискатели пытались найти здесь несуществующие клады и разбирали с этой целью стены. Мавзолей восстановили реставраторы. Помогли рисунки «Башни Тамерлана», выполненные сотрудниками экспедиции П.С. Палласа (XVIII в.) (рис. 207).

В конце 1880-х гг. археолог Э.Ю. Петри произвел внутри мавзолея раскопки и обнаружил погребения не менее трех человек. В начале 1960-х гг. археолог В.С. Стоколос вновь исследовал Башню Тамерлана. Ему удалось установить, что, по крайней мере, частично мавзолей был украшен цветными изразцами нескольких видов. В 1980-е гг. археолог С.Г. Боталов исследовал погребения у мавзолея и пришел к выводу, что они были сооружены в средневековую эпоху, в ту пору, когда среди местных кочевых племен начал распространяться ислам.

С Башней Тамерлана связано множество легенд. Люди XIX–XX вв. пытались объяснить ее появление в здешних местах и связывали это событие с дочерью одного из средневековых завоевателей – Тимура (Тамерлана). Наиболее вероятно, что

Рис. 206. Мавзолей «Кесене» (Башня Тамерлана)

мавзолей, ставший вскоре святым местом, был сооружен в XIV–XVI вв. в одном из пунктов оживленного торгового пути, который связывал в Средние века наши степи со Средней Азией. Подобный мавзолей известен в Каракалпакии (Республика Узбекистан).

Остатки нижней части также кирпичного мавзолея археологи исследовали у с. Клястицкого Троицкого района Челябинской области.

Кажется, не случайно, один из ручьев, впадающих справа в реку Нижний Тогузак в районе с. Великопетровка, называется Кисинет. Значит, и здесь надо искать еще один средневековый мавзолей.

Иную архитектурную традицию олицетворяют каменные мавзолеи в окрестностях пос. Чишма в Башкирии (мавзолей Хуссейн-бека и Тура-хана) (рис. 208–209). Их архитектура характерна для культовых строений Волжской Булгарии.

В горнолесном Зауралье в первых веках II тысячелетия жили предки народа манси, известные археологам как юдинская культура. Они, как и их далекие предки, были охотниками-рыболовами. Большое значение для средневековых таежных народов Зауралья и Западной Сибири имела многозвенная обменная торговля с Волжской Булгарией через население родановской культуры Прикамья. Именно благодаря этой торговле в святилищах зауральских и западносибирских средневековых народов накапливались серебряные изделия из Ирана, Византии и других стран, включая западноевропейские.

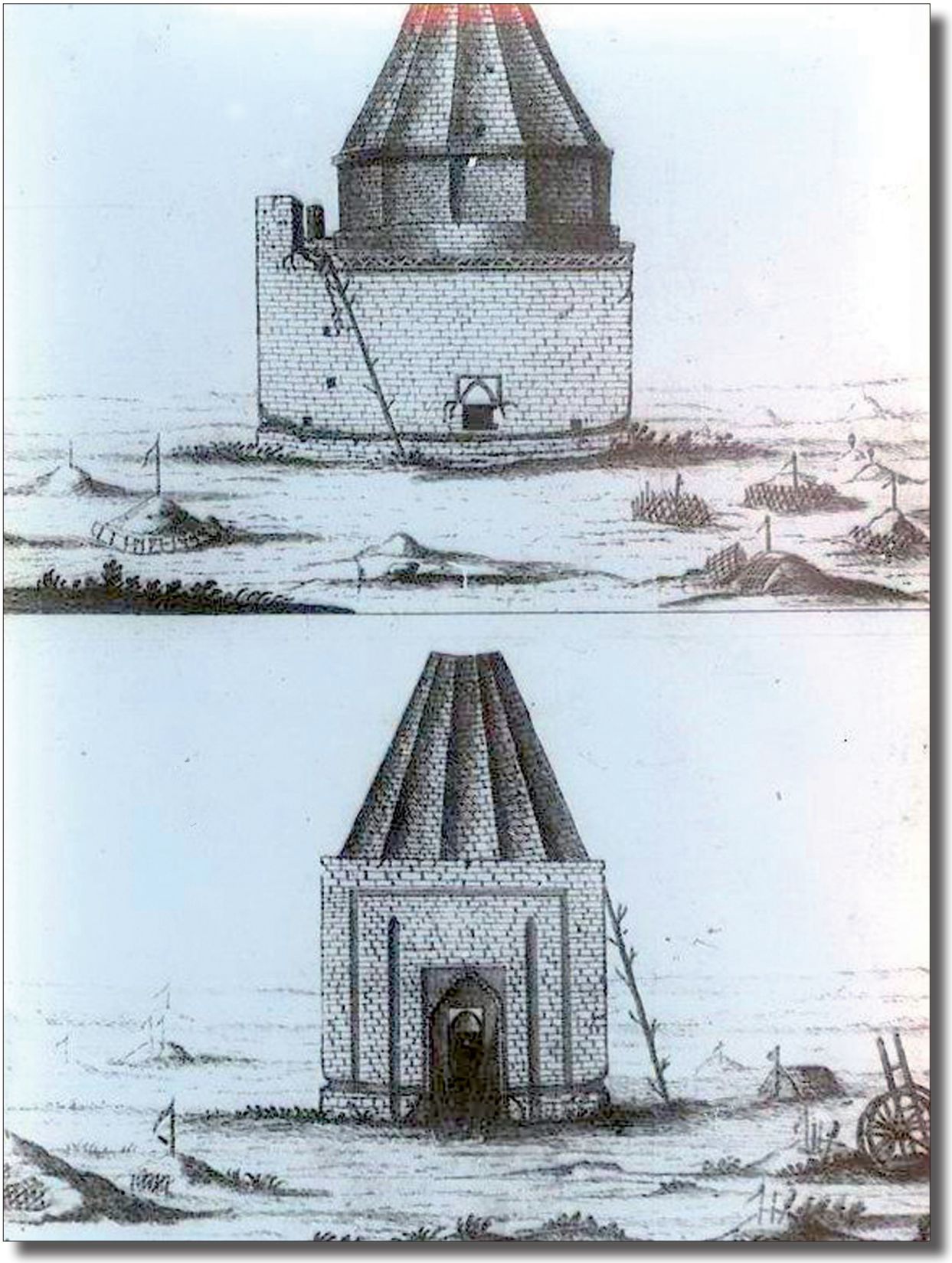

**Рис. 207. Мавзолей «Кесене» (Башня Тамерлана).
Рисунок XVIII в.**

Рис. 208. Мавзолей Хуссейн-бека у с. Чишма (Республика Башкортостан)

Традиция рисовать определенные образы на скалах родовых святилищ сохранилась и в средние века, когда в горнолесном Зауралье жили далекие потомки населения иткульской культуры – древнемансийские родовые группы. Именно этим временем датируют археологи рисунки на реке Уфе близ станции Арсланово в Нязепетровском районе Челябинской области.

С образованием Сибирского ханства история населения Восточного Зауралья связана с этой страной вплоть до времени русской колонизации этих территорий.

Выводы по разделу:

• Начало средневекового периода в истории Южного Зауралья ученые относят ко II в. н.э., когда до степей Южного Урала докатилось так называемое «Великое переселение народов».

• Разноязычные (тюркоязычные и угроязычные) народы двигались друг за другом через Южное Зауралье в I тыс. н.э. с востока на запад.

• Период со **II по VI в. – время так называемой «тюркизации» Великой Евразийской** степи и степей Южного Урала, в частности.

• Начиная с X в. н.э. на жизнь народов Южного Урала стало оказывать все возраставшее влияние образовавшееся в Волго-Камье государство – Волжская Булгария.

• Лишь около 500–600 лет назад среди южноуральских кочевников, бывших язычниками, начинает распространяться ислам.

Рис. 209. Мавзолей Тура-хана у пос. Чишма (Республика Башкортостан)

• В горнолесном Зауралье в первых веках II тысячелетия жили предки народа манси, известные археологам как юдинская культура. Они, как и их предки, были охотниками-рыболовами.

• В период с XIV по XVI в. на Южном Урале возводятся мавзолеи – свидетельства распространения ислама в местной среде, связанные с архитектурными традициями как Волжской Булгарии, так и Средней Азии.

Литература

Боталов С.Г. Поздняя древность и средневековье // Древняя история Южного Зауралья: в 2 т. Т. 2. – Челябинск: ЮУрГУ, 2000. С. 207–430.

Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). – Челябинск: ЦИКР «Рифей», 2008. – 672 с.: ил., табл.

Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы «с усами» урало-казахстанских степей. – Челябинск: Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН, 2006. – 232 с.

Дубровский Д.К., Грачев В.Ю. Уральские писаницы в мировом наскальном искусстве. – Екатеринбург: ООО «Грачев и партнеры», 2010. – 216 с.: ил.

История Курганской области (с древнейших времен до 1861 г.): в 2 т. Т.1. – Курган, 1995. – С. 98–100.

История башкирского народа в 7 т. Т. 2 / гл. ред. М.М. Кульшарипов. – Уфа: Гилем, 2012. – 400 с.

Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала. – СПб., 1994. – С. 71–102.

Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV в. /под ред. И.М. Миргалеева. – Казань: Фэн АН РТ, 2010. – 200 с.: ил.

Вопросы

1. К какому времени относится начало средневекового периода в истории Южного Зауралья?

2. Какое содержание вкладывают археологи и историки в термин «тюркизация» Великой Евразийской степи и в какой период она состоялась?

3. Укажите памятники гуннов, тюрков, венгров на территории Южного Зауралья.

4. Какова этническая принадлежность населения горно-лесной зоны Южного Урала в средние века?

5. Укажите на различия в архитектуре мавзолеев Южного Приуралья (Хуссейн-бека и Тура-хана) и Южного Зауралья (башня Тамерлана, мавзолей у с Клястицкое Троицкого района) и возможные причины этих различий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Древняя и средневековая история Южного Зауралья ярка и, порой, уникальна. Прежде всего, тем, что история людей здесь протекала в разнообразных ландшафтах, будучи вмонтированной в природный контекст. Открытые ландшафты (степи, лесостепи), где относительно часто менялось население, соседствуют здесь и в наши дни с горной страной, где миграции были редким явлением. Во все периоды древней и средневековой истории природа и климат порой определяли модель жизни людей. С каменного века обитатели Южного Зауралья стали активно пользоваться богатствами гор (в частности, каменным сырьем для изготовления орудий труда и предметов вооружения, рудами различных металлов). Минеральные богатства также придавали своеобразие течению исторических процессов в нашем крае. В бронзовом и раннем железном веке здесь не раз возникали уникальные общества, в жизни которых значительную роль играло металлопроизводство.

Языковую принадлежность народов Южного Урала специалисты впервые начинают всерьез рассуждать применительно к III тыс. до н.э. (энеолитический период). В это время, по их мнению, юг Урала, степи Казахстана до Прикаспия, населяли общества, говорившие на диалектах праугорских языков. В том же III тыс. до н.э., впервые в истории региона Урала, с миграцией в степи Оренбуржья из Поволжья скотоводческого населения древнеямной культуры, на Южном Урале появляется индоевропейское население. К рубежу III–II тыс. до н.э. оно сменяется в южноуральских степях скотоводами-металлургами, говорившими на диалектах индоиранских языков. Кочевые народы степей Южного Урала раннего железного века (саки, сарматы) уже пользовались диалектами североиранских языков. В раннем средневековье, в первой половине **I тыс. до н.э., впервые тюркоязычные народы, продвинувшиеся** сюда в ходе Великого переселения народов из Центральной Азии, замещают и поглощают своих ираноязычных предшественников.

Все перечисленные выше обитатели открытых ландшафтов Южного Урала на протяжении тысячелетий соседствовали с праугорскими народами – далекими предками хантов и манси. На пограничных территориях с бронзового века по раннее средневековье возникали общества, для которых специалисты указывают на двуязычие. Тысячелетний исторический опыт межэтнических взаимодействий изучается и должен быть востребован нами.

Древние и средневековые народы Южного Зауралья оставили после себя замечательные памятники материальной и духовной культуры: позднепалеолитические пещерные святилища с настенной живописью, культовые места с рисунками на прибрежных скалах у рек и озер, укрепленные поселения и рудники бронзового века, развалины дерново-земляных «пирамид» ранних кочевников, их степные святилища – курганы «с усами», руины городищ нардов раннего железного века и средневековья, мавзолеи на караванных перекрестках, поминальные комплексы в честь предков с каменными стелами и многое-многое другое.

Любая из перечисленных выше древних и средневековых достопримечательностей могла бы стать «визитной карточкой» Южного Зауралья. Самая злободневная проблема, связанная с памятниками древних культур, – их сохранение для потомков и разработка принципов их использования. В наши дни часто говорят о необходимости определения «брендов» Южного Урала. Но и сегодня мы не осознаем всей значимости и величия нашей древней истории. Мешают традиционные стереотипы. Сколько должно пройти столетий, прежде чем мы будем достойны нашего прошлого?

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ПЕРСОНАЛИЙ АРХЕОЛОГОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

БАДЕР Отто Николаевич (1903—1980). Известный археолог, доктор исторических наук. Академик Б.А. Рыбаков сказал однажды о нем: «Он за свою жизнь сделал столько открытий, что их с лихвой хватило бы на дюжину археологов». На Южном Урале О.Н. Бадер исследовал, в частности, такой всемирно известный памятник археологии, как Шульган-Таш (Капова пещера) с настенной живописью позднего палеолита. Вместе с Г.Н. Матюшиным он изучил одну из древнейших стоянок человека в нашем крае — стоянку Мысовая (Урта-Тюбе) на озере Карабалыкты. Уникально и погребение южноуральца каменного века, исследованное О.Н. Бадером в гроте «У каменного Кольца» у с. Серпиевка на р. Сим. Отто Николаевич — автор серии монографий и большого количества научных и научно-популярных статей.

Сочинения:

Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. — М., 1964. — 175 с.

Бадер О.Н. Капова пещера. Палеолитическая живопись. — М.: Искусство, 1965. — 48 с.: ил.

Бадер О.Н. Неолитическое погребение в гроте у Каменного Кольца на Урале и его аналоги // Проблемы археологии Урала и Сибири. — М.: Наука, 1973. С. 104—109.

Бадер О.Н. Палеолит Башкирии // Археология и этнография Башкирии. — Уфа, 1971. — Т. 4. — С. 64—68.

Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. — Пермь: Пермское кн. изд-во, 1958. — 244 с.

Бадер О.Н. Тайны седого Урала // Сквозь века. — М.: Знание, 1986.— С. 165—196.

БАТАНИНА Ия Михайловна (1933—2011). С именем И.М. Батаниной связано открытие и изучение целой серии уникальных памятников археологии бронзового века в Южном Зауралье. Геологу, специалисту по дешифрированию аэрофотоснимков И.М. Батаниной, совместно с коллегой Н.В. Левит, зимой 1986/1987 г. удалось локализовать в степях Южного Зауралья около 20 ранее неизвестных науке укрепленных поселений бронзового века, а затем в составе коллектива археологов ЧелГУ, и принять активное участие в их исследовании и введении в научный оборот.

Открытие И.М. Батаниной и Н.В. Левит стимулировало комплексное изучение этого феномена, и, в конечном счете, кардинально изменило представления специалистов и образованной общественности об уровне культуры степного населения Южного Урала на рубеже III—II тыс. до н.э. Это открытие стало одним из выдающихся достижений отечественной археологии второй половины XX в.

Сочинения:

Батанина И.М. Журумбай // Челябинская область. Энциклопедия: в 6 т. Т. 2 / гл. ред. К.Н. Бочкарев. — Челябинск: Каменный пояс, 2004. — С. 339—340.

Батанина И.М. Коноплянка // Челябинская область. Энциклопедия / гл. ред. К.Н. Бочкарев. Т. 3. — Челябинск: Каменный пояс, 2004. — С. 344.

Батанина И.М. Страна городов с птичьего полета / Хроника. — 1995. — 25 мая.

Батанина И.М., Епимахов А.В. Каменный Амбар // Челябинская область. Энциклопедия: в 6 т. Т. 3 / гл. ред. К.Н. Бочкарев.— Челябинск: Каменный пояс, 2004. — С. 54.

Батанина И.М., Зданович Д.Г. Исиней // Челябинская область. Энциклопедия: в 6 т. Т. 2 / гл. ред. К.Н. Бочкарев. — Челябинск: Каменный пояс, 2004. — С. 615.

Батанина И.М., Иванова Н.О. Археологическая карта заповедника Аркаим // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. — Челябинск: Каменный пояс, 1995. — С. 159—195.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. «Страна городов» — укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII—XVII вв. до н.э. на Южном Урале // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. — Челябинск : Каменный пояс, 1995. — С. 54—62.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим — Страна городов : Пространство и образы (Аркаим : горизонты исследований). — Челябинск : Изд-во Крокус; Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. — 260 с.: ил.

БЕЛЬТИКОВА Галина Викторовна (1945—2015). Кандидат исторических наук, Г.В. Бельтикова прошла археологическую «школу», еще будучи студенткой, в стенах УрГУ у В.Ф. Генинга и В.Е. Стоянова. Вся научная карьера Г.В. Бельтиковой связана с археологической лабораторией УрГУ. С ее именем связано открытие десятков новых памятников археологии на Урале, а также исследование (совместно с В.Е. Стояновым) эпонимного памятника раннего железного века Зауралья — Гороховского городища. Широкую известность приобрели результаты ее полевых исследований мест металлургического производства на городище Думной горы на юге Свердловской области и Иткульском I городище на севере Челябинской области. Г.В. Бельтикова выделила и детально охарактеризовала в своей кандидатской диссертации и серии научных публикаций иткульский очаг цветной металлургии раннего железного века в горнолесном Зауралье.

Сочинения:

Бельтикова Г.В. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Вопросы археологии Урала. — Вып. 14. — Свердловск, 1977. — С. 119—133.

Бельтикова Г.В., Борзунов В.А., Корякова Л.Н. Некоторые проблемы археологии раннего железного века Зауралья и Западной Сибири // Вопросы археологии Урала. — Вып. 20. — Екатеринбург: УрГУ, 1991.— С. 102—114.

Бельтикова Г.В. Развитие иткульского очага металлургии // Вопросы археологии Урала. — Вып. 21. — Екатеринбург, 1993. — С. 93—106.

БОТАЛОВ Сергей Геннадьевич (1958 г.р.). Археолог, доктор исторических наук, специалист по археологии средневековых кочевых народов Евразийских степей, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН. Выпускник историко-педагогического факультета ЧГПИ, С.Г. Боталов археологическую подготовку получил в лаборатории археологических исследований ЧГПИ, а затем — в археологической лаборатории ЧелГУ. За годы научной карьеры он исследовал целую серию уникальных погребальных памятников средневековых кочевников в степях Южного Урала и Казахстана (могильник у Башни Тамерлана, Агаповские курганы, могильник Граултры, могильник Уелги и др.). С.Г. Боталов в своих монографиях и статьях сформулировал концепцию этнокультурного развития степных кочевых народов Южного Урала и Казахстана в период раннего Средневековья. В начале 1990-х гг. он основал и до настоящего времени возглавляет предприятие, специализирующееся на производстве археологических исследований в зонах промышленного строительства и жилой застройки на территории как собственно г. Челябинска, так и Челябинской области в целом.

Сочинения:

Боталов С.Г. Поздняя древность и средневековье // Древняя история Южного Зауралья: в 2 т. Т. 2. — Челябинск: ЮУрГУ, 2000. С. 207—430.

Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы «с усами» урало-казахстанских степей. — Челябинск: Южно-Уральский филиал ИИА Ур О РАН, 2006. — 232 с.

Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). — Челябинск: ЦИКР «Рифей», 2008. — 672 с.: ил., табл.

ВОХМЕНЦЕВ Михаил Павлович (1955 г.р.). Археолог, кандидат исторических наук, директор ГУ «НПЦ по охране и использованию объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Курганской области». М.П. Вохменцев — специалист по энеолитическому периоду истории Зауралья. Этому периоду была посвящена его кандидатская диссертация. Именно М.П. Вохменцев первым создал общую картину истории края в энеолите. Среди памятников энеолита Зауралья, изученных М.П. Вохменцевым, — поселение Верхняя Алабуга-3, археоастрономические святилища Савин 1(совместно с Т.М. Потемкиной) и Слободчики 1. М.П. Вохменцев в лесостепях Зауралья выделяет две группы энеолитических памятников: с локализацией на юге лесостепи (по рекам Тобол, Убаган, Уй) и на севере лесостепи (по рекам Исеть, Миасс, Суерь и их небольших притоках). Для последней исследователь выделяет три типа памятников: поселения, могильники и святилища.

Сочинения:

Вохменцев М.П. Энеолитическое поселение Верхняя Алабуга-3 // Земля Курганская: прошлое и настоящее. — Краеведческий сборник. — Вып. 11(2). — Курган, 1991. — С. 3—7.

Вохменцев М.П. Историко-культурные параллели зауральским памятникам с круговой планировкой // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — № 1. — 1997. — С. 6—14.

Вохменцев М.П. Памятники ранней бронзы лесостепного Зауралья // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь [Текст]: к 70-летию Т.М. Потемкиной: [сборник статей] / Курганская обл. обществ. орг. «Историческое наследие Зауралья», М-во образования и науки РФ, Курганский гос. ун-т; ред. М. П. Вохменцев. — Курган: КГУ, 2007. — С . 60—65

ГЕНИНГ Владимир Федорович (1924—1993). Археолог, доктор исторических наук. «Археологические университеты» прошел на историческом факультете Пермского государственного университета у знаменитого отечественного археолога О.Н. Бадера. После окончания университета в течение ряда лет исследовал памятники археологии Приуралья. Период жизни В.Ф. Генинга с начала 1960-х гг. до 1974 г. связан с Уральским государственным университетом (Свердловск), где он преподавал на историческом факультете. В.Ф. Генинг в 1966 г. организовал Уральскую археологическую экспедицию, которая специализировалась на проведении археологических работ в зонах строительства газопроводов, нефтепроводов, гидротехнических сооружений, дорог и т.д.

В стенах археологической лаборатории УрГУ сформировался целый коллектив молодых археологов, которые в последующие десятилетия распространили опыт своего Учителя на другие районы Урала.

Широкую известность приобрело основанное В.Ф. Генингом в УрГУ издание — «Вопросы археологии Урала». В.Ф. Генинг — автор ряда монографических исследований и научных статей.

На Южном Урале под его общим руководством исследован Миасский могильник бронзового века в окрестностях с. Миасское Красноармейского района, а также всемирно известный Синташтинский культурный комплекс на реке Синташте в Брединском районе Челябинской области.

Сочинения:

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. — 1973. — № 1. — С. 114—136.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. — Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. — Ч. 1. — 408 с.

Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье I — могильник эпохи бронзы среднего Прииртышья. — Екатеринбург: УрГУ, 1994. — 67 с.

Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // Вопросы археологии Урала. — Вып. 13. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1975. — С. 42—72.

Генинг В.Ф. Синташта и проблема ранних индоиранских племен // Советская археология. — 1977. — № 4. — С. 53—73.

Генинг В.Ф. Хронологические комплексы XVI в. до н. э. (по материалам Синташтинского могильника) // Новейшие открытия советских археологов: тезисы докладов конференции. — Ч. 1. — Киев: ИА АН УССР, 1975. — С. 94—95.

ГОРБУНОВ Владимир Степанович (1946 г.р.), археолог, доктор исторических наук. После окончания БашГУ работает на различных должностях в Башкирском государственном педагогическом институте. Научные интересы В.С. Горбунова на протяжении десятилетий его научной карьеры связаны с проблемами истории Волго-Уральской лесостепи в бронзовом веке. Особенных успехов В.С. Горбунов достиг в изучении памятников абашевской культуры Южного Урала (Береговские поселения, поселение Тюбяк, Старо-Ябалаклинский могильник). В.С. Горбунов полагает, что в хозяйственно-экономической жизни абашевского населения Южного Урала важное место принадлежало металлопроизводству меди — бронзы, а южноуральское абашевское население сыграло важную роль в культурогенетических трансформациях на Южном Урале на рубеже III—II тыс. до н.э. В.С. Горбунов — автор нескольких монографий и около 100 научных публикаций.

Сочинения:

Горбунов В.С. Классификация абашевских могильников Башкирии // Древности Южного Урала. — Уфа: БФАН СССР, 1976. — С.18—34.

Горбунов В.С. Некоторые проблемы эпохи бронзы лесостепной полосы Приуралья // Бронзовый век Южного Приуралья: межвузовский сб. науч. тр. — Уфа: БГПИ, 1985. — С. 3—21.

Горбунов В.С. Абашевская культура Южного Приуралья. — Уфа: Изд-во БГПИ, 1986. — 96 с.

Горбунов В.С., Пшеничнюк А.Х., Акбулатов И.М. Новые материалы из погребальных памятников эпохи бронзы Южного Приуралья // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Урала и Нижнего Поволжья: сб. науч. ст. — Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. — С. 17—34.

Горбунов В.С. Некоторые проблемы культурогенетических процессов эпохи бронзы Волго-Уралья (Препринт). — Свердловск: ИИиА УрО РАН, 1990. — 30 с.

Горбунов В.С. Бронзовый век Волго—Уральской лесостепи. — Уфа: Изд-во БГПИ, 1992. — 223 с.

Горбунов В.С. Проблемы реконструкции основ хозяйства населения Волго-Уралья в эпоху бронзы. — Уфа : Изд-во БГПИ, 1992. — 40 с.

Горбунов В.С., Яминова С.А. У истоков новых гипотез по проблемам эпохи бронзы Уральского региона (70—80-е годы). — Изд. препринт. — Уфа: Изд-во БГПИ, 1999. — 44 с.

ГРИГОРЬЕВ Станислав Аркадьевич (1960 г.р.). Археолог, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Южноуральского филиала Института истории и археологии УрО РАН. Научную подготовку прошел в отрядах Урало-Казахстанской археологиче-

ской экспедиции. С конца 1980-х гг. С.А. Григорьев работает в Южноуральском филиале Института истории и археологии УрО РАН. Его научные интересы на протяжении почти всей научной карьеры были нацелены на круг проблем, связанных с историей металлопроизводства в бронзовом веке Южного Урала и Казахстана. В ходе изучения научным сообществом памятников синташтинского типа рубежа **III — II тыс. до н.э. в Южном Зауралье С.А. Григорьев** выступил с оригинальной миграционной концепцией происхождения оставившего их населения. С именем С.А. Григорьева связано и археологическое изучение объектов на острове Веры на озере Тургояк, а также геоглифа в окрестностях озера Зюраткуль.

Сочинения:

Григорьев С.А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. — С. 241—531.

Григорьев С.А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. — Челябинск: АНТ, 1999. — 444 с.

Григорьев С.А. Древняя металлургия Южного Урала: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М.: ИА РАН, 1994. — 20 с.

Григорьев С.А. История изучения эпохи бронзы Южного Зауралья // С.А. Григорьев, В.С. Мосин, А.Д. Таиров и др. История археологии Южного Зауралья: учеб. пособие. — Челябинск: ЧелГУ, 2002. — С. 40—112.

Григорьев С.А. Металлургия эпохи бронзы Центрального Казахстана // Степная цивилизация Восточной Евразии. — Т. 1: Древние эпохи. — Астана: Kultegin, 2003. — С. 125—145.

Григорьев С.А. Новые материалы к истории металлургии Южного Урала // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. — Челябинск: ЧелГУ, 1988. — С. 46—59.

Григорьев С.А. Проблема культурных трансформаций в Урало-Ишимском междуречье // Археология Волго-Уральских степей. — Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 1990. — С. 26—41.

Григорьев С.А. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н. э. // Новое в археологии Южного Урала. — Челябинск : Рифей, 1996. — С. 78— 96.

Григорьев С.А. Спектральный анализ шлаков эпохи поздней бронзы Поволжья и Оренбургского Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. — Вып. VI. — Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2004. — С. 46—63.

Григорьев С.А., Русанов И.А. Экспериментальные реконструкции древнего металлургического производства // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. — Челябинск: Каменный пояс, 1995. — С. 147—158.

ДУРЫЛИН Сергей Николаевич (1886—1954). Искусствовед, доктор филологических наук. В 1923—1924 г. отбывал ссылку в Челябинске. В 1923—1925 г., будучи сотрудником Челябинского музея местного края, исследовал в целом более 20 курганов бронзового века в черте современного г. Челябинска (на берегах оз. Смолино, на территории пригородных поселков Исаково и Сухомесово).

Сочинения:

Дурылин С.Н. Минко Н.К. и его работы по археологии Челябинского округа: (Материалы к биографии) // Сборник материалов по изучению Челябинского округа. Кн. 1. — Челябинск, 1927. — С. 53—55

Дурылин С.Н. Челябинские курганы// Сборник материалов по изучению Челябинского округа. Кн. 1. — Челябинск, 1927. — С. 56—71.

Дурылин С.Н. Раскопки под Челябинском // Записки Уральского общества любителей естествознания. — Т. 40. Вып. 2. — Свердловск, 1927. — С. 105—122.

ЕПИМАХОВ Андрей Владимирович (1964 г. р.). Археолог, доктор исторических наук. Выпускник исторического факультета ЧелГУ. Получил фундаментальную археологическую подготовку в отрядах Урало-Казахстанской археологической экспедиции. Активный участник масштабных разведочных археологических работ в Южном Зауралье, исследования Синташтинского и Аркаимского комплексов памятников археологии во второй половине 1980-х гг. Четверть века ведет самостоятельные полевые археологические работы. Среди изученных А.В. Епимаховым памятников бронзового века – могильники Солнце II, Каменный Амбар-5 (совместно с В.П. Костюковым и Д.В. Нелиным), Троицк-7 (совместно с В.П. Костюковым), укрепленное поселение Ольгино (Каменный Амбар) (совместно с Л.Н. Коряковой и др.). А.В. Епимахов – автор нескольких монографий, в том числе изданных за рубежом, а также сотен научных статей, посвященных проблемам хронологии, палеодемографии, социально-экономической жизни и культурогенеза степных обществ бронзового века.

Сочинения:

Епимахов А.В. Верхне-Кизильский клад: варианты интерпретации // Археология, этнография и антропология Евразии. – Вып. 4 (16) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этнографии СО РАН, 2003. – С. 96– 102.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. – 2005. – № 4. – С. 92–102.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). – Кн. 1. – Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. – 192 с.

Епимахов А.В., Чечушков И.В. Экспериментальные работы по реконструкции конской упряжи эпохи бронзы // Археологический альманах. – № 15: псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности: сб. ст. / отв. ред. А.Н. Усачук. – Донецк : Донецкий обл. краеведческий музей, 2004. – С. 39 – 45.

Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2002. – 170 с.

Епимахов А.В. Анализ тенденций социально-экономического развития населения Урала эпохи бронзы // Российская археология. – 2003. – № 1. – С. 83–90.

Епимахов А.В. Курганный могильник Солнце II – некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. – Челябинск: Каменный пояс, 1996. – С. 22–42.

Епимахов А.В. Динамика коммуникаций бронзового века Урала // Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии / под ред. до-ра ист. наук, профессора А.В. Епимахова, сост. В.А. Новоженов. – Алматы: Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым», 2014. – С. 125–205.

Epimakhov A.V. Settlements and necropolises of the Bronze Age of the Urals: opportunities of reconstruction of social dynamics // Social Complexity in Prehistoric Eurasia: Monuments, Metals and Mobility. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – P. 74–90

Koryakova L., Epimakhov A.V. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Age (Cambridge world archaeology). – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 374 p.

ЗДАНОВИЧ Геннадий Борисович (1938 г. р.). Археолог, доктор исторических наук, специалист по бронзовому веку степей Евразии. Выпускник исторического факультета УрГУ, ученик известного уральского археолога В.Ф. Генинга, после окончания университета Г.Б. Зданович организовал научные археологические центры в г. Петропавловске Северо-Казахстанской области Казахстана, а затем – в Карагандинском университете. С 1976 г. научная карьера Г.Б. Здановича и по настоящее время связана с ЧелГУ, где им также была

основана лаборатория археологических исследований, а при ней – Урало-Казахстанская археологическая экспедиция. С ее деятельностью связано, в частности, начало первого в истории археологического изучения Южного Зауралья сплошного археологического обследования степной части территории Челябинской области. Разведочными отрядами экспедиции были открыты сотни ранее не известных науке памятников археологии. Г.Б. Зданович впервые на Южном Урале применил методику исследования поселений бронзового века широкими площадями, что значительно повышало результативность их изучения. Методика эта была успешно применена в ходе раскопок (совместно с Н.Б. Виноградовым) поселения бронзового века Кулевчи III. При активном участии Г.Б. Здановича с 1983 года исследовалось укрепленное поселение бронзового века Синташта I и расположенный рядом могильник. Всероссийскую известность получила борьба коллектива археологов во главе с Г.Б. Здановичем и широкой общественности за сохранение от гибели укрепленного поселения бронзового века Аркаим. Исследование Аркаима и однотипных с ним укрепленных поселений в Южном Зауралье стало одним из самых значимых научных проектов археологов ЧелГУ. Благодаря активной поддержке правительства Челябинской области, укрепленные поселения бронзового века были соединены в кластерный заповедник областного подчинения. Центр «Аркаим» стал одним из посещаемых туристических объектов. В том, что в Челябинске в настоящее время функционирует несколько научных археологических центров, есть несомненная заслуга Г.Б. Здановича.

Сочинения:

Зданович Г.Б., Батанина И.М. «Страна городов» – укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII–XVII вв. до н.э. на Южном Урале // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск: Каменный пояс, 1995. – С. 54–62.

Зданович Г.Б. Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // Российская археология. – 1997. – № 2. – С. 47–62.

Зданович Г.Б. Аркаим. Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск: Каменный пояс, 1995. – С. 21–42.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). – Свердловск : Изд-во УрГУ, 1988. – 177 с.

Зданович Г.Б., Зданович С.Я. Могильник эпохи бронзы у с. Петровка // Советская археология. – 1980. – № 3. – С. 183–193.

Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 1983. – С. 48–68.

Зданович Г.Б., Зданович Д.Г. Проблема освоения евразийских степей в бронзовом веке и «Страна городов» Южного Зауралья // Археология Урала и Западной Сибири: к 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. – С. 110–128.

Зданович Г.Б., Зданович Д.Г. Протогородская цивилизация «Страны городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Россия и Восток: проблемы взаимодействия: матер. III международной конф. – Ч. V. – Кн. 1. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1995. – С. 48–62.

Зданович Г.Б., Малютина Т.С. Укрепленное поселение Аландское. Строительные горизонты и керамические комплексы (к проблеме взаимосвязи синташтинско – аркаимской и петровской культур) // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы II региональной науч.-практич. конф. – Челябинск: Рифей, 2004. – С. 56–61.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Укрепленные центры эпохи средней бронзы в Южном Зауралье // Степная цивилизация Восточной Евразии. – Т. 1: Древние эпохи. Научное издание. – Астана: Kultegin, 2003. – С. 72–87.

Зданович Г.Б., Малютина Т.С., Зданович Д.Г. Материалы к исследованию ранних этапов синташтинской культуры (укрепленное поселение Аландское) // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной): сб. статей / отв. ред. М.П. Вохменцев. — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. — С. 103—108.

Зданович Г.Б. Феномен протоцивилизации бронзового века Урало—Казахстанских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата: Наука, 1989. — С. 179—189.

Зданович Г.Б. Щитковые псалии Среднего Приишимья // Краткие сообщения Института археологии. — Вып. 185. — М.: Наука, 1986. — С. 60—65.

Зданович Г.Б. Аркаим и «Страна городов»: диалог культур // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала / науч. ред. Г.Б. Зданович. — Челябинск: Крокус, 2004. — С. 49—66.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим — Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). — Челябинск: Изд-во Крокус; Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. — 260 с.: ил.

ИВАНОВ Владимир Александрович (1950 г.р.). Археолог, доктор исторических наук, выпускник БашГУ, в настоящее время работает в Башкирском государственном педагогическом университете. В археологии — более сорока лет. Область научных интересов — от раннего железного века Южного Урала до средневековья включительно. Один из ведущих специалистов по проблемам истории средневековых народов Евразии. Автор нескольких монографий и более 200 научных статей и публикаций. Особенно важно то, что В.А. Иванов является автором нескольких научно-популярных изданий по различным периодам древней и средневековой истории Южного Урала.

Сочинения:

Иванов В.А. У подножья Рифейских гор. — Уфа: Башкнигоиздат, 1982. — 128 с.: ил.

Иванов В.А. Путями степных кочевий. — Уфа: Башкнигоиздат, 1984. — 136 с.: ил.

Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья. — М.: Наука, 1984. — 88 с.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XIII—XIV вв.). — М.: Наука, 1988.— 91 с.

Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала). — СПб.: Грань, 1994. — 125 с.

Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. — 123 с.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: Изд-во БГПУ, 2009. — 278 с.

Иванов В.А. Путь Ахмеда ибн Фадлана. — Уфа: Китап, 2010. — 64 с.

Иванов В.А. «Кипчакизация» Урало-Поволжья по данным археологии // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы): сб. статей. (Сер. «Тюркские племена и государства Евразии в древности и в средние века»); вып. 2. — Казань: Ихлас; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. — С. 77—100.

ИГНАТЬЕВ Руф Гаврилович (1818—1886). Краевед. С 1865-го по 1886 г. с небольшим перерывом жил и работал в Уфе. Известен среди археологов как автор первых на Южном Урале археологических исследований с научными целями (1865 г.). Лишь на территории Челябинского уезда Оренбургской губернии им было учтено 543 кургана и два городища. В опубликованном докладе Р.Г. Игнатьева Первому археологическому съезду в г. Москве описывается и широко известный мавзолей «Кисене», позднее известный как «Башня Та-

мерлана». Однако главной заслугой Р.Г. Игнатьева перед археологической наукой безусловно считается составление карт памятников археологии Оренбургской, Уфимской и Тобольской губерний.

Сочинения:

Игнатьев Р.Г. Городища и курганы Оренбургской губернии [Электронный ресурс]: монография. — Электрон. дан. — СПб. : Лань, 2014. — 27 с. — Режим доступа: http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_id=52852 — Загл. с экрана.

Инатьев Р.Г. Курганы и городища Оренбургского края // Труды первого археологического съезда в Москве.1869 г. — М., 1871. — С. 153–158.

Игнатьев Р.Г. Памятники древностей в Курганском округе Тобольской губернии // Тобольские губернские ведомости. — 1873. — 5 мая. — № 18; 12 мая. — № 19; 19 мая. — № 20; 26 мая. — № 21; 2 июня. — № 22; 16 июня. — № 24; 23 июня. — № 25.

Игнатьев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / отв. ред. В.А. Лабузов; сост. М.И. Роднов. — Т. I: 1859–1866 годы. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. — 230 с.

КАСТАНЬЕ Иосиф Антонович (Жозеф-Антуан) (1875—1958). Краевед, действительный член Оренбургской ученой архивной комиссии, хранитель музея Оренбургской ученой архивной комиссии. С археологией Южного Урала был связан с 1902 г. до переезда в г. Ташкент в 1912 г. Скрупулезная работа И.А. Кастанье по учету и описанию памятников древней и средневековой истории Оренбургского края была завершена в 1910 г. изданием монументального свода «Древности Киргизской степи и Оренбургского края». В нем он, помимо результатов своих личных изысканий, обобщил сделанное в этом области до него Р.Г. Игнатьевым, И.С. Шукшинцевым и другими краеведами.

Сочинения:

Кастанье И.А. Древности киргизской степи и Оренбургского края. Труды оренбургской ученой архивной комиссии. — Вып. XXII. — Оренбург, 1910. — 332 с.

Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. — 2-е изд. — Алматы: Дайк-пресс, 2007. — 516 с.

КОСТЮКОВ Владимир Петрович (1949—2009). Археолог, востоковед. Исследователь кочевых культур средневекового периода истории Южного Урала, кандидат исторических наук. С 1992 г. — руководитель временного творческого коллектива «Археология» при археологической лаборатории ЧГПИ (паспортизация, инвентаризация и охранные раскопки памятников археологии в степных районах Челябинской области). С середины 1980-х гг. изучал памятники средневековых южноуральских кочевых народов. Среди них наиболее значительные обнаружены им и изучены в микрорайонах «Каменный Амбар» и «Система» в Карталинском районе Челябинской области. Научные интересы В.П. Костюкова были связаны с историей Южного Зауралья в золотоордынскую эпоху. Он первым охарактеризовал «улус Шибана» Золотой Орды, в который входил в XIII—XIV в. наш край. Он является автором одной монографии и более 40 научных статей. В.П. Костюков — один из организаторов системы школьного археологического краеведения в Челябинской области.

Сочинения:

Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII—XIV в. /под ред. И.М. Миргалеева. — Казань: Фэн АН РТ, 2010. — 200 с.: ил.

Костюков В.П. Тюркские поминальные комплексы на Южном Урале // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I—II тысячелетии н.э. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. — С. 138—156.

Костюков В.П. Этническая ситуация в Южном Зауралье в монгольское время (XIII—XIV вв.). // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской ци-

вилизации Южного Урала (материалы 3-й Международной науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия»). — Ч. V, кн. 2, — Челябинск, 1995, С. 40—43.

Костюков В.П. К вопросу об улусе Шибана (XIII—XIV вв.). // XIII Уральское археологическое совещание. Тез. докладов. Ч. II. — Уфа, 1996. — С. 86—87.

Костюков В.П. Шибаниды и тукатимуриды во второй половине XIV в. // Вестник ЧелГУ. — № 28(166). — 2009. — С. 39—44.

КРИЖЕВСКАЯ Лия Яковлевна (1916—1995). Археолог, доктор исторических наук (Ленинградское отделение института археологии Академии наук СССР). С конца 1950-х гг. по начало 1980-х ее научные интересы были связаны с изучением неолита и энеолита Южного Урала. Л.Я. Крижевская в Южном Зауралье исследовала памятники археологии на озерах Большое Миассово (Латочка, Няшевка II, Кораблик, грот Чартоныш и др.). Широкую известность приобрели ее полевые исследования стоянки Чебаркуль II на одноименном озере. Л.Я. Крижевская провела археологические разведки берегов озер Ильменское, Тургояк, Кундравинское. Полученные в ходе полевых работ материалы нашли отражение в научных статьях и двух монографиях. Л.Я. Крижевская впервые в истории археологии Южного Урала охарактеризовала южноуральскую неолитическую культуру и кысыкульскую энеолитическую культуру.

Сочинения:

Крижевская Л.Я. Неолит Южного Урала. МИА. — Вып. № 141. — Л.: Наука, 1968. — 182 с.

Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. — Л.: ЛГУ, 1977. — 126 с.

Крижевская Л.Я. 40 лет изучения каменного века на Урале: итоги и перспективы // Советская археология. — 1990. — № 2. — С. 5—17.

КУЗЬМИНА Елена Ефимовна (1931—2013). Археолог, доктор исторических наук, специалист по древней истории Евразии (периодизация и хронология истории степных культур «андроновского круга» бронзового века; проблема происхождения и территориальной локализации индоевропейцев и индоиранцев; особенности духовного мира ираноязычного населения степей Евразии бронзового века и раннего железного века). С конца 1950-х гг. по 1970-е гг. Е.Е. Кузьмина вела полевые исследования памятников бронзового века на Южном Урале. В Оренбуржье это могильник Купухта, поселение Шандаша, Ново-Кумакский могильник. С именем Е.Е. Кузьминой связано исследование Кинзерского могильника в Троицком районе, могильника Туктубаево в Сосновском районе Челябинской области, а также Алакульского могильника в Щучанском районе Курганской области. Е.Е. Кузьмина — автор 14 монографий и более 300 научных статей по археологии и музееведению.

Избранные сочинения:

Кузьмина Е.Е. Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры // Памятники каменного и бронзового веков. — М: Наука, 1964. — С. 121—140.

Кузьмина Е.Е. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков. — М: Наука, 1964. — С. 141—158.

Кузьмина Е.Е. Андроновская культура. — Вып. 1. Памятники западных областей / Е.Е. Кузьмина и др. ; АН СССР. Ин-т археологии. — М.; Л.: Наука, 1966. — (Археология СССР: свод археологических источников; вып. В3-2).

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии / АН СССР. Ин-т археологии; ред. В. И. Мошинская. — М.; Л.: Наука, 1966. — (Археология СССР: свод археологических источников; вып. В4-9).

Кузьмина Е.Е. Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале // Проблемы археологии Урала и Сибири / отв. ред. А. П. Смирнов. — М.: Наука, 1973. — С. 153—164.

Кузьмина Е.Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории южнорусских степей // ВДИ. – 1974. – № 4. – С. 68–87.

Кузьмина Е.Е. О соотношении типов андроновских памятников Урала (по материалам Кинзерского могильника) // Памятники древнейшей истории Евразии/ отв. ред. П.М. Кожин, Л.В. Кольцов, М.П. Зимина. – М.: Наука, 1975. – С. 220– 230.

Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий / Е. Е. Кузьмина, К. Ф. Смирнов ; АН СССР, Ин-т археологии; ред. Н. Я. Мерперт. – М.: Наука, 1977. – 83 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? : материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев / Рос. акад. наук ; М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии. – М.: Наука, Вост. лит., 1994. – 464 с. : ил., карт. – Библиогр.: с. 281–359. – Рез. англ.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности: монография. – Актобе: ПринтА, 2008. – 358 с., ил.

Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг / Рос. ин-т культурологии. – М.: Летний сад, 2008. – 556 с.

Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого шёлкового пути / Федерал. агентство по культуре и кинематографии, Рос. ин-т культурологии. – М : КомКнига, 2010. – 240 с.

Кузьмина Е.Е. В стране Кавата и Афрасиаба / ред. К. Ф. Смирнов. – М. : Наука, 1977. – 144 с.

Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня / ред. В.И. Мокрынин. – Фрунзе: Илим, 1986. – 134 с.

МАЖИТОВ Нияз Абдулхакович (1933–2015). Археолог, доктор исторических наук, академик Академии наук Республики Башкортостан. Археологическое образование получил в стенах Пермского государственного университета. Одним из его учителей стал известный археолог О.Н. Бадер. Научные интересы Н.А. Мажитова были традиционно связаны с проблемами раннего железного века и средневекового периода истории Южного Урала. Он исследовал такие известные памятники археологии, как Бирский могильник, Турбаслинский могильник. В последние годы Н.А. Мажитов руководил исследованиями городища Уфа II, которое, как он полагал, является руинами средневекового города Башкорт. Н.А. Мажитов – автор концепции автохтонного генезиса башкирского этноса. Его перу принадлежит 12 монографических исследований и более 400 научных статей и публикаций, в том числе и серия научно-популярных изданий по древней и средневековой истории Южного Урала.

Сочинения:

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. – М.: Наука, 1968. – 164 с.

Мажитов Н.А. Тайны древнего Урала. – Уфа: Башкирское кн. изд-во,1973. –182 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. – М.: Наука, 1977. – 240 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала в VIII–XII вв. – М.: Наука, 1981. –164 с.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. – Уфа: Китап, 1994. – 528 с.

МАЛЮТИНА Татьяна Сергеевна (1953 г.р.). Археолог, кандидат исторических наук, специалист по бронзовому веку степей Южного Урала и Казахстана. Ее научная биография связана с различными подразделениями ЧелГУ и историко-культурного заповедника «Аркаим». Научную подготовку получила под руководством д.и.н. Г.Б. Здановича. В своей кандидатской диссертации Т.С. Малютина обобщила материалы по федоровской культуре в Юж-

ном Зауралье, предложив свое видение этого яркого археологического феномена. Т.С. Малютина – участник, руководитель или соруководитель полевых исследований целого ряда выдающихся памятников бронзового века, как в Северном Казахстане, так и на Южном Урале, таких как Аркаим, Берсуат, Аландское, Куйсак и многих других.

Сочинения:

Малютина Т. С. Могильник Приплодный Лог I // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск: Башкир. ун-т, 1984. — С. 58—79.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Куйсак — укрепленное поселение протогородской цивилизации Южного Зауралья // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы к конф. – Ч. V. – Кн. 1. – Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 1995. — С. 100—106.

Зданович Г.Б., Малютина Т.М. Керамика укрепленного поселения Аркаим // Древняя керамика: проблемы перспективы комплексного подхода. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. — С. 99—131.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Керамика Аркаима: опыт типологии // РА. — 2004. — № 4. — С. 67—82.

Зданович Г.Б., Малютина Т.С., Зданович Д.Г. Материалы к исследованию ранних этапов синташтинской культуры (укрепленное поселение Аландское) // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной): сб. статей / отв. ред. М.П. Вохменцев. — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. — С. 103—108.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б., Гаврилюк А.Г. Некрополи укрепленного поселения Аркаим: Александровский IV. Захоронения патриархов Аркаимской долины // Аркаим — Синташта: древнее наследие Южного Урала: к 70-летию Г.Б. Здановича: сб. науч. тр.: в 2 ч. / отв. ред. Д.Г. Зданович. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. — С. 179—206.

МАТЮШИН Геральд Николаевич (1927—2000). Археолог, доктор исторических наук (Институт археологии РАН, г. Москва), специалист по каменному веку Урала, талантливый популяризатор археологической науки. С конца 1950-х по 1970-е гг. исследовал памятники археологии Южного Урала. С именем Г.Н. Матюшина связано открытие одной из древнейших стоянок человека на Южном Урале — стоянки Мысовой (Урта-тюбе) на оз. Карабалыкты в Зауральской Башкирии. Он является первооткрывателем, исследователем мезолитических памятников Южного Урала и первым из археологов, кто попытался систематизировать представления об этом периоде древней истории региона. Этому предшествовали археологические разведки, в ходе которых исследователем были обнаружены и впервые документированы сотни памятников каменного века. Г.Н. Матюшин исследовал памятники каменного века в различных местах Южного Урала: Сабакты III, Суртанды VIII, Ташбулатово I в Зауральской Башкирии на оз. Зюраткуль (стоянки долгий Ельник II, Каменный Мыс), на озерах Карагайское, Большой и Малый Бугодак в Верхнеуральском районе Челябинской области. Г.Н. Матюшин выделил на Южном Урале две мезолитические культуры: романовско-ильмурзинскую (эпонимные памятники — стоянки Романовка II и Ильмурзино) для Башкирского Приуралья и янгельскую (по стоянке Янгелька на северном берегу оз. Сибаркуль) для Южного Зауралья. Он — автор трех монографий и более 300 научных и научно-популярных статей. Г.Н. Матюшин, пожалуй, единственный из уральских археологов, уделивший столь значительное место популяризации археологической науки. Из-под его пера вышла целая серия достаточно талантливо написанных научно-популярных книг для массовой аудитории.

Сочинения:

Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. — М.: Наука, 1976. — 368 с.

Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. — М.: Наука, 1982. — 328 с.

Матюшин Г. Н. Экологические кризисы, производящее хозяйство и цивилизация // Древности. — Вып. 3. — М.: б. и., 1992. — С. 17—71.

Матюшин Г.Н. Неолит Южного Урала. Предуралье. РАН. Институт этнографии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — М. 1996. — 302 с.: илл.

Матюшин Г.Н. У колыбели истории. — М.: Просвещение, 1972. — 275 с.

Матюшин Г.Н. Три миллиона лет до н.э. Книга для учащихся. М.: Просвещение, 1986. — 155 с.

Матюшин Г.Н. У истоков цивилизации. Книга для учащихся старших классов. — М.: Просвещение, 1992. — 191 с.

Матюшин Г.Н. Археологический словарь. — М.: Просвещение, 1996. — 304 с.

МИНКО Николай Кириллович (1880—1918). Краевед. В 1906—1911 гг. обнаружил в окрестностях современного ему Челябинска около 1000 древних курганов. Около 100 из них с разрешения Археологической комиссии Н.К. Минко изучил, а результаты опубликовал в «Записках Уральского общества любителей естествознания». Депаспортизованные коллекции, полученные Н.К. Минко в ходе раскопок, хранятся в фондах Челябинского государственного краеведческого музея.

Сочинения:

Минко Н.К. Отчет о раскопках курганов в Челябинском уезде Оренбургской губернии в 1906 г. // Записки Уральского общества любителей естествознания. — Т. 26. — Екатеринбург, 1907. — С. 105—112.

Минко Н.К. Отчет о раскопках курганов в Челябинском уезде Оренбургской губернии в 1909 году // Отчет Археологической комиссии за 1909—1910 годы. — СПб., 1913. — С. 192—193.

МОРГУНОВА Нина Леонидовна (1952 г.р.). Археолог, доктор исторических наук (Оренбургский государственный педагогический университет). Специалист по неолиту, энеолиту и бронзовому веку Волго-Уралья. Автор 5 монографий и более 160 научных статей и публикаций. Среди исследованных ею памятников археологии наиболее известны: Ивановская стоянка, Шумаевские курганы, Скворцовский курганный могильник. Н.Л. Моргунова и ряд других оренбургских археологов на основании наблюдений за вариантами погребальной обрядности древнеямной культуры Оренбуржья, считают возможным говорить о трехчленном делении общества ямной культуры Приуралья бронзового века. Оно, по их мнению, включало такие социальные страты, как рядовые общинники, жрецы и воины, а также ремесленники и рабы.

Сочинения:

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. — Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН: Изд. Фирма «Наука», 1994. — 153 с.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья Оренбург, 1995. — 222 с.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Скворцовский курганный могильник. — Оренбург: ОГПУ, 2010. — 160 с.

Моргунова Н.Л. Энеолит Волго-Уральского междуречья. — Оренбург, 2011. — 220 с.

Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. — Оренбург: ОГПУ, 2014. — 348 с.

МОРОЗОВ Юрий Алексеевич (1941 г.р.). Археолог, кандидат исторических наук, вы-

пускник исторического факультета БашГУ, специалист по энеолиту и бронзовому веку Южного Урала. Научные интересы Ю.А. Морозова в основном связаны с изучением памятников срубной культуры бронзового века Южного Урала. Истории срубного населения Бельско-Уральского междуречья была посвящена его кандидатская диссертация. Среди изученных им памятников археологии Аитовское поселение, Старо-Ябалаклинский могильник и многие другие. Ю.А. Морозов – автор 230 научных публикаций, в том числе трех монографий.

Сочинения:

Морозов Ю.А. Новые сведения о заселении Приуралья срубными племенами // Советская археология. – 1977. – № 1. – С. 162–169.

Морозов Ю.А. Клад каменных орудий на реке Уршак // Советская археология. – 1982. – № 4. – С. 214–215.

Морозов Ю.А., Тихонов Б.Г. Неолитические памятники в низовье р. Белая // КСИА. – Вып. 177. – 1984. – С. 75–80.

Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. – Уфа: Баш. кн. изд-во, 1991. – 161 с.

Морозов Ю.А., Нигматуллин Р.А. Этнокультурные связи срубных племен Приуралья в эпоху развитой бронзы: (По материалам Петряев. могильника). Препр. – Уфа: ИИЯЛ, 1998. – 39 с. ил.

МОСИН Вадим Сергеевич (1954 г. р.). Археолог, доктор исторических наук, директор Южно-Уральского филиала института истории и археологии УрО РАН, специалист по каменному веку Урала. Археологические «университеты» прошел в отрядах археологической экспедиции ЧелГУ. Исследовал целый ряд памятников каменного века и палеометаллического периода на Южном Урале и в Зауралье, в том числе древнейший памятник истории края – раннепалеолитическое местонахождение Краснокаменка. Он является автором раскопок целой серии памятников археологии – от мезолита до энеолита включительно. Среди них: стоянка Шатанов III на озере Иртяш, стоянка Кочегарово I на реке Миасс в Курганской области. В.С. Мосин выделил чебаркульскую неолитическую культуру Южного Урала, а для энеолита – кысыкульско-суртандинскую.

Сочинения:

Мосин В.С. К вопросу о преемственности энеолита – бронзы в Южном Зауралье // Археология Волго-Уральских степей. – Челябинск: ЧелГУ, 1990.– С. 15–25.

Мосин В.С. Каменный век // Древняя история Южного Зауралья: в 2 т. – Челябинск: ЮУрГУ, 2000. Т. 1. – С. 53–241.

Мосин В.С. Энеолитическая керамика Урало – Иртышского междуречья. Челябинск: Изд. ЮУрГУ, 2003.– 220 с.

Мосин В.С. Энеолит Южного Зауралья // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2. 2004. С. 79–93.

Мосин В.С. Стоянка Шатанов 3 на озере Иртяш (классификационный и археолого-исторический подходы). – Челябинск: «ЦИКР «Рифей», 2011. – 108 с.

Мосин В.С. Древние охотники Урала (археология и жизнь) / В.С. Мосин. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. – 511 с.

ОБЫДЕННОВ Михаил Федорович (1949 г.р.). Археолог, доктор исторических наук, выпускник БашГУ. Научные интересы М.Ф. Обыденнова на протяжении всей научной карьеры связаны с кругом проблем истории и культуры лесных археологических культур бронзового века, прежде всего, черкаскульской и межовской. Много сил и времени отдано М.Ф. Обыденновым и на создание целой серии популярных изданий по археологии

Южного Урала, учебных пособий для студентов по древнему искусству Урала, этногенезу уральских народов, истории археологического изучения Урала в XVIII–XX вв. **М.Ф. Обыденнов** – автор более 300 научных статей и публикаций и автор (соавтор) целой серии научных монографий.

Сочинения:

Обыденнов М.Ф. История археологического изучения Урала XVIII – начала XX в. – Уфа, 1994.– 80 с.

Обыденнов М.Ф. Первооткрыватель уральских древностей // Рифей.: уральский краеведческий сб. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1989.– С. 169–177.

Обыденнов М.Ф. Поздний бронзовый век Южного Урала: учеб. пособие. – Уфа: БГУ, 1986.– 80 с.

Обыденнов М.Ф. У истоков уральских народов. Экономика, культура, искусство, этногенез. – Уфа, 1997. – С. 3–43.

Обыденнов М.Ф., Корепанов К.И. Искусство населения Центрального Башкортостана на рубеже эр. Кара – Абызское искусство. – Уфа: Юрика, 2003. – 206 с.: ил.

Обыденнов М.Ф., Корепанов К.И. Искусство Урала и Прикамья. Ч. 1. Эпоха камня и бронзы. – Уфа, 1997.– С. 8–18.

Обыденнов М.Ф., Тувалбаева А.Р. История изучения бронзового века на Урале (1920 – сер.1960-х гг.). – Уфа, 1998. – 78 с.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). – Екатеринбург: УрГУ, 1995.– 196 с.

ОБЫДЕННОВА Гюльнара Талгатовна (1955 г.р.). Археолог, доктор исторических наук, специалист по бронзовому веку Евразии, особенно восточного «крыла» срубной культуры, и истории археологического изучения Урала (Уфа, БГПУ). Выпускница исторической секции Челябинского Научного общества учащихся. В полевых исследованиях принимает участие с начала 1970-х гг. Среди изученных ею памятников археологии бронзового века – Мурадымовское поселение, поселение Тюбяк, Иштугановский, Акназаровский могильники. Г.Т. Обыденнова – автор более 100 научных статей и публикаций, в том числе 7 монографий. Для студентов исторического факультета педагогического университета важно то, что Г.Т. Обыденнова является автором одного из первых учебников по истории города Уфы.

Сочинения:

Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Археологические памятники Уфы : Путеводитель.– Уфа: Б. и., 1982. – 45 с.: илл.

Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности / под ред. А. Х. Халикова. – Самара: Изд-во Самарского ун-та, 1992. – 176 с.: илл.

Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Атлас археологии Республики Башкортостан: учеб. пособие. – Уфа: Китап, 2006. – 56 с.: илл.

ПЕТРИН Валерий Трофимович (1943–2002). Археолог, доктор исторических наук, специалист по каменному веку Евразии, древним наскальным рисункам Урала. Обучение и азы археологии постиг в археологической лаборатории УрГУ (г. Свердловск). Основная часть научной карьеры В.Т. Петрина оказалась связанной с институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (г. Новосибирск). В археологии Урала и Западной Сибири В.Т. Петрин останется как исследователь палеолитических памятни-

ков (стоянка Шикаевка II, Зотинский I грот, Безымянный грот, стоянка Могочино). С именем В.Т. Петрина связано открытие и исследование настенной живописи позднего палеолита в Игнатиевской (Ямазы-Таш) и во 2-й Серпиевской (Колокольной) пещерах в Катав-Ивановском районе Челябинской области, а также введение в научный оборот нескольких десятков местонахождений древних наскальных рисунков по берегам рек и озер Среднего и Южного Урала. В частности, В.Т. Петрин переобследовал известные «писаницы» на берегах озера Большие Аллаки в Каслинском районе Челябинской области. Он является автором 30 монографий и около 400 научных публикаций.

Сочинения:

Петрин В.Т. Писаница на р. Уфе около железнодорожной станции Арасланово // СА.– № 4. – 1971. – С. 236–239.

Петрин В.Т., Смирнов Н.Г. Палеолитический памятник в Шикаевке на правобережье Тобола // Вопросы археологии Урала. Вып. 13. – Свердловск: УрГУ, 1975. – С. 75–85.

Петрин В.Т. К вопросу о датировке Аразлановской писаницы на р. Уфе // Советская археология. – № 2. – 1977. – С. 246–249.

Петрин В.Т. Находки новых наскальных изображений в Кыштымском озерном крае // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1978. – С. 66–67.

Петрин В.Т. Наскальные изображения Южного Урала // Археология эпохи камня и металла Сибири. Новосибирск, 1983. – С. 150–159.

Петрин В.Т. Новые наскальные изображения Южного Урала // Советская археология. – 1984. – № 4. – С. 96–103.

Петрин В.Т. Новые наскальные изображения Урала // Проблемы археологии Северной и Восточной Азии. – Новосибирск, 1986. – С. 99–132.

Петрин В.Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: Наука, 1986.– С. 21–34; 100–118.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале.– Новосибирск: Наука, 1992.– 204 с.

Широков В.Н., Петрин В.Т. Искусство ледникового века. Игнатиевская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале. – Екатеринбург: 2013. – 190 с.

ПОТЕМКИНА Тамила Михайловна (1937 г.р.). Археолог, кандидат исторических наук, специалист по энеолиту и бронзовому веку Евразии. Археологическую подготовку прошла в Уральской археологической экспедиции, у известного уральского археолога В.Ф. Генинга. Полевая исследовательская работа Т.М. Потемкиной связана со Средним Притобольем. В 1960–1970-х гг., будучи преподавателем Курганского государственного педагогического института и руководителем созданной ею археологической лаборатории, Т.М. Потемкина сумела сформировать работоспособный коллектив единомышленников и провести широкие как разведочные, так и стационарные исследования памятников археологии бронзового века. Среди исследованных Т.М. Потемкиной памятников можно упомянуть поселения Камышное I и Камышное II, Язево I–III, могильники Раскатиха, Верхняя Алабуга. Именно Т.М. Потемкина начала работу по учету и паспортизации памятников археологии Зауралья. Результаты исследований Т.М. Потемкиной нашли отражение в ее обобщающей монографии по бронзовому веку Среднего Притоболья, большом количестве научных статей и публикаций. Помимо проблематики бронзового века Т.М. Потемкина разрабатывает и проблемы археоастрономии в связи с исследованием ею (совместно с М.П. Вохменцевым) серии археоастрономических объектов (святилище Савин 1, святилище Слободчики 1).

Сочинения:

Потемкина Т.М. Алакульская культура // СА. – 1983. – № 2. – С. 13–33.

Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья / Т. М. Потемкина. – М. : Наука, 1985. – 375 с.

Потемкина Т. М. Камышное II – многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол / Т. М. Потемкина // КСИА. – М. : Наука, 1976. – Вып. 147. – С. 97–106.

Потемкина Т.М. О некоторых спорных вопросах ранней и средней бронзы Волго-Уральского региона / Т. М. Потемкина // СА. – 1990. – № 1. – С. 118–130.

Потемкина Т.М. О происхождении алакульской культуры в Притоболье // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: ЧелГУ, 1983. – С. 8–21.

Потемкина Т.М. О соотношении типов раннеалакульской керамики в Притоболье // КСИА. – М. : Наука, 1982. – Вып. 169. – С. 44–53.

Потемкина Т.М. О факторах, предшествующих сложению памятников типа Аркаим в Урало-Сибирском регионе // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. – Челябинск: ЧелГУ, 1995. – Ч. V. – Кн. 1. – С. 144–154.

Потемкина Т.М. Проблемы контактов и взаимодействий населения степной и лесной зоны Притоболья в эпоху бронзы // Проблемы культурогенеза и культурное наследие : материалы к конф. – Ч. II: Археология и изучение культурных процессов и явлений. – СПб. : ИИМК РАН, 1993. – С. 162–169.

Потемкина Т. М. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (ранний и средний этапы) // РА. – 1995. – № 1. – С. 14–27.

Потемкина Т. М. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный этапы) / Т. М. Потемкина // РА. – 1995. – № 2. – С. 11–19.

РЫЧКОВ Петр Иванович (1712–1777). Первый российский краевед Южного Урала, первый член-корреспондент Императорской Академии наук, выдающийся ученый XVIII века. Его «Топография Оренбургской губернии по ее нынешнему состоянию» по праву считается не только первым краеведческим трудом в России, но и одной из первых научных в подлинном смысле этого слова работ, в которой содержится довольно много сведений по древней истории Южного Урала и дается характеристика целого ряда памятников древних культур. Именно П.И. Рычков был первым исследователем знаменитой Каповой пещеры в Башкирии. Он первым из европейцев описал средневековые мавзолеи Южного Зауралья, в том числе и широко известный сейчас мавзолей – «Башню Тамерлана» в современном Варненском районе Челябинской области, а также древние курганы и городища у г. Шадринска, древние «чудские» рудники Южного Урала по рекам Каргала и Сакмара.

Сочинения:

Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное Коллежским советником и Императорской Академии наук Корреспондентом Петром Рычковым. –Ч. II. – СПб., 1762. – 262 с.

САЛЬНИКОВ Константин Владимирович (1900–1966). Археолог, доктор исторических наук. К.В. Сальников впервые в истории археологии Южного Урала попытался охарактеризовать заключительные этапы каменного века в Зауралье. По итогам исследования поселения Бабарыкино II под Шадринском он выделил и охарактеризовал бабарыкинскую культуру, отнесенную им к раннему бронзовому веку. Исследование К.В. Сальниковым Алакульского и Федоровского могильников, Замараевского поселения бронзового века позволили ему создать периодизацию и хронологию степной андроновской культуры Южного Урала бронзового века. Многолетнее изучение К.В. Сальниковым Гороховского городища («Чудаки») на реке Юргамыш и целого ряда погребальных памятников лесостепного Зауралья привело его к выделению лесостепной гороховской культуры раннего железного века. Работы К.В. Сальникова на I Даутовском (Иткульском I) городище на оз. Иткуль, на севере Челябинской области завершились открытием им иткульской культуры раннего железно-

го века. Им же было положено начало осмыслению средневековых древностей Приисетья, где по результатам изучения Большого Бакальского городища у Шадринска К.В. Сальников выделяет бакальскую средневековую культуру. Его научное наследие содержится в многочисленных статьях и заметках. Он также был первым из южноуральских археологов, кто счел важным писать не только для коллег, но и для широкой аудитории, прежде всего, для детей.

Сочинения:

Сальников К.В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровка Челябинской области // Материалы и исследования по археологии СССР. — Вып. 1. — М., 1940.

Сальников К.В. Древнейшее население Челябинской области: (По данным археологических памятников). — Вып. 1. — Челябинск, 1948.

Сальников К.В. В глубине веков: Очерки о жизни первобытного населения Урала.— Свердловск, 1949.

Сальников К.В. Памятник абашевской культуры близ Магнитогорска // КСИИМК. Вып. XXXV. — М., 1950. — С. 91—97.

Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья / МИА. — Вып. 21. — М.: Изд-во АН СССР, 1951. — С. 94—151.

Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. — Свердловск: ОГИЗ, 1952. — 155 с.

Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль// Материалы и исследования по археологии СССР. — Вып. 24. — М., 1952. — С. 51—72.

Сальников К.В. Абашевская культура на Южном Урале // СА. — Т. XXI. — М., 1954. — С. 52—94.

Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и бронзы // АЭБ. — Т. 1. — Уфа, 1962.— С. 16—58.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. — М.: Наука, 1967. — 406 с.

Сальников К.В. История археологических исследований на Южном Урале // Проблемы археологического изучения Южного Урала: сб. науч. ст. / отв. ред. и сост. Н.Б. Виноградов. — Челябинск: АБРИС, 2009. — С. 158—214.

СТОКОЛОС Владимир Савельевич (1930—2013). Археолог, доктор исторических наук. В Уральском государственном университете получил подготовку археолога в конце 1940-х — начале 1950-х гг. (методику проведения археологических разведок, стационарных полевых работ) у известного на Урале специалиста — К.В. Сальникова (раскопки Гороховского городища на реке Юргамыш) и у Н.П. Кипарисовой (археологические работы на берегах озера Иткуль). В середине 1950-х гг. провел самостоятельную археологическую разведку участка долины р. Исеть на северо-западе современной Курганской области. В 1958 г. В.С. Стоколос исследовал погребальные памятники бронзового века в окрестностях с. Степного Троицкого района. Наибольшую известность получили результаты изучения могильников Степное I и Степное II. Уникальные материалы, в том числе остатки халата, шелковая ткань которого связывается специалистами с Ираном постсасанидского периода, были получены В.С. Стоколосом в 1959 г. в ходе доисследования курганов конца I тыс. н.э. на берегу озера Синеглазово. В первой половине 1960-х гг. В.С. Стоколосом и студентами историко-филологического факультета Челябинского государственного педагогического института были произведены беспрецедентные по масштабам раскопки памятников позднего бронзового века у дер. Черняки под Челябинском (могильники Черняки I, II и поселения Черняки I—III, в зоне будущего Шершневского водохранилища. Именно материалы южноуральских памятников бронзового века легли в основу его кандидатской диссертации. Позднее, после переезда в Сыктывкар, В.С. Стоколос обращался к археологии Южного Урала эпизодически: в начале

1970-х и в начале 1980-х гг. (работы, связанные с исследованием Кизильского укрепленного поселения бронзового века и расположенного в его окрестностях Кизильского могильника. Изучение Кизильского укрепленного поселения позволило В.С. Стоколосу утверждать о наличии фортификационных сооружений на поселениях бронзового века Южного Урала. Раскопки Кизильского могильника примечательны находкой уникального навершия булавы, выполненного из кристалла горного хрусталя и не менее уникального комплекса украшений молодой женщины. В.С. Стоколос – автор пересмотра статуса этапов, периодизации и хронологии андроновской культуры Южного Зауралья К.В. Сальникова. С археологией Южного Урала в научном наследии В.С. Стоколоса связаны две монографии и серия научных статей.

Сочинения:

Стоколос В.С. Археологические памятники Челябинской области. – Челябинск, 1960.

Стоколос В.С. Курганы эпохи бронзы у с. Степного // Краеведческие записки. – Вып. 1. – Челябинск: Челябинский областной краеведческий музей, 1962. – С. 3–20.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. – М.: Наука, 1972. – 168 с.

Стоколос В.С. Существовал ли новокумакский горизонт? // Советская археология. – 1983. – № 2. – С. 257–264.

Стоколос В.С. Поселение Кизильское позднего бронзового века на р. Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. – Сер. 1: Исторические науки. – Вып. 2. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004. – С. 207–236.

Стоколос В.С., Стоколос Г.И. Кизильский курганный могильник эпохи поздней бронзы на реке Урал // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. – Сер. 1: Исторические науки. Вып. 2. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004. – С. 237–256.

Стоколос В.С. Черняки III – алакульское святилище в Южном Зауралье // Вестник ЧГПУ. – Сер. 1: Исторические науки. – № 3. – 2005. – С. 22–49.

ТАИРОВ Александр Дмитриевич (1955 г.р.). Археолог, доктор исторических наук, специалист по истории ранних кочевых народов Евразии. Подготовку как археолог прошел в отрядах Урало-Казахстанской археологической экспедиции (ЧелГУ). Спектр научных интересов А.Д. Таирова не ограничивается проблематикой кочевого «мира» Евразии раннего железного века. Он живо интересуется как динамикой природно-климатических изменений в Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э., так и маршрутами караванных путей из Средней Азии через просторы Казахстана к Южному Уралу и Западной Сибири. А.Д. Таиров участвовал в реконструкции облика надмогильного дерново-земляного сооружения раннего железного века у известной Башни Тамерлана, руководил воссозданием на территории музея-заповедника «Аркаим» подкурганного склепа знатной кочевой семьи V–IV вв. до н.э. по материалам раскопок кургана в Чесменском районе Челябинской области. А.Д. Таировым на протяжении многих лет исследовались археологические памятники Южного Зауралья и Казахстана, принадлежавшие различным периодам древней и средневековой истории. С его именем связано, в частности, изучение могильника бронзового века Путиловская Заимка II на реке Уй в Троицком районе Челябинской области, Большого Климовского кургана, кургана Темир в Чесменском районе Челябинской области, курганного могильника раннего железного века Кичигино у г. Южноуральска. В ходе раскопок Кичигинского могильника была получена уникальная коллекция золотых или обтянутых золотом предметов – знаки власти и украшения лицевой стороны горита, выполненные в знаменитом скифо-сибирском стиле декоративно-прикладного искусства. А.Д. Таиров в 1980-е гг. возглавил работу по созданию «Свода археологических памятников Челябинской области». Он является автором более 200 научных статей и около 10 монографий. В составе авторского коллектива в начале 2000-х гг. А.Д. Таиров участвовал в написании двухтомной

«Древней истории Южного Зауралья», в которой его перу принадлежит раздел «Ранний железный век». А.Д. Таиров разработал и ввел в археологический научный оборот концепцию пастбищно-кочевой системы хозяйствования кочевых народов Казахстана и Южного Урала в периоды раннего железного века и средневековья.

Сочинения:

Таиров А.Д. Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск: Челяб. гос. ун-т; Природ.-ландшафт. и ист.-археол. центр «Аркаим», 1995. — 43 с.

Таиров А.Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья: в 2 т. Т. 2. — Челябинск, 2000. — С. 3—206.

Таиров А.Д. Изменение климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II—I тыс. до н.э.: материалы к историческим реконструкциям. — Челябинск: Рифей, 2003. — 68 с.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII—VI в. до н.э.: монография. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. — 274 с.: илл.

Комплексы кочевой аристократии Южного Урала: альбом / С.Г. Боталов, А.Д. Таиров, С.М. Арканов; под ред. С.Г. Боталова, Н.О. Ивановой. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. — 328 с.

ТОЛМАЧЕВ Владимир Яковлевич (1876—1943). Археолог, краевед. В 1897—1914 гг. обследовал берега рек и озер в современной Челябинской (реки Синара, Багаряк, Караболка, Уй, Миасс, озеро Большие Аллаки), юга Свердловской (река Исеть, озера Шигирское и Исетское), Курганской областей (реки Исеть и Тобол). Разведочное обследование завершилось созданием в 1915 г. «Археологической карты Урала» (более 400 памятников археологии). Совместно с В.П. Бирюковым в 1914 г. исследовал разрушающийся Бакланский могильник на реке Миасс в современном Каргапольском районе Курганской области. В трех выпусках «Записок Уральского общества любителей естествознания» В.Я. Толмачев опубликовал свое фундаментальное исследование «Древности Восточного Урала», в котором попытался детально описать основные археологические коллекции музея Уральского общества любителей естествознания, прежде всего, находки из известного Шигирского торфяника. Эта работа В.Я. Толмачева до сих пор востребована учеными.

Сочинения:

Толмачев В.Я. Древности Восточного Урала // Записки Уральского общества любителей естествознания. 1913. — Т. 32, вып. 2; 1914. — Т. 34, вып. 8—12; Свердловск, 1927. — Т. 40, вып. 2.

Толмачев В.Я. Деревянный идол из Шигирского торфяника // Известия Археологической комиссии. — Петроград, 1916. — Вып. 60. — С. 94—99.

ЧЕРНЫХ Евгений Николаевич (1935 г.р.). Археолог, доктор исторических наук, зав. лабораторией естественнонаучных методов Института археологии РАН, член-корреспондент РАН. Е.Н. Черных — создатель и глава научной школы исследователей археометаллургии. Е.Н. Черных, его ученики и последователи доказали, что в эпоху раннего металла (энеолит и бронзовый век) металлы и металлопроизводство сыграли роль мощного катализатора прогресса Человечества в целом, запустившего механизм устойчивых связей между различными, часто весьма удаленными друг от друга обществами Евразии. Была проведена огромная работа по изучению древнейшего горного дела, металлургии и металлообработки в различных частях Северной Евразии. Была создана гигантская по объему база данных, включающая сведения о металлических изделиях, литейных формах, результатах спектрального и рентгено-флюоресцентного анализов и др. В итоге была сформулирова-

на авторская концепция о формировании и функционировании в эпоху раннего металла в Старом Свете системы металлургических провинций, состоявших из родственных и взаимосвязанных очагов металлургии и металлообработки. В 1960-е гг. Е.Н. Черных обследовал большинство известных геологам и археологам медных рудников Южного Урала и изучил геохимию их руд. В 1990-е гг. в пределах известного Каргалинского рудного поля на севере Оренбуржья Е.Н. Черных в течение нескольких лет изучал уникальное поселение древних горняков и металлургов срубной культуры Горный I. Результаты комплексного изучения памятника были опубликованы в пяти томах коллективной монографии «Каргалы». Справедливо заключить, что исследования Е.Н. Черных и его школы привели к кардинальному пересмотру современных представлений об эпохе раннего металла в Евразии.

Сочинения:

Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. — М.: Наука, 1966. — 144 с.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. — М.: Наука, 1970. — 180 с.

Черных Е.Н. Металл — человек — время. — М.: Наука, 1972. — 208 с. (Научно-популярная серия).

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). — М.: Наука, 1989. — 320 с.

Chernykh E.N. Ancient Mining and Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambridge University Press, 1992. — 416 p.

Черных Е.Н. Каргалы. Забытый мир. — М.: Nox, 1997. — 176 с.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. — М.: Ин-т археологии РАН, 2000. — 95 с.

Каргалы: в 5 т. Т. I / сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 112 с.

Каргалы: в 5 т. Т. II / сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 184 с.

Каргалы: в 5 т. Т. III / сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 320 с.

Каргалы: в 5 т. Т. IV / сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 240 с.

Черных Е.Н. Каргалы: в 5 т. Т. V. Каргалы: феномен и парадоксы развития. — М.: Языки славянской культуры, 2007. — 200 с.

Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 624 с.

Черных Е.Н. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — Т. 1. — 368 с.

Черных Е.Н. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — Т. 2. — 429 с.

ШИРОКОВ Владимир Николаевич (1958 г.р.). Археолог, специалист по периоду палеолита и древним наскальным изображениям (Институт истории и археологии УрО РАН). Археологическую подготовку прошел в Уральской археологической экспедиции (УрГУ) у известного археолога В.Т. Петрина. Много лет посвятил поиску и изучению древних наскальных рисунков — от настенной живописи палеолитического периода в Игнатиевской (Ямазы-таш) и Серпиевской II (Колокольной) пещере на реке Сим в Катав-Ивановском районе Челябинской области до рисунков святилищ средневековых обитателей горнолесной части Южного Урала. Из палеолитических стоянок Южного Урала,

исследованных В.Н. Широковым, следует, прежде всего, назвать стоянку Богдановка на реке Урал и Троицкую I стоянку на реке Уй. В.Н. Широков – автор более 50 научных статей. Особо следует отметить его книгу, посвященную древнему искусству Урала и предназначенную для учителей.

Сочинения:

Широков В.Н. Древнейшее искусство уральских пещер: пособие для учителя и учащихся. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1995. – 80 с.

Широков В.Н., Косинцев П.А., Волков Р.Б. Палеолитическая стоянка на р. Уй // Новое в археологии Южного Урала: сб. науч. тр. / Сер. Южный Урал: Природно-климатические факторы и историко-культурные процессы. – Челябинск: Рифей, 1996.– С. 3–17.

Широков В.Н., Волков Р.Б., Косинцев П.А., Лаптева Е.Г. Палеолитическая стоянка Богдановка (Южный Урал) // Российская археология. – 2011. – № 1. – С. 125–139.

Широков В.Н., Петрин В.Т. Искусство ледникового века. Игнатиевская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале. – Екатеринбург: 2013. – 190 с.

Широков В.Н., Чаиркин С.Е. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала. РАН, УрО, Ин-т истории и археологии; НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области; науч. ред. В. Д. Викторова. – Екатеринбург: Ажур, 2011. – 182 с.: илл.

Широков В.Н. Уральские писаницы. Южный Урал. РАН, УрО, Ин-т истории и археологии; науч. ред. В. Д. Викторова. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2009. – 128 с.: илл.

Широков В.Н., Волков Р.Б., Нестерова Г.М. Палеолит и мезолит Урала: учеб. пособие / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – 159 с.

ВИНОГРАДОВ Николай Борисович

ЮЖНЫЙ УРАЛ И ЗАУРАЛЬЕ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Учебное пособие

Научный редактор *А.В. Епимахов*

Оригинал-макет *О.Э. Карпенко*

Дизайн обложки *М.В. Садкова*

На обложке использована картина
художника *Шмелёва Юрия Васильевича*

Фото: *С.Б. Баязитов* – 21, 98; *И.Б. Васильев* – 74;
Н.Б. Виноградов – 1–3, 5, 8–9,10, 13, 15, 19, 22–24, 26, 29, 33,35–40, 42–47,
50–53, 55, 71–73, 75–77, 80–84, 86, 88–92, 94–97, 100, 103, 106, 108,
110–113, 116, 118, 122–124, 126–139, 141–144, 146–169,
172–184, 186, 188–195, 201–202, 206, 208–209;
В.П. Дергачев – 27–28; *А.В. Епимахов* – 56; *А.М. Кисленко* – 79, 85;
В.П. Костюков – 49, 199, 203; *С.В. Мазов* – 104–105; *С.В. Марков* – 117, 119–120;
Н.Н. Пашкова – 4, 6, 11–12, 14, 16–18, 25, 30–32; *В.Т. Петрин* – 115;
В.В. Садырин – 34, 205; *А.Д. Таиров* – 48;
В.И. Шустиков – 99

Издательство «АБРИС»
454007, г. Челябинск, пр. Ленина, 15.
Усл. печ. л. 27,9. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$.